

ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ І.І. МЕЧНИКОВА
ФАКУЛЬТЕТ РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ ФІЛОЛОГІЇ

ОДЕСЬКЕ ЛІНГВІСТИЧНЕ ТОВАРИСТВО

ЗАПИСКИ З РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ ФІЛОЛОГІЇ

Випуск 28

Одеса
КП ОМД
2012

ББК 81.43:47-91я43
УДК 811.11:13(067)
3 32

Збірник є фаховим виданням і вміщує статті з питань романо-германської філології, перекладу і викладання іноземних мов

"Записки з романо-германської філології" видаються за рішенням Ради факультету РГФ Одеського національного університету імені І.І. Мечникова. Постанова Президії ВАК України за № 1-05/5 від 01.07.2010 включає цей збірник наукових праць до переліку фахових видань (позиція 67), в яких дозволяється публікувати результати дисертаційних досліджень.

Редакційна колегія:

проф Колегаєва І.М.
(головний редактор),
доц. Строченко Л.В.
(відповідальний секретар),
проф. Жаборюк О.А.,
проф. Карпенко О.Ю.,
проф. Кухаренко В.А.,
проф. Силантьєва В.І.,
проф. Таранець В.Г.,
проф. Голубенко Л.М.,
доц. Матузкова О.П.

*Друкується за рішенням Вченої ради
факультету романо-германської філології
ОНУ імені І.І. Мечникова*

© Одеський національний університет
імені І.І. Мечникова, 2012
© Оформлення КП ОМД, 2012

УДК 811.111'371

Бигунова Н.А.

СТРУКТУРНЫЕ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО АКТА ОДОБРЕНИЯ

В статье анализируются функционально-семантические признаки речевого акта одобрения в английском диалогическом дискурсе. Описаны иллокутивные цели и перлокутивный эффект речевого акта одобрения, рассмотрены языковые средства выражения одобрения.

Ключевые слова: оценка, одобрение, речевой акт.

Бигунова Н.О. Структурні, семантичні та функціональні особливості мовленнєвого акту схвалення. В статті аналізуються функціонально-семантичні ознаки мовленнєвого акту схвалення в англійському діалогічному дискурсі. Описані ілокутивні цілі і перлокутивний ефект мовленнєвого акту схвалення, розглянуті мовні засоби висловлення схвалення.

Ключові слова: оцінка, схвалення, мовленнєвий акт.

Bigunova N.A. Structural, semantic and functional peculiarities of approval speech act. The article analyses functional-semantic characteristics of approval speech act in English dialogic discourse. The article reports on the illocutionary aims and the perlocutionary effect of approval speech act and analyses language devices expressing approval.

Key words: evaluation, approval, speech act.

В процессе познания окружающего мира человек неизбежно оценивает явления и факты действительности, выражая своё личное, субъективное отношение к ним, что находит отражение в его языке. Одним из средств выражения субъективной оценки в современном английском языке являются высказывания одобрения.

Одобрение – это такое отношение к предмету речи, которое показывает, что говорящий признаёт его хорошим, правильным, удовлетворяющим социальным нормам. Мы рассматриваем одобрение как положительную оценку. К одобрительным речевым актам относим собственно одобрение, похвалу, комплимент и лесть.

Среди речевых актов, выражающих положительную оценку, наибольшее внимание уделяется речевому акту комплимента. Им активно занимаются ученые всего мира, такие как Дж. Холмс, А. Померанц, Н. Вольфсон, Дж. Мане, Р. Херберт, П. Браун и С. Левинсон, а также российские ученые: Н.И. Формановская, Е.В. Зверева, Э.В. Мурашкина, Р.В. Серебрякова, Л.Э. Безменова и мн. др. Речевые акты одобрения, похвалы и лести хоть и классифицированы как таковые известными зарубежными лингвистами (А. Вежбицкой, Дж. Остиным, Дж. Серлем и др.), однако детально ими не исследуются.

Речевой акт похвалы активно исследуется российскими и украинскими лингвистами, в частности И.А. Коновой, Л.И. Клочко, И.В. Бессоновой, И.Г. Дьячковой, С.В. Волюнкиной.

В значительно меньшей степени исследован речевой акт одобрения: он стал объектом исследований Г.Е. Слепко, Н.А. Авгановой и Е.В. Ярошевич. Что касается речевого акта лести (который является псевдоодобрительным речевым актом, однако поскольку во многих случаях формулируется и воспринимается как комплимент или похвала, он также попадает в поле нашего зрения), то данный речевой акт также исследован недостаточно (В.В. Леонтьев, Е.С. Петелина).

Объектом данного исследования является речевой акт одобрения.

Предметом исследования служат функционально-семантические особенности речевого акта одобрения, реализуемого в художественном диалогическом дискурсе современного английского языка.

Целью работы является функционально-семантический анализ речевого акта одобрения.

Из поставленной цели вытекают следующие задачи:

- обозначить место одобрения в таксономии речевых актов;
- уточнить иллокутивные цели и перлокутивный эффект речевого акта одобрения;
- исследовать критерий искренности при реализации одобрения;
- классифицировать одобрительные высказывания по одобряемым признакам, по аргументированности / неаргументированности, по степени прямоты / косвенности;
- охарактеризовать языковые средства выражения одобрения в художественном диалогическом дискурсе современного английского языка.

Материалом исследования послужили тексты современных англоязычных художественных произведений, из которых были отобраны высказывания одобрения.

Если придерживаться классификации иллокутивных актов Дж. Серля, в которой выделяются ассертивы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларативы [4], то одобрительные высказывания следует отнести к экспрессивам (с помощью которых, как считает Дж. Серль, выражаются чувства и отношения). Высказывая одобрение некоторому объекту, адресант осуществляет эмоциональное воздействие на собеседника.

Согласно классификации украинского академика Г.Г. Почепцова [3], одобрительные речевые акты можно отнести к фатическим актам и, за исключением лести, к перфомативам.

Н.Д. Арутюнова, занимающаяся, в частности, проблемами теории речевых актов, относит комплимент и похвалу к одному типу речевых актов – фатическому, имеющему своей целью общение, а не сообщение информации [1, 34]. Той же точки зрения придерживаются И.Г. Дьячкова [2, 56] и Т.В. Шмелева [6, 32].

В нашем исследовании мы примыкаем к таксономиям Б. Фрейзера и Н.И. Формановской. Б. Фрейзер выделяет оценивающие акты [8], к которым бесспорно относятся все РА одобрения. Н.И. Формановская выделяет одобрительные речевые акты [5], к которым относит комплимент и похвалу, мы, в свою очередь, считаем необходимым расширить данный список и добавить к нему РА лести.

Иллокутивная цель высказываний одобрения – выражение положительной оценки признаков или качеств объекта. Другой целью одобрительного речевого акта является стремление оказать положительное воздействие на эмоции собеседника. Помимо этих основных целей, одобрение может высказываться также как проявление вежливости, любезности; выражение восхищения, зависти; ухаживание; как коммуникативная маска или средство привлечения внимания.

Речевой акт одобрения выполняет оценочно-характеризующую, экспрессивную и (в некоторых случаях) фатическую функции: он выражает положительную оценку качеств объекта одобрения, обеспечивает нормальное протекание процесса общения и формирует положительную эмоциональную реакцию собеседника.

Одобрительные высказывания классифицируют согласно некоторым критериям: 1) по одобряемым признакам, 2) по аргументированности / неаргументированности, 3) по степени прямоты / косвенности.

1) Что касается одобряемых признаков, то в речевом акте одобрения выражается положительная оценка природным явлениям, неодушевленным предметам, абстрактным понятиям. Одобрение может быть направлено на окружающую среду (природу, погоду, предметы интерьера); на деятелей искусства, науки, их работы (в том случае, если адресант не находится в ценностном взаимоотношении с этими людьми); на ситуацию, идею, традиции. Проиллюстрируем высказывания одобрения, в которых положительно оцениваются различные объекты:

• **“Lovely view, isn’t it?”** she said, gesturing out of the window. Her eyes fell on the fields and she strove for something further to say. **“Lovely colours,”** she added eventually. Patrick nodded (18, 172) (природа).

• **“It’s a pretty church;** people come to it from other villages. I’d say they get a fair crowd” (там же, 159) (место).

• **I bring in two cardboard boxes of purple-black tulips.** “Ah,” she says, brushing the petals of the tulip against her chin. **“Gorgeous. The colour of a Sri Lankan foot”** (19, 65) (неодушевленные предметы).

• **“I think the idea of our own local mystery play is wonderful,”** said Ella. (18, 187) (идея).

• **“Fascinating!”** says Kent, taking a sip of tea. **“I adore all these quaint old British customs. Do you know any others?”** (традиции) (12, 178).

2) Высказывания одобрения могут быть аргументированны либо неаргументированны. В последнем случае положительная оценка не поясняется: **She took several gulps of the amber liquid. “Mmm, lovely”** (18, 58).

В случае аргументированного одобрения оно состоит из тезиса и аргумента, т.е. адресант поясняет, что именно ему нравится, почему тот или иной признак достоин одобрения:

1) **“I love the vase too. Very unusual”** (19, 127).

2) **“What do you feel about the cremation service?”**

“First rate,” said Godfrey. **“I’ve quite decided to be cremated when my time comes. Cleanest way. Dead bodies under the ground only contaminate our water supplies”** (16, 24).

3) Одобрительные речевые акты можно классифицировать по степени прямоты / косвенности.

Прямые речевые акты выражены эксплицитно, т.е. содержат общеоценочную лексику, например:

“What a gorgeous creature,” said Valerie, “I do love children” (18, 41).

Косвенные речевые акты выражены имплицитно, например:

“Like Buckingham Palace,” said one woman who had been called to arrange flowers for some family occasion. **“Only rather better. I think that the Queen lives a bit more simply than those people in there”** (15, 93).

При косвенном выражении одобрения адресату требуется больше интерпретаторских усилий, чтобы реконструировать содержание передаваемого сообщения.

Наблюдения над языковым материалом показывают, что можно выделить гомогенные одобрительные высказывания, т.е. имеющие только одну коммуникативную направленность – одобрение, и гетерогенные одобрительные высказывания, т.е. сочетающиеся с благодарностью, поощрением, гордостью и т.д.

Приведем пример гетерогенных одобрительных высказываний, которые выражают также благодарность:

• **“Goodnight, Ben,”** she whispered, **“I’ve had a wonderful time”** (10, 237).

• **“Glass of water?”** she asks eventually. **“That would be lovely, thank you. I hope you got home from the park that day without getting too wet, Mrs. Fisher”** (19, 66).

Как показывают наши наблюдения, одобрение может быть как искренним, так и формальным, этикетным, неискренним. Неискреннее одобрение помогает адресату «сохранить лицо», скрыть свои чувства (например, обиду или ревность):

“I’ll fix Danny supper.” “Already fed and watered,” Tom says proudly, like he’s conquered a small continent rather than just done the thing I do every day without comment. **“I took him out.” “Great,”** I say, although a little part of me thinks, “damn” (19, 46).

Приведем примеры, в которых одобрение формально и выступает средством поддержания контакта:

• **“I’ll jot my notes down in here.” “Good idea,”** says Luke mildly. **“Would you like some champagne?”** (14, 306).

• **“I hope you go for your scan every year, do you? That’s what I say to all the ladies I meet now. Get yourself scanned. You never know. I pay for Valerie to be scanned every year.” “How lovely,”** said Annie awkwardly – then, aware that this didn’t sound quite right, added, **“I mean, what a thoughtful gesture”** (18, 90).

Неискреннее одобрение может скрывать замешательство, удивление, испуг, разочарование адресанта одобрения:

“I simply adore...” Hang on, where we are? Tarquin’s taking me to Pizza Express. I don’t believe it. The fifteenth-richest man in the country is taking me to bloody Pizza Express.

“... pizza,” I finish weakly. **“Love the stuff”** (14, 198).

Одобрение также может быть неискренним, если адресант одобрения испытывает антипатию к объекту одобрения:

"A baby!" cried Mrs. Lee-Fox, "how wonderful." But in her voice Liffey could hear shock and despair (17, 147).

Одобрительные высказывания могут использоваться как вербальные стратегии: как смена темы, в качестве утешения, извинения, сожаления, упрёка.

Одобрительное высказывание помогает адресанту сменить тему менее резко, без грубости:

Phil crash-landed himself back in front of his pint, to find Mike still on about holidays. "What you're saying about last-minute flights is all very well, Steve, but the problem with self-catering..." (9, 86).

Высказывая одобрение, адресант также может смягчить свое несогласие или отказ, «замаскировать» недовольство, как, например, хозяин дома в разговоре с прибывшим гостем:

"Is the car all right here?" said Stephen, as Patrick approached.

"Absolutely fine," said Patrick. "Unless... Unless you want to put it under the trees," he said. "It'll get a bit hot in the sun" (18, 37).

Приведем пример одобрения идее, которое высказывается перед тем, как ее отклонить. Цель одобрения в данном случае – смягчить отказ от предложения:

"Why don't you come to Italy with us?" Jerry asks Rose. She looks at Julia standing in abject silence behind Jerry. "That would be nice, dear, but I couldn't leave your father" (11, 69).

Одобрительное высказывание может быть выражено в форме сожаления:

• *"I liked Seymour Road," said Georgina simply. "I wish we still lived there." Caroline gave another cackle of laughter* (18, 17).

Одобрение может высказываться как несогласие с собеседником, как противоречие, в таких ситуациях цель одобрительного высказывания – подбодрить собеседника либо третье лицо:

• *"Ah, I apologise for rattling on, Sadie. Old age."*

"No, it's fascinating" (19, 75).

• *By one o'clock, Patrick was presiding over a barbecue.*

"I can't bear barbecues," said Caroline at intervals. "Bloody awful things."

"Barbecues are lovely!" protested Annie in amazement. "They're such fun. Those spare ribs smell delicious," she added encouragingly to Patrick (18, 262).

Проиллюстрируем использование одобрения как вербальной стратегии упрёка:

"You cut Danny's hair!" She doesn't flinch. "Isn't it cute?"

"I loved his curls." "Oh." She looks up, surprised (там же, 142).

Основным ожидаемым перлокутивным эффектом речевого акта одобрения является выражение положительной оценки и удовлетворение эмоциональных потребностей адресанта. Адресант не стремится оказать воздействие на неодушевленные предметы, он не может стимулировать их к дальнейшему положительному проявлению или положительным поступкам, как,

наприклад, в РА похвали, комплімента і лести; цель адресанта – виразити своє позитивне емоціональне состояние. Крім того, одобрение нерідко виступає стратегією негативної ввічливості, предписуваної, в частности, формулювати висказування в зм'ягчуючій модальній упаковці [7, 131]: висказування одобрения предв'яряють упрек, недовольство, допомагають ввічливо сменить тему і т.д.

Во многих контекстах одобрение виступає як зголасие с мнением, с идеей, с предложением, то есть оно само по себе уже является реакцией и, следовательно, не предусматривает новой реакции:

“I just thought we could get a bite to eat and then... see.”

“Sounds good,” I say, as we start walking (14, 166).

В случае, если адресант инициирует одобрение, то типичной реакцией на него является зголасие:

“The photo’s good, don’t you think?” says Martin enthusiastically. “Brings out the flowers in our curtains beautifully.” “Yes, the photo’s great.” I agree (там же, 247).

Ответное одобрение может быть неискренним, если говорящий просто старается быть ввічливим и не обидеть заинтересованное лицо:

“It would give me great pleasure to do your wedding make-up. You and the whole bridal party.” “Janice!” exclaims my mother in delight. “What a kind thought! Think of that, Becky. Professional make-up!” “Er... fantastic!... Great!” I say feebly. “Perhaps I’ll have a look nearer the time...” There is no way in a million years I’m letting Janice near my face (13, 66).

Незголасие с одобрительным висказуванием может быть вызвано антипатией адресата к субъекту висказування или объекту одобрения (о чем известно из контекста) либо неуместностью одобрительного висказування в конкретной речевой ситуации:

“Hello, Cressida,” said Stephen. “How are you?”

“What a lovely name!” piped up Valerie. “I don’t think I’ve heard that one before. Is it from a book?” Cressida gave her a look of astonishment (18, 77).

Приведем контекст, в котором одобрение вызывает ярость пожилой женщины, злой на весь мир и особенно на молодых людей, вроде адресанта одобрения:

“Hello, there, Mrs. Williams! That’s a lovely lilac you’ve got there: can I help you at all? You really should be resting in weather like this, Mrs. Williams. What are you doing?” Before she could stop herself she’d replied, “Digging my fucking grave. At my age what the fuck else would I be doing?” (9, 20).

Таким образом, успешность воздействия одобрительного висказування на адресата определяются субъективными экстралингвистическими факторами, такими как коммуникативная ситуация, которая должна быть благоприятной для висказування одобрения – т.е. оно должно быть уместно в данной ситуации, и наличием определенных личностных качеств инициатора одобрения (тактичности, чуткости, искренности).

Анализ причин негативной реакции на одобрительные висказування показал, что негативная реакция может быть обусловлена такими причинами, как неуверенность адресата в искренности адресанта, антипатия ад-

ресата к говорящему, неуместность одобрительного высказывания в конкретной ситуации и ошибка в выборе предмета одобрения, а также фамильярность говорящего и скромность адресата.

В художественном дискурсе выражения одобрения маркируются автором авторскими ремарками либо внутренней персонажной речью. Для этого используется глагол *approve* и его производные, номинирующие иллокутивную цель и/или перлокутивный эффект высказывания:

1) *"I must be protected from the sight of the telephone. I have spoken to Lettie, and she **approves** my decision. Mrs. Pettigrew thinks, too, it will be the best course – don't you, Mabel? Everyone is agreed"* (16, 169).

2) *"What's wrong, Mummy?" Danny looks anxious.*

*I force myself to smile, not wanting to upset him. "Nothing, sweetie. **It looks very smart.**" "Rona says it's good to look smart." Danny grins now he's got my **approval** and snuggles into the duvet* (19, 141).

Лексическое наполнение речевого акта одобрения характеризуется преимущественным использованием прилагательных положительной оценки, а также аффективных прилагательных (в семантике которых сема оценки сочетается с семой интенсификации). Самыми распространенными прилагательными положительной оценки являются *good (better, best)*. Кроме того, активно используются прилагательные *nice, right, great*. Если одобрение вызвано окружающей средой (природой, зрелищем, интерьером) используются прилагательные *impressive, comfortable, cosy, comfortable, favourite*; если одобрение вызвано абстрактными понятиями (например, идеями, предложениями, новостями) используются прилагательные *imaginative, sensible*; если одобряется еда – *nourishing, delicious*.

К наиболее распространенным интенсификаторам, усиливающим положительную оценку прилагательных, относятся интенсификаторы *very, quite, pretty, perfectly, totally, absolutely*. Среди других частей речи используются глаголы положительной оценки *like, love, adore*.

Оценочные прилагательные зачастую используются в сравнительной и превосходной степени сравнения:

Charmian said, "I'm getting feeble in mind as well as body, Godfrey. I shall go to the nursing home in Surrey. I'm quite decided."

*"Perhaps," said Mrs. Pettigrew, "**that would be the best**"* (16, 133).

В одобрительных высказываниях активно используются сравнительные обороты *like* и *as ... as*, как например, в такой ситуации, где предметом одобрения выступают тюльпаны:

*"But, my darling, **I cannot help but adore them!**" She grins, an almost childish grin. "I don't want to! But I cannot help it, **it's like having the Dorset countryside brought into this dusty old London house**"* (19, 230).

На уровне синтаксиса в РА одобрения самой распространенной моделью является следующая: *Prn/N + BE + (intens.) + Adj + Noun*:

• *"**That's a fine piece,**" I say knowledgeably, nodding towards a big gift-framed mirror* (13, 17).

• *"Vintage! A vintage ring! **That's such a cool idea!**"* (там же, 87).

Во многих контекстах данная модель предстает в эллиптической форме: *“I’ll jot my notes down in here.” “Good idea,” says Luke mildly. “Would you like some champagne?”* (14, 306).

Во многих случаях РА одобрения передается моделью *Prn/N + SOUND + Adj + (Noun)*:

• *“Today we’re also offering tea, coffee, or a glass of champagne.” Champagne? Free champagne? “Ooh!” I say. “Well actually – that sounds really good. Yes please!”* (там же, 227).

Кроме того, выражение одобрения возможно путем использования модели *Prn/NP + SEEM + Adj + (Noun)*:

“Your career in television seems to be going well,” he says (там же, 31).

К синтаксическим средствам выражения одобрения относятся восклицательные предложения, среди которых выделяются модели *What + Noun* и (менее распространенная) *How + Adj*:

• *“What a delightful garden,” said Charmian* (16, 153).

• *“Gosh,” I say. “How fab!”* (14, 53).

В приведенных примерах *what* и *how* являются сигналами, предваряющими фокус информации, которая содержится во второй части высказывания – положительную оценку или одобрение.

Одобрение зачастую выражается отрицательно-вопросительными предложениями: *“Isn’t this nice?” Mum continues as she sits down. “Very grand!” She looks around, her eyes bright* (13, 75).

Среди вопросительных предложений имеют место также разделительные предложения:

• *“Looks good, doesn’t it?” he says cheerfully* (14, 248).

• *“The Bevington Triptych,” says the elderly woman. “It simply has no parallel, does it?”* (12, 69).

Иллокуция одобрительного высказывания усиливается с помощью повтора. Имеют место простой, анафорический, кольцевой, синонимический повтор и повтор с нарастанием. Приведем пример синонимического повтора:

“I thought we’d just have a nice quiet supper,” says Tarquin, looking over at me. “Lovely,” I say. “Nice quiet supper. Perfect” (14, 196).

Таким образом, языковое маркирование речевого акта одобрения достигается употреблением прилагательных положительной оценки, интенсификаторов, использованием синтаксических моделей *Prn/N + BE + (intens.) + Adj + Noun*, *Prn/NP + SOUND + Adj + (Noun)*, *What + Noun*, *How + Adj*, использованием сравнительных оборотов *like* и *as ... as*, повторов. Перспективой данного исследования является изучение интонационных характеристик речевого акта одобрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. — М.: Прогресс, 1992. — С. 32-40.
2. Дьячкова И.Г. Похвала и порицание как речевые жанры // Вестник Омского университета. — Омск: Зарево, Вып. 3, 1998. — С. 55 – 58.
3. Почепцов Г.Г. Слушатель и его роль в актах речевого общения / Г.Г. Почепцов // Единицы и регулятивы: Межвуз. сб. научн. тр. — Калинин: Калининск. гос. ун-т. — 1987. — С. 26 – 38.

4. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.16: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170 – 195.
5. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. — М.: ИКАР, 1988. – 230 с.
6. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов: Свет, 1997. – С.31 – 34.
7. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.
8. Fraser B. Hedged performatives / B. Fraser // Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts. – New York etc.: Academic Press, 1975. – P. 187-210.

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

9. Butlin Ron. No More Angels. – Surrey, Croydon: Bookmarque Ltd, 2007. – 207 p.
10. Cox J. Divorced and Deadly. – London: Harper Collins Publishers, 2009. -240 p.
11. Jones Russell Celyn. Ten Seconds from the Sun. – London: Abacus, 2009. – 309 p.
12. Kinsella Sophie. Shopaholic Abroad. – London: Black Swan, 2001. – 350 p.
13. Kinsella Sophie. Shopaholic Ties the Knot. – London: Black Swan, 2002. – 394 p.
14. Kinsella Sophie. The Secret Dreamworld of a Shopaholic. – London: Black Swan, 2000. – 320 p.
15. Smith A.M. The No. 1 Ladies' Detective Agency. – London: Abacus, 2010. – 250 p.
16. Spark Muriel. Memento Mori. – London: Virago. – 2010. – 226 p.
17. Weldon Fay. Puff Ball. – London: Coronet books, 1985. – 272 p.
18. Wickham Madeleine. The Tennis Party. – London: Black Swan, 1996. – 336.
19. Williams Polly. How to be Married. – London: Headline Review, 2010. – 376 p.

ОСОБЕННОСТИ СПОНТАННОЙ РЕЧИ КАК ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются особенности спонтанной речи как объекта исследования. Исследование спонтанной речи отражает интерес современной лингвистики к функционированию языковой системы в различных условиях общения и призвано восполнить пробел в описании фонетических характеристик спонтанной речи на основе экспериментальных данных. Для этого необходим такой вид языкового материала, который характеризуется неподготовленностью формы.

Ключевые слова: экспериментальные данные, языковая система, спонтанная речь, функционирование языковой системы.

Васильченко О.Г. Особливості спонтанного мовлення як об'єкту дослідження.

У статті розглянуто особливості спонтанного мовлення як об'єкту дослідження. Дослідження спонтанного мовлення відображає інтерес сучасної лінгвістики до функціонування мовної системи у різноманітних умовах спілкування та покликано заповнити пропуски в описі фонетичних характеристик спонтанного мовлення на основі експериментальних даних. Для цього потрібен такий вид мовного матеріалу, який характеризується формою, що не є підготовленою.

Ключові слова: експериментальні дані, мовна система, спонтанне мовлення, функціонування мовної системи.

Vasilchenko E.G. Peculiarities of spontaneous speech as the object of research. *In the article peculiarities of spontaneous speech as the object of research are considered. The research of spontaneous speech reflects the interest of modern linguistics to functioning of linguistic system in different conditions of communication. They are meant to fill in the gap in the description of phonetic characteristics of spontaneous speech on the basis of experimental data. It requires the linguistic material characterized by the unprepared form.*

Key words: experimental data, linguistic system, spontaneous speech, functioning of linguistic system.

В 60е гг. 20 века лингвисты, занимавшиеся изучением устной речи, называли ее бедной родственницей письменной. При этом они отмечали ее генетическую и физиологическую первичность. В результате изучение устной речи проводилось, как правило, в параметрах, задаваемых методами, разработанными для анализа письменной речи.

Бабенко Н.С. в статье "Особенности взаимодействия устного и письменного языка в Германии 16 века" пишет, что исследователю истории языка доступны только письменные тексты, которые по своей природе являются кодированием второго порядка, альтернативным способом фиксации речевых структур. В силу своей специфики письменные тексты не только фрагментарно, но подчас и весьма недостоверно отражают "первичные речевые жанры", неписьменные формы существования языка. В любой исследовательской ситуации, связанной с изучением устной речи вне ее живого функционирования, вне координат "здесь и сейчас", будет ощущаться не-

полнота данных о характере функционирования разговорных форм языка и вторичность их отображения. Устные формы языка являются первичными и генетически, и функционально [1].

В лингвистике исследования спонтанной речи СР начались в 80-е годы 20 века, в то время как психологи занимались феноменом СР давно. С психологической точки зрения понятно, что содержание выступления само по себе удерживает интерес и внимание очень недолго и непрочно. Все мыслимые приемы построения речи как таковой уже отыграны, и борьба за аудиторию ведется в других модальностях: выступление стало гораздо более зрелищным, чем чтение вслух. Вспомнить, хотя бы "ток-шоу", когда одни смотрят, как другие говорят.

У живого говорящего человека стало столько могущественных конкурентов в деле передачи информации, что единственной его сильной стороной оказалось то, что он живой говорящий человек. То есть, он может общаться с аудиторией, и чем живее и спонтаннее он это делает, тем большую обратную связь он получает. Р. Хофф подчеркивает важность контакта, замкнутой цепи взаимного реагирования [12].

Актуальность выбора объектом исследования спонтанной речи обосновывается следующим образом: современное языкознание стремится представить систему языка в ее функционировании, а для этого нужно понять механизмы порождения и восприятия речи, а следовательно обратиться к СР.

Исследование СР отражает интерес современной лингвистики к функционированию языковой системы в различных условиях общения и призвано восполнить пробел в описании фонетических характеристик СР на основе экспериментальных данных. Для этого необходим такой вид языкового материала, который характеризуется неподготовленностью формы. Еще в конце 20 века такой языковой материал называли нетрадиционным.

Традиционным материалом считалась и считается подготовленная речь. Это материал высокого качества, речь безупречная, безошибочная, продуманная и отшлифованная как по содержанию, так и по форме. Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая и соавторы утверждают в своей монографии, что кодифицированный литературный язык (КЛЯ) является вторичным по отношению к СР. Но поскольку данные для КЛЯ описаны лучше, то именно от них отталкиваются при описании характеристик СР. Поэтому в экспериментально-фонетических исследованиях используется чаще всего так называемая "лабораторная" речь, то есть такая реализация устной речи, которая может быть далекой от реальной СР говорящих на данном языке людей. Такой фонетический материал безусловно полезен и необходим на определенном уровне фонетического описания. Однако на современном этапе существует большая потребность описания фонетических свойств "естественной" речи. Именно поэтому остро встает проблема получения такого исходного материала, который был бы близким по форме реализации к "естественной" речи. В связи с этим возникает вопрос – как правильно и корректно записать СР? Чтобы она была по-настоящему спонтанной, неподготовленной, сиюминутно порожденной?

Именно эта речевая стихия, которой свойственны ошибки, небрежность, неполнота, недостаточное внимание к внешней форме, становится в последние десятилетия объектом исследований. Именно эти характеристики естественны для устного спонтанного общения. Для устной речи вообще характерен спонтанный характер, и чем больше спонтанности в сообщении, тем больше в нем доля участков неполного типа.

Спонтанная речь – это коммуникация неподготовленная по форме, свободно и сиюминутно порождаемая устная речь, которая составляет основную долю речевой деятельности человека.

При изучении СР важно принимать во внимание лингвистические и экстралингвистические факторы. Большое значение имеет социолингвистический аспект, то есть отношения между коммуникантами (друзья, начальник и подчиненный, люди разного возраста). СР сопровождают паралингвистические средства: жесты, мимика, неречевые звуки.

К экстралингвистическим факторам относятся: внешняя обстановка (шум, погода), индивидуальные особенности голоса собеседников, манера говорить, психологические черты говорящих (флегматичен или экспрессивен, лаконичен или многословен).

Указанные факторы делают СР фонетически несовершенной: отдельные ее отрезки, слова редуцируются, искажаются, порой до неузнаваемости. Однако изучение звуковых характеристик именно СР приобретает большое значение, когда мы переходим от эмпирического описания наблюдаемых явлений к теоретической интерпретации того, что они означают для объяснения языковых процессов, живого функционирования языка. Производимая речь всегда содержит элементы возможных звуковых изменений, а в СР их неизмеримо больше.

Фонетическая организация СР своеобразна. Это связано с одним из фундаментальных свойств языка, выражающимся в избыточности языка как кода. Специфика фонетических свойств СР состоит в большой вариативности, вариативности как сегментных, так и супraseгментных единиц.

Более широкая по сравнению с кодифицированным языком вариативность языковых характеристик СР приводит к отличиям в функционировании, соотношении, частотности элементов ее звуковой системы. Хотя СР и не имеет особых фонем, ее система фонем обладает определенными особенностями [10, 9].

С фонетической точки зрения СР может быть представлена как речь с более "размытыми" характеристиками звуковых единиц. Это свойство связано с ситуацией непринужденного общения, с более быстрым темпом, чем речь подготовленная, а также с высокой частотой употребления тех или иных словоформ. Убыстрение темпа является одним из факторов количественной и качественной редукции звуков. Следующей причиной фонетической "размытости" называют смысловую избыточность, возникающую за счет контекста и допускающую большую вариативность фонетических реализаций значимых единиц. В СР речи просто нет времени на четкую реализацию. СР связана с максимально непринужденным способом произношения, который имеет место в процессе ежедневного общения со знакомыми людьми в уз-

ком кругу, где говорящие не обращают внимания на способ высказывания и где ориентация направлена исключительно на передачу информации.

Очевидно, что СР – это устная речь, неподготовленная по форме, которая однако может сочетаться с различной степенью подготовленности / обдуманности ее содержательной стороны.

СР многообразна в своих проявлениях. Она может использоваться в различных ситуациях общения: диалог или полилог, беседа, свободный монолог, доклад и лекция (проговариваемые без опоры на письменный текст, как размышления вслух и ориентированные на непосредственную реакцию слушателя).

Выступление лектора перед аудиторией представляет собой форму публичного общения, его речь социально значима, она несет информацию о разных областях человеческого знания и культуры. Чем свободнее говорит выступающий, чем меньше он ориентируется на письменный текст, тем более отличается его речь от кодифицированного письменно-литературного эталона. Устная форма осуществления такой речи обуславливает наличие в ней особенностей спонтанного, линейно организованного во времени речевого потока [13]. Именно феномен спонтанности в научном дискурсе и его влияние на слушателя привлекает внимание исследователей.

Устная речь – сложное явление, которое интересует не только лингвистов, но и когнитологов, социологов, психологов, культурологов, и характеризуется множественностью подходов и дискуссионностью проблематики. Здесь важно наличие прямого контакта со слушающей аудиторией, синхронность мысли и речи. Мысль "как бы драматизируется" [3, 35]. Большое значение здесь имеет просодия, которая обеспечивает включенность описываемой ситуации в реально развертывающийся коммуникативный акт. Невербальный контекст в виде жестов, мимики, обратной зрительной связи со слушающей аудиторией, диалогизацией является важным компонентом этой драматизации. Устной речи свойственна живая эмоция, динамичность, процесс осмысления, активное субъективное внедрение. Живая речь, устнопорожденная, а не озвученная с листа, вызывает оживление аудитории, что свидетельствует об активизации рефлексии и создает "регулятивный – игровой – эффект" [2, 194].

Продуцирование, или порождение речи, – один из двух главных процессов речевой деятельности (помимо восприятия речи), который заключается в планировании и реализации речи в звуках или графических знаках. Это совокупность действий перехода от речевого намерения к звучащему или письменному тексту, доступному для восприятия.

К устной речи относят, обычно, все, что звучит. При этом не задумываются о различиях, существующих между устным порождением и озвучиванием письменного текста. Эту разницу в своих работах подчеркивает Бубнова Г.И. Устнопорождаемая речь создается в условиях многоканальности, для которой характерно равноправное и синхронное взаимодействие лексико-грамматических и фонетических средств уже на стадии планирования, в то время как озвучивание использует фонетическую субстанцию как вторичный и факультативный по сравнению с лексико-грамматическим компо-

нентом способ актуалізації. Смысл письменного текста полностью создан и доступен до начала озвучивания [3]. Бубнова Г.И. показала в ряде своих публикаций, что различия, наблюдаемые в ходе порождения и восприятия устной и письменной речи, таковы, что языковой субъект мыслит и действует в каждой ситуации по-разному.

В. Гумбольдт говорил в своем учении, что язык – это саморазвивающаяся система: "Языки возникли не по произволу и не по договору, но вышли из тайников человеческой природы и являются саморегулируемыми и развивающимися звуковыми стихиями" [5, 324] Язык возник как результат саморазвития высших психических функций человека. В. Гумбольдт указывал на тесную связь возникновения и развития языка со становлением человеческой рефлексии: "Язык начинается непосредственно и одновременно с первым актом рефлексии" [5, 301]. Это утверждение контрастирует с положением о том, что язык изобретен человеком. Исследования глубинной динамики речемыслительной деятельности говорит в пользу того, что язык сформировался стихийно, независимо от воли человека. Человек лишь волен сознательно нормировать язык [2, 7].

Рядом исследователей устнопорождаемая речь рассматривается с позиции лингвосинергетики. Синергетика описывает процессы взаимодействия систем различной природы, их самоорганизацию и саморазвитие [11]. Методология синергетики нашла философское осмысление и применение в различных науках. В сфере лингвистики первый камень в основание новой методологии был заложен русским мыслителем П.А. Флоренским, который представил слово как "синергию", особенное явление, порожденное содействием различных сил [9]. Р. Г. Пиотровский выделил синергетику в качестве одного из магистральных направлений лингвистики будущего. "Можно ожидать, – писал он – что проблема синергетики языка и речи станет одной из центральных проблем языкознания 21 века" [6, 418].

Лингвосинергетический подход заключается в том, что понятие "синергия", взаимодействие, лежащее в его основе, позволяет максимально непротиворечиво и экономно рассмотреть сложность и многоаспектность изучаемого объекта. Изменения, происходящие внутри системы, обусловлены по мнению исследователей, как ее собственными законами самоорганизации (языковыми параметрами), так и постоянным обменом энергией с "внешней средой" (с ситуацией коммуникации и ее участниками).

Гипотеза, которую выдвигают Бубнова Г.И. и Ратникова Е.И., заключается в том, что изменения, происходящие внутри системы, имеют нелинейный характер, поскольку в устнопорождаемом высказывании общий запас энергии уменьшается во времени, то есть является диссипативной системой. Любые последовательные изменения, представляющие собой линейный процесс, являются частью более крупного нелинейного процесса. Иными словами, исследователи предполагают, что устнопорождаемое высказывание представляет собой нелинейную систему. Можно сделать вывод, что устнопорождаемое высказывание обладает двойственной природой. С одной стороны – это непредсказуемость, т.е. природа устнопорождаемого высказывания хаотична и случайна. С другой стороны – это жесткая детерминированность усло-

виями порождения – многоканальность (вербальные и невербальные средства), необратимость, интерактивность, синхронность мысли и ее вербализация. Авторы делают вывод, что устнопорождаемое высказывание обладает свойствами синергетического объекта и иллюстрирует таким образом синергетическое представление о "возникновении порядка из хаоса" [4, 133].

Устнопорожденное высказывание именно формируется, порождается, а не переходит в готовом виде из мысли в речь. В речи мы формулируем мысль, но, формулируя, мы сплошь и рядом ее формируем" [8, 189]. Порождение речи представляется дополнительным процессом: время артикулирования начальных элементов речи используется для планирования дальнейшей информации, которая затем внедряется в высказывание. Поскольку говорящий по ходу производства речи может оценивать реакцию слушателя, планирование речи и реализация плана протекают параллельно. Общий замысел зачастую корректируется в процессе говорения. Спонтанность устной речи оставляет следы продуцирования. Говорящий контролирует больше содержание высказывания, чем используемые формы, поэтому спонтанная речь отличается большей вариативностью звукового выражения языковых единиц. Именно она дает возможность наблюдать процесс возникновения и развития звуковых изменений в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Н.С. Особенности взаимодействия устного и письменного языка в Германии 16 века / Н.С. Бабенко. // Устные формы литературного языка. История и современность. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 87-105.
2. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. – М.: Либроком, 2009. – 288 с.
3. Бубнова Г.И. Специфика дискурсивного процесса в условиях устного и письменного порождения речи / Г.И. Бубнова. // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 1. – С. 23-35.
4. Бубнова Г.И., Ратникова Е.И. Устнопорождаемая речь: изучение синергетических свойств на акустическом уровне / Г.И. Бубнова, Е.И. Ратникова. // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 3. – С. 124-135.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
6. Пиотровский Р.Г. Теоретические и прикладные проблемы языкознания на рубеже XX в. / Р.Г. Пиотровский. // Лингвистика на исходе XX в. Тезисы международной конференции. Ч. 2. – М.: Филология, 1995. – С. 417-419.
7. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: ЛКИ, УРСС, 2008. – 296 с.
8. Уланович О.И. Психолингвистика / О.И. Уланович. – Минск: "Издательство Гревцова", 2010. – 239 с.
9. Флоренский П.А. История и философия искусства / П.А. Флоренский. – М.: Правда, 2000. – 446 с.
10. Фонетика спонтанной речи / [Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гейльман Н.И. и др.]; под. ред. Н.Д. Светозаровой. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 248 с.
11. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: наука о взаимодействии / Г. Хакен. – М.-Ижевск, 2003. – 320 с.
12. Хофф Р. Как подготовиться к презентации и с блеском ее провести / Р. Хофф ; [пер. с англ. А.Д. Иорданского]. – М. : Независимая фирма "Класс", 1996. – 152 с.
13. Шитова Л.Ф. Типы внутрифразовых лексических повторов и характер их просодического оформления (На материале аудиторных лекций) / Л.Ф. Шитова. // Фонетика устного текста: межвузовск. сб. – Иваново, 1987. – С. 143-147.

УДК 811.111'373

Джуматий О.О.

**АНГЛОЯЗЫЧНОЕ ЛСП "FACE":
ЛИЦО КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ И ЧУВСТВ
(на материале толковых словарей)**

В статье рассматривается вербализация проявлений эмоций и чувств на лице человека. Анализируются лексикографические единицы, номинирующие различные проявления эмоций и чувств в современном английском языке, в контексте исследования ЛСП "FACE".

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, сема, эмоции, чувства.

Джуматий О.О. Англomовне ЛСП "FACE": обличчя як засіб відображення емоцій та почуттів (на матеріалі тлумачних словників). У статті розглядається вербалізація прояву емоцій та почуттів на обличчі людини. Аналізуються лексикографічні одиниці, що номінують різноманітні емоційно-почуттєві прояви в сучасній англійській мові, в контексті досліджуваного ЛСП "FACE".

Ключові слова: лексико-семантичне поле, сема, емоції, почуття.

Dzhumatiy O. English Lexical Semantic Field (LSF) "FACE": facial reflections of feelings and emotions" (on the basis of English dictionaries). The article focuses on verbalization of facial expressions of emotions and feelings and analyses lexical units which nominate these expressions in modern English in the context of LSF "FACE".

Key words: lexical semantic field, seme, emotions, feelings.

Значительную роль в развитии современной лингвистики играет развитие семантики в частности, лексической, которая изучает проблемы смысла, значения и толкования знаков и знаковых выражений, в том числе и тех, которые ограничены определенной предметной и понятийной сферами.

Наименьшей единицей семантики является сема, носитель определенного грамматического и/или лексического значения, которая иногда соотносится с соответствующими элементами плана выражения, но чаще не имеет отдельного формального соответствия. Последнее, прежде всего, касается лексических сем.

На основании парадигматических семантических отношений слова образуют различные группировки: лексико-семантические поля (ЛСП), лексико-семантические группы (ЛСГ), синонимические ряды, антонимические, гипонимические, тематические группы, ассоциативные поля [4, 71].

Особое распространение в лингвистике за последние несколько десятилетий получила полевая модель системы языка. В зарубежной лингвистике разработкой полевой концепции языка занимались такие ученые, как Й. Трир, Г. Ипсен, Л. Вайсгербер, В. Гумбольдт, В. Порциг и т.д. В советском, а позднее, в российском и украинском языкознании, данный вопрос рассматривается в трудах Ю.Д. Апресяна, А.А. Уфимцевой, Г.С. Щура, Л.М. Васильева, В.В. Левицкого, З.Д. Поповой, И.А. Стернина и т.д. Практическое

применение полевой концепции языка заключается в анализе и описании конкретных лексико-семантических полей, среди которых, по нашим наблюдениям, наиболее детально разработаны поля наименований семейных отношений, профессий, питания и т.д., поскольку самым важным для человека является сам человек и его ближайшее окружение [7, 258].

Несмотря на безусловную важность лица человека как основного компонента внешности и одной из главнейших составляющих индивидуальности, соответствующее лексико-семантическое поле до настоящего времени не было достаточно разработанным. Данный факт подтверждает актуальность настоящего исследования, посвященного изучению лексико-семантического поля "FACE" и проводившегося на материале лексикографических источников, а именно десяти толковых и двух англо-русских словарей.

В нашем исследовании ЛСП понимается как совокупность лексических единиц, объединенных общим смыслом. Необходимым для ЛСП является наличие общего (интегрального) семантического признака, который объединяет все единицы поля и выражается лексемой с обобщенным значением – архилексемой [11, 380]. В некоторых научных исследованиях архилексема имеет название "идентификатор ЛСП" [6, 30].

В нашем случае идентификатором ЛСП, согласно которому члены данного поля выделяются из общего массива английского языка, выступает слово "face".

Как было замечено выше, лицо является не только основным компонентом внешности человека, но также играет значительную роль в невербальной коммуникации, оказываясь своеобразным экраном, на котором более или менее полно отражается динамика актуальных переживаний человека [1]. Исходя из этого, в составе анализируемого ЛСП "FACE" можно выделить два микрополя:

- "лицо как внешность",
- "лицо как средство выражения эмоций", конститuentы которого описывают мимические движения, а также изменения состояния лица (к примеру, изменение цвета лица – *to blush, to gain colour, etc*), которые свидетельствуют о переживании определенных эмоций.

Объектом нашего исследования в целом является англоязычное ЛСП "FACE", а **предметом** исследования в данной статье – микрополе "лицо как средство выражения эмоций". Это микрополе представляет собой совокупность англоязычных лексикографически зарегистрированных слов, словосочетаний и фразеологических единиц, которые называют мимические движения и изменения выражения лица, отражающие эмоции человека и, в некоторых случаях, являющиеся средством невербальной коммуникации.

Целью исследования, представленного в статье, является анализ вербализации проявлений эмоций и чувств человека на его лице. Достижение данной цели предполагает постановку и решение следующих задач: 1) определение принципов, согласно которым лексические и фразеологические единицы следует включать в состав микрополя "лицо как средство выражения эмоций"; 2) проведение сплошной словарной выборки соответствующих лексических, в том числе и фразеологических единиц; 3) определение

терминов "эмоция" и "чувство"; 4) анализ составляющих микрополя и их классификация согласно семантической представленности проявлений эмоций и чувств.

В результате сплошной выборки из словарей английского языка было получено 190 лексических единиц микрополя "лицо как средство выражения эмоций" (74% от общего количества зарегистрированных словарных единиц). Отбор составляющих микрополя проводился по принципу наличия в словарной дефиниции слов, словосочетаний и фразеологизмов следующих сем (сигнификативных узлов): 1) номинация лица/части лица; 2) номинация мимического движения либо изменения состояния лица; 3) номинация эмоции либо эмоционального (психологического) состояния человека, при котором возможно соответствующее мимическое движение/изменение состояния лица.

Схематически необходимый для конститuentов микрополя набор сем можно представить следующим образом:

(1) что (лицо/часть лица) + (2) что делает (что происходит) + (3) как (для чего, в каком случае).

Например:

• **Frown v** = (2) to move + (1) your eyebrows + (3) down and closer together + (3) because you are annoyed, worried or thinking hard (MED).

В состав микрополя были также включены такие лексические и фразеологические единицы, в которых одна или несколько необходимых сем не представлены, но подразумеваются и могут быть эксплицированы через цепь дефиниций. Например:

• **Beam n** = a wide happy smile (LD); **smile n** = (1) an expression on your face in which you + (2) raise + (1) the corners of your mouth + (3) because you are happy, pleased or because you think sth is funny (MED).

Отражая разнообразные эмоции и психологические состояния человека, лицо выступает своеобразной сигнальной системой, передающей сообщения об эмоциональных переживаниях человека, его чувствах.

Следует отметить, что вопрос об отнесении определенных психологических явлений к сфере эмоций либо к сфере чувств подчас является сложным, как и вопрос о том, что следует понимать под терминами "эмоция" и "чувство". Е.П. Ильин объясняет это тем, что "житейское понимание слова "чувство" настолько широко, что теряет конкретное содержание. Это и обозначение ощущений ("чувство боли") <...> и самооценка ("чувство собственного достоинства", "чувство неполноценности") и т.п." [3, 293].

В современной психологии существуют различные точки зрения касательно соотношения эмоций и чувств, однако большинство психологов придерживаются позиции разделения чувств и эмоций. В нашем исследовании чувства и эмоции рассматриваются как взаимосвязанные, но не тождественные психологические явления. При этом под термином "чувства" понимаются "устойчивые эмоциональные отношения человека к явлениям действительности, отражающие значение этих явлений в связи с его потребностями и мотивами" [5, 544]. Отличительными признаками чувств являются: 1) отношение не к ситуации, а к личностно-значимому объекту; 2) устойчи-

вость и длительность этого отношения; 3) выделение явлений, имеющих стабильную мотивационную значимость; 4) возможность проявления одного и того же чувства в разных эмоциях, в зависимости от ситуации, в которую попадает объект чувства (так, например, любящая (чувство) мать будет испытывать радость (эмоция) от успехов своего ребенка и разочарование/огорчение/досаду (эмоция) при его неудачах) [3, 300-302].

Анализ составляющих микрополя "лицо как средство выражения эмоций" показал, что в семантике исследуемых лексических и фразеологических единиц эксплицировано проявление только одного чувства – чувства любви (13 конституентов микрополя).

Любовь, без сомнения, является одним из самых фундаментальных и самых сложных для описания и определения чувств. Невозможно дать единственное, исчерпывающее определение любви [2, 411], или полностью описать всю гамму переживаний, испытываемых влюбленным и любящим человеком. Е.П. Ильин отмечает, что одними из главных признаков проявления любви являются "сердечность и привязанность к объекту любви. Сердечность проявляется в объятиях, поцелуях, а привязанность – в устойчивой потребности в общении с данным человеком" [3, 328]. Психологи выделяют несколько разновидностей любви: любовь родителей к детям (родительская, материнская, отцовская любовь), между братьями и сестрами (сиблинговая любовь), между мужчиной и женщиной (романтическая любовь), любовь ко всем людям (христианская), любовь к Богу [2, 411]. В англоязычных словарных определениях любви кроме двух вышеперечисленных разновидностей – романтической и семейной любви – упоминается также любовь к друзьям:

- **love** = *the feeling of liking another adult very much and being romantically and sexually attracted to them, or strong feelings of liking a friend or a person in your family (CALD);*

- **love** = *1) a strong feeling of fondness for another person, esp. between members of the family or close friends; 2) fondness combined with sexual attraction (LDELIC);*

- **love** = *1) a very strong emotional and sexual feeling for sb; 2) the feeling of liking and caring for sb such as a member of your family or a friend (MED).*

В нашей выборке 6 конституентов микрополя номинируют проявления любви (например, *(to) cast sheep's eyes at smb* = *смотреть на к.-л. влюбленно, преданно (K)*; *goo-goo eyes* = *влюбленные взгляды (K)*; *kiss v* = *to touch sb with your lips because you love them or have sexual feelings for them (MED)*).

В отличие от чувств, эмоции 1) привязаны не к объектам, а к ситуациям и явлениям; 2) ситуативны и кратковременны; 3) выделяют явления, имеющие значения в данный момент времени ("здесь и сейчас") [3, 302]. Кроме того, одна и та же эмоция может проявляться в разных чувствах (например, радость от успеха любимого человека и от неудачи недруга). Таким образом, в нашем исследовании под термином "эмоции" понимаются кратковременные "психофизиологические реакции человека, связанные с проявле-

нием субъективного пристрастного отношения (в виде переживания) к значимой ситуации и ее исходу <...>" [3, 35].

В процессе анализа составляющих микрополя "лицо как средство выражения эмоций" было установлено, что в их дефинициях присутствуют семы проявления таких эмоций, как: радость/happiness; гнев/anger; удивление/surprise; интерес/interest; отвращение/disgust; презрение/contempt; стыд/shame; вина/guilt; страх/fear; печаль/sadness; беспокойство, тревога/anxiety; неодобрение/disapproval; скука/boredom. Среди вышеупомянутых эмоций первые десять рассматриваются психологами как базовые [2, 47], то есть врожденные эмоции, на базе которых развиваются более сложные социально детерминированные эмоциональные процессы, состояния и эмоционально-личностные качества [5, 49].

Полученные данные были классифицированы по принципу принадлежности вышеназванных семантически выраженных проявлений эмоций к положительным или отрицательным. При этом под терминами "положительные" и "отрицательные" эмоции в нашем исследовании понимается не воздействие, которое переживание той или иной эмоции оказывает на организм и внутриличностные процессы человека, а приятные или неприятные ощущения, которые человек испытывает при переживании определенных эмоций.

На основании утверждений психологов, а также, словарных дефиниций соответствующих эмоций, было установлено, что к отрицательным эмоциям относятся гнев, стыд, печаль, неодобрение, презрение, страх, тревога, скука, отвращение и вина. Единственной положительной эмоцией в нашем случае является эмоция радости. Эмоции удивления и интереса были отнесены к нейтральным эмоциям. Это объясняется, во-первых, отсутствием в словарных дефинициях указания на положительный или отрицательный знак переживания данных эмоций, а во-вторых, их принадлежностью к т.н. "интеллектуальным эмоциям", основной характеристикой которых является отсутствие у них валентной (противоположной) окраски (например, приятно – неприятно) [3, 211].

Рассмотрим каждую из вышеперечисленных эмоций в интересующем нас аспекте.

Отрицательные эмоции. Гнев/Anger. При мимическом выражении гнева брови опущены, кожа на лбу стянута, у взрослых людей между бровями пролегают глубокие морщины; глаза сужаются, взгляд фиксируется на источнике гнева или раздражения. Взрослые также часто стискивают зубы и плотно сжимают губы, скрывая злобный оскал [2, 250]. Эмоция гнева эксплицитована в дефинициях 34 конституентов микрополя. Например, **(to) look daggers (at smb) = to look at smb angrily (LDCE); give smb the hairy eyeball = to look at smb severely because you do not approve of what they are doing (LID).**

Печаль/Sadness. Мимически печаль выражается легким поднятием внутренних концов бровей и сведением их к переносице, а также опущенными углами рта. В зависимости от степени интенсивности переживания печаль может сопровождаться плачем [2, 198]. Лексически переживание печали

репрезентируют 13 составляющих микрополя (e.g. **down in the mouth** = *looking very unhappy* (LID)).

Презрение/Contempt. Развернутое мимическое выражение презрения заключается в слегка приподнятых бровях и верхней губе (или сжатых уголках губ). Презрение также может выражаться улыбкой. Переживание презрения лексически представлено 6 конституентами микрополя, например, **sneer v** = *to smile /speak in an unpleasant way that shows you have no respect for smb/smith* (LDCE); **to curl one's lip** = *to pull your top lip upwards at one side in a way that shows you are annoyed or do not respect smb* (MED).

Отвращение/Disgust. Мимически отвращение выражается следующим образом: брови насуплены, нос сморщен, верхняя губа слегка приподнята, а нижняя опущена, вследствие чего рот становится угловатым. Эмоция отвращения представлена 2 конституентами микрополя (e.g. **grimace n** = *a twisted expression on the face made in pain or disgust* (OAD)).

Страх/Fear. При развернутом мимическом выражении страха брови подняты и сведены к переносице, глаза широко открыты, углы рта резко оттянуты, рот слегка приоткрыт. Эмоцию страха представляют 5 конституентов микрополя. В их дефинициях, однако, семы данных мимических движений отсутствуют. Согласно нашей выборке выражение эмоции страха представлено не мимикой, но изменением цвета лица, а именно, побледнением. Например, **grin around the gills** = *looking sick or pale because you are shocked, afraid, or ill* (OID); **blanch** = *to become pale because you are frightened or shocked* (LDCE).

Стыд/Shame. Основным проявлением стыда Дарвин считал появление стыдливого румянца [8]. Эмоция стыда репрезентирована 16 составляющими микрополя, в дефинициях которых присутствует экспликация изменения цвета лица (e.g. **blush v** = *become red in the face because you are ashamed/embarassed* (OAD)).

Вина/Guilt. Эмоция вины не имеет четкого мимического выражения. Аналогично дело обстоит с эмоциями **тревоги/anxiety**, **неодобрения/disapproval** и **скуки/boredom**. В нашем случае эмоция вины лексически представлена единственным конституентом (**a**) **hang-dog expression/look** = **виноватый вид** (K). Эмоция тревоги представлена 5 конституентами микрополя (e.g. **knit one's (eye)brows** = *to move your eyebrows close together in expression that shows you are feeling worried or serious, or are thinking carefully about smth* (MED)). Неодобрение представлено 9 составляющими микрополя (e.g. **(to) look askance at smb** = *to show that you do not approve of smb/smith or that you do not feel certain in them* (MED)). Переживание скуки лексически выражают 4 конституента микрополя (e.g. **yawn v** = *to open your mouth wide and taking a big breath usually because you are bored* (LDCE)).

Нейтральные эмоции. Удивление/Surprise. При мимическом выражении удивления брови высоко подняты, глаза расширяются и округляются. Эмоция удивления представлена 15 конституентами микрополя. Например, **gape v** = *to look at smb/smith with your mouth open because you are very surprised* (MED).

Интерес/Interest. Эмоция интереса может проявляться одним мимическим движением в одной из зон лица – приподнятыми или слегка сведенными бровями, перемещением взгляда на объект, слегка открытым ртом или поджатием губ. Данная эмоция лексически представлена 6 составляющими микрополя (e.g. *be all eyes = watch with close attention and usually with great interest (OID)*).

Положительные эмоции. Радость/Happiness. Радость выражается улыбкой и является самой простой эмоцией с точки зрения мимического выражения. В нашей выборке переживание эмоции радости представлено в семантике 16 конститuentов микрополя. Например, *be all smiles – be very happy and smiling, especially after feeling sad or worried about sth (OID)*; *beam v = to smile widely because you are very happy (MED)*.

Следует добавить, что лицо человека может также не отображать ни одной эмоции (например, *a dead pan* = бесстрастное лицо (К)) либо свидетельствовать о намерении человека сдерживать или скрыть свои переживания (например, *to keep one's countenance* = сохранять серьезный вид, удерживаться от улыбки (К); *to straighten one's face* = сдерживаться, принимать невозмутимый вид (К))

Полученные результаты можно представить в виде таблицы.

Таблица 1

**Тематические группы конститuentов микрополя
"лицо как средство выражения эмоций"**

		Наименование	Количество лексических единиц	%	
Чувства		Любовь/Love	13	6,2	
	Эмоции	Отрицательные	Гнев/Anger	34	16,2
Стыд/Shame			14	6,6	
Печаль/Sadness			13	6,2	
Неодобрение/Disapproval			9	4,3	
Презрение/Contempt			6	2,9	
Страх/Fear			5	2,4	
Тревога/Anxiety			5	2,4	
Скука/Boredom			4	1,9	
Отвращение/Disgust			2	0,9	
Вина/Guilt			1	0,5	
Нейтральные		Удивление/Surprise	15	7,1	10,0
		Интерес/Interest	6	2,9	
Положительные		Радость/Happiness	16	7,6	
	Сдержанность, отсутствие эмоций/Restraint/absence of emotions	15	7,1		
	Разное/Miscellaneous	52	24,8		
	Всего	210	100,0		

Из приведенной таблицы видно, что наибольшей тематической группой выступает группа отрицательных эмоций (44,3% всей выборки). Группа положительных эмоций представлена единственной эмоцией радости, переживание которой выражено 16 конституентами микрополя, что составляет 7,6% выборки. Такой результат полностью соответствует наблюдениям психологов, которые утверждают, что отрицательные эмоции играют более важную биологическую роль по сравнению с положительными, поэтому отрицательных эмоций больше, чем положительных [3, 142], следовательно, и количество соответствующих мимических кинем тоже больше. Также в выборке выделена тематическая группа нейтральных эмоций. Она включает 21 лексическую единицу, или 10% от общего количества конституентов микрополя. 15 лексических единиц (7,1% выборки) представляют группу "сдержанность/отсутствие эмоций". Тематическая группа любви наименьшая, она представлена 13 номинациями мимического проявления любви (6,2%).

Большое количество конституентов микрополя составляют группу "разное" (24,8 %). В данную группу были включены те составляющие микрополя, которые не могут быть отнесены ни к одной из вышеперечисленных групп, но, тем не менее, имеют отношение к мимике и выражению оттенков эмоций (например, *wink v = close & open your eye quickly usually to communicate amusement or a secret message (LDCE)*; *smirk n = a self-satisfied smile (OAD)*).

Из таблицы также видно, что общее количество представленных в ней конституентов микрополя (210) отличается от ранее заявленного (190). Данный факт объясняется тем, что в дефиниции некоторых составляющих микрополя присутствуют семы не одной, а нескольких эмоций одновременно, что заставляет включать такую лексическую единицу в несколько тематических групп. Например, *flame v = if your face ~s it becomes red esp. when you are embarrassed or angry (MED)*.

Выводы. В процессе исследования была смоделирована структура микрополя "лицо как средство выражения эмоций", в состав которого вошли 190 конституентов ЛСП "FACE". Составляющие данного микрополя были классифицированы в 6 тематических групп в соответствии с выражением проявлений эмоций и чувств, в результате чего было установлено, что наибольшим количеством конституентов микрополя представлена группа отрицательных эмоций (44,3%). Второй по численности является группа "разное" (24,8 %), в состав которой вошли конституенты микрополя, которые не могут быть отнесены ни к одной из анализируемых групп, но, тем не менее, имеют отношение к мимике и выражению оттенков эмоций. Наименьшим количеством конституентов выражена тематическая группа "чувства", в которую входят номинации мимического проявления любви (6,2%).

Результаты данной работы могут быть использованы для дальнейших исследований в области лексико-семантических полей и невербальной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабанщиков В.А., Малкова Т.Н. Зависимость точности идентификации экспрессии лица от локализации мимических явлений [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vorpsy.ru/issues/1988/885/885131.htm>
2. Изард К. Психология эмоций/Кэррол Э. Изард. – СПб.: Питер, 2006. – 464 с.
3. Ильин Е.П. Эмоции и чувства/Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2008. – 783 с.
4. Левицкий В.В. Типы лексических микросистем и критерии их различия // Филологические науки. – 1988. – Вып. 5 – С. 66-73.
5. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь / Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – М.: Прайм-Еврознак, 2003. – 672 с.
6. Полевые структуры в системе языка / Коллективная монография. – Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1989. – 148 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание Учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 408 с.
8. Darwin Charles. The Expressions of the Emotions in Man and Animals [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.darwin-online.org.uk/content/frameSet?itemID=F11428&viewtype=text&pageseq=1>
9. Апресян Ю.Д. Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. – 8-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2003. – 832 с.
10. Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – 5-е изд., перераб. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 1210 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., дополненное. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
12. American Heritage College Dictionary. – Houghton Mifflin Company, 2000. -1630 p. – **AHD**.
13. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – Cambridge University Press, 2008. – 1700 p. – **CALD**.
14. Cassell Concise Dictionary. – Cassell, 1998. – 1703 p. – **CCD**.
15. Longman Dictionary of Contemporary English/ Della Summers. – Pearson Education Limited, 2001. – 1667 p. – **LDCE**.
16. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Pearson Education Limited, 2005. – 1620 p. – **LDELIC**.
17. Longman Idioms Dictionary. – Addison Wesley Longman Limited, 1998. – 398 p. – **LID**.
18. Macmillan English Dictionary for advanced learners. – Bloomsbury Publishing Plc, 2006. – 1692 p. – **MED**.
19. New Penguin English Dictionary. – Penguin Books, 2000. – 1642 p. – **PED**.
20. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English/A. S. Hornby – Oxford University Press, 2000. – 1792 p. – **OAD**.
21. Oxford Idioms Dictionary for learners of English. – Oxford University Press, 2001.- 465 p. – **OID**.

УДК 378.4:81'272:316.776.23

Димова Л.С.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ В СВЕТЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ СОВЕТА ЕВРОПЫ ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье проанализированы подходы к преподаванию современных языков в свете общеевропейских рекомендаций Совета Европы, а именно с позиций коммуникативных языковых компетенций и освещен опыт обучения иностранным языкам в высших учебных заведениях, определены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: общеевропейские рекомендации Совета Европы по языковому образованию, коммуникативные языковые компетенции, язык для профессионального общения, коммуникативные сферы, коммуникативные ситуации, коммуникативные роли.

Димова Л.С. Комунікативні мовні компетенції в світлі загальноєвропейських рекомендацій Ради Європи з мовної освіти. У статті проаналізовані підходи стосовно викладання сучасних мов у світлі загальноєвропейських рекомендацій Ради Європи, зокрема з позицій комунікативних мовних компетенцій та висвітлено вітчизняний досвід навчання іноземним мовам, визначені перспективи подальших досліджень.

Ключові слова: загальноєвропейські рекомендації Ради Європи з мовної освіти, комунікативні мовні компетенції, мова для професійного спілкування, комунікативні ролі, комунікативні сфери, комунікативні ситуації.

Dimova L.S. Communicative linguistic competences in light of Common European Framework of Reference for Languages Learning, Teaching and Assessment. The article highlights the approaches to modern languages teaching in light of Common European Framework of Reference of Council of Europe, taking into consideration the Communicative linguistic competences. The experience of Foreign Languages teaching in High educational establishments and the perspectives of the future research are revealed.

Key words: Common European Framework of Reference for Languages Learning, Teaching and Assessment, Communicative linguistic competences, Language for special purposes, Communicative spheres, Communicative situations, Communicative roles.

Общеевропейские Рекомендации Совета Европы являются квинтэссенцией огромной работы в области языковой политики, проделанной в 90-х годах XX века большим числом специалистов в области преподавания иностранных языков в европейских странах под руководством Совета по культурной кооперации и Комитета по образованию Совета Европы [6; 7; 8].

Рекомендации Совета Европы, обеспечивающие общую основу для разработки учебных планов по языковой подготовке, типовых программ, экзаменов, учебников и прочих учебных материалов, ставят цель – преодолеть

бар'єри в общении между специалистами в области преподавания современных языков, которые представляют разные образовательные системы Европы [1, 1].

Рекомендации Совета Европы рассматривают сложный человеческий язык с позиций разложения языковой компетенции на отдельные компоненты. Это ставит специалистов в области языкового образования перед психологическими и педагогическими проблемами определенной глубины. Поскольку общение пронизывает все человеческое существование, то виды компетенций взаимодействуют комплексно в процессе развития каждой отдельной личности.

В этой связи сформулирована новая цель обучения языкам – развивать лингвистический репертуар, в котором присутствуют все языковые процессы.

При этом Советом Европы предполагается, что языки, которые предлагаются для обучения в учебных учреждениях, должны быть как можно более разнообразны, а студентам следует давать как можно больше возможностей, для развития их плюрилингвальной компетенции. Кроме того, признается тот факт, что изучение языка – это задание в продолжение всей жизни, при котором основное значение приобретает развитие не только мотиваций и умений, но и формирования уверенности у молодых людей при возникновении контакта с новым языковым опытом в их внешкольной и вневузовской жизни [1, 5-7].

Пользование языком, в том числе и его изучение, включает в себя действия, которые развивают ряд компетенций, как общих, так и собственно коммуникативных языковых компетенций. Сформированные компетенции используются в меру необходимости в разных контекстах, в зависимости от разных условий и разных потребностей для осуществления разных видов языковой деятельности, к которым относятся языковые процессы продукции текстов, связанных с определенными темами в специфических сферах. Используются те стратегии, которые признаются наиболее возможными для выполнения заданий.

Как известно, компетенция, как сумма знаний, умений и характерных черт, позволяющих личности выполнять определенные действия, является особо важным компонентом языковой коммуникации.

Данная статья ставит своей целью анализ некоторых аспектов общеевропейского языкового образования в отношении коммуникативных языковых компетенций, связанных в первую очередь с понятиями коммуникативной сферы, коммуникативной ситуации, коммуникативной роли, а также опыта обучения современным языкам, имеющегося в отечественных высших учебных заведениях.

Коммуникативные языковые компетенции, обеспечивающие человеку возможность действовать, используя специфические лингвистические средства, складываются из следующих компонентов: лингвистического, социолингвистического и прагматического.

В контексте рекомендаций Совета Европы *лингвистические компетенции* включают лексические, фонологические, синтаксические знания и умения и другие параметры языка как системы независимо от социолингвисти-

ческого значения их вариантов и от прагматических функций их реализации. Этот компонент рассматривается с точки зрения данной коммуникативной языковой компетенции индивида и связан не только с уровнем, но и качеством знаний, а также и с когнитивной организацией и способом, по которому знания сохраняются (например, разные ассоциативные цепочки, в которые говорящий связывает лексические понятия) [1, 13].

Совет Европы также допускает, что когнитивная организация словаря и накопление выражений зависит также и от культурных особенностей общества или обществ, в которых действует этот индивид и в которых происходит его или ее обучение. Этот аспект очень важен. Проследим это на примере французской культуры и языка.

Научный поиск французских социальных психологов (Г. Лебон, А. Фуллье и др.) привел к постановке проблем, значение которых для психологической теории не уменьшилось до сегодняшнего дня.

К таким вопросам можно отнести вопросы национального французского характера, национальной воли и т.д. В среде сильно сплоченного и организованного общества, каким является французская нация отдельные индивиды необходимо оказывают взаимное влияние друг на друга, вследствие которого вырабатывается известный общий способ чувствовать, думать и желать.

Во французском характере резюмированы физические и социальные влияния прошлых веков, независимые от настоящих поколений и действующие на них самих через посредство национальных идей, чувств и учреждений.

Подобно тому как существование нации, как определенной общественной группы, отлично (хотя не отделимо) от существования индивидов, национальный характер выражает собой особую комбинацию психических сил, внешним проявлением которой служит национальная жизнь.

У всякого француза – своя собственная роль в жизни нации; но как бы ни были индивидуальны его интересы или обязанности, они всегда более или менее связаны с интересами и обязанностями Франции. Национальная индивидуальность проявляется прежде всего психологическими признаками: языком, религией, поэзией и искусствами, архитектурой, мнениями нации о самой себе или мнениями о ней других; наконец она проявляется в ее героях и исторических представителях.

Существует национальная логика: каждый народ более или менее сознательно создает для себя свое собственное рассуждение о методе. У каждого народа существуют даже свои излюбленные заблуждения, своя национальная софистика, не только известное число установленных идей, но также и формы мысли, готовые рамки, служащие для классификации идей, готовые категории, являющиеся априорными.

Национальный язык, кристаллизующий идеи и методы мышления, навязывает эти формы каждому индивидууму и не позволяет ему выйти из общих рамок. Иностранцы единодушно констатируют способность французов удовлетворяться прекрасными словами вместо фактов и аргументов. Часто говорят, что в то время как итальянец играет словами, француз оду-

рачивается ими. Риторика – простое украшение для итальянцев, составляет для француза аргумент. Отсюда – трепетное отношение к своему языку, которое характеризует всех без исключения жителей Франции.

Основной чертой национального характера является воля – общее направление наклонностей, врожденное или приобретенное. Совокупность всех стремлений, в конце концов, получает то или иное направление, вследствие чего у каждой нации, в различных обстоятельствах народной или международной жизни, оказывается свой обычный способ самоопределения. Истинный характер определяется привычным способом желать или не желать.

Вышесказанное находит свое отражение и в структуре одной из подсистем любой культуры, какой является поведенческая, осуществляемая в типе коллективного и индивидуального поведения. Именно поведенческая подсистема представляет особый интерес, в виду ее неразработанности и слабостью представленности в процессе обучения иностранным языкам, хотя роль ее в успешной коммуникации чрезвычайно высока.

Социолингвистические компетенции касаются социокультурных условий пользования языком. Речь идет о правилах вежливости, нормах, которые регулируют отношения между классами и социальными группами, лингвистических кодификациях некоторых основных ритуалов в жизни общества. Социолингвистический компонент пронизывает весь процесс общения между представителями разных культур, даже тогда, когда его участники часто не понимают этого влияния.

Прагматические компетенции связаны с функциональным использованием лингвистических средств и касаются умений дискурса, слитности и связности, идентификации форм текстов, иронии и пародии. Для функционирования этого компонента особо необходимо понимание значений интеракции и культурного видения, в которых формируются данные способности, даже больше, чем значение лингвистического компонента [1, 13].

Все вышеперечисленные категории служат для характеристики сфер коммуникации и типов компетенции, интернационализированных социальным агентом, то есть для внутренних представлений, навыков и способностей, когнитивная сущность которых должна приниматься во внимание при исследовании поведения и общения. К тому же, любой учебный процесс будет помогать развивать эти самые внутренние представления, навыки и способности.

С позиций рекомендаций Совета Европы по языковому образованию, коммуникативная языковая компетенция того, кто изучает язык (пользователя), реализуется в исполнении разных видов языковой деятельности, а именно: восприятие, продукция, интеракция или медиация (устная или письменная). Каждый из этих типов деятельности может быть связан с текстами в устной или письменной формах, либо в двух формах.

С позиций этих рекомендаций представляется очевидным, что такие процессы, как рецепция и продукция (устная или письменная) являются первичными, поскольку оба необходимы для интеракции. Однако их использование при описании видов языковой деятельности нуждается в их отдельном рассмотрении.

Рецептивные виды деятельности включают чтение про себя и восприятие источников информации. Они также играют важную роль в многочисленных формах обучения (понимание смысла лекции, пользование учебниками, обработка рекомендаций и работа с документами).

Продуктивные виды деятельности выполняют важную функцию в академической и профессиональной сферах (речь идет об устных презентациях, письменной тренировке (обучение, задания и доклады). Им принадлежит особое социальное значение (суждение о том, что было представлено в письменном виде, или о свободном владении говорением или умением делать устные презентации).

В интеракции принимают участие не меньше двух индивидов. Этот устный или письменный обмен, в котором чередуется продукция и рецепция, может частично совпадать с устной коммуникацией. Два собеседника могут не только одновременно говорить и слушать друг друга. Даже когда строго выдерживается очередь в разговоре. Таким образом, обучение интеракции предполагает не только получение, но и продуцирование выражений, поскольку интеракции придают большое значение в использовании и изучении языка с точки зрения ее центральной роли в процессе общения.

Медиативные виды устной или письменной языковой деятельности в двух случаях – рецептивном и продуктивном – делают возможным общение между личностями в случае невозможности по каким-либо причинам общаться один на один непосредственно. Устный или письменный перевод, парафраз, передача смысла или запись представляют третьей стороне реформулирование исходного текста, к которому эта третья сторона не имеет прямого доступа. Медиативные виды языковой деятельности – обработка/переработка существующего текста – занимают важное место в нормальном лингвистическом функционировании общества.

Виды языковой деятельности контекстуализуются в сферах, которые могут быть очень разными, но в рекомендациях Совета Европы они классифицированы и разбиты на четыре группы: общественная сфера, личная сфера, образовательная сфера и профессиональная сфера [1, 14].

Если *общественная сфера*, в которой субъект обучения действует как член общества или какой-либо организации, касается всего, что связано с обычными социальными видами взаимодействия, такими как: деловые и административные учреждения, сервис, культура и окружающая среда, средства связи и т.д.

Личная сфера (сфера личных интересов), в которой субъект обучения живет как частное лицо, охватывает семейные отношения и индивидуальные социальные виды деятельности. Центром этой сферы является дом, семья, друзья. Она охватывает индивидуальные занятия, такие как чтение для удовольствия, ведение личного дневника, удовлетворение специальных интересов, хоби и т.п.

Профессиональная сфера, в которой субъект обучения выполняет свои должностные или профессиональные обязанности и охватывает все, что связано с людской деятельностью и отношениями в процессе выполнения его/ее профессиональных обязанностей.

Образовательная сфера, в которой субъект обучения берет участие в организованном учебном процессе, особенно (но необязательно в определенном образовательном учреждении, связана с учебным/тренировочным контекстом (как правило, в определенном учреждении), цель которого – овладение специфическими знаниями или умениями [1, 15].

Такое выделение сфер, ситуаций и ролей коммуникации, закрепленное в Рекомендациях Совета Европы позволяет вспомнить тот подход к сферам устной коммуникации, который существует в отечественной науке. Особо большой вклад в разработку номенклатуры сфер устного общения, как *некоторой совокупности однородных коммуникативных ситуаций, характеризующихся однотипностью речевого побуждения индивида, отношений между коммуникантами и обстановки общения* [5, 61], внес в 80-х годах XX в. В.Л. Скалкин – доктор педагогических наук, профессор Одесского национального университета им. И.И. Мечникова и его научная школа.

Им было выделено восемь сфер устного общения, присущих любому современному языковому коллективу: *социально-бытовая; семейная; профессиональная; социально-культурная; сфера общественной деятельности; административно-правовая; сфера игр и увлечений; зрелищно-массовая.*

Под руководством В.Л. Скалкина в кандидатских исследованиях его аспирантов были проанализированы различные аспекты устной коммуникации в данных сферах, что позволило разработать методики и различные учебные материалы с учетом коммуникативных ситуаций и коммуникативных ролей [3, 9-11].

Коммуникативную ситуацию В.Л. Скалкин определил, как *динамическую систему взаимодействующих конкретных факторов объективного и субъективного плана (включая речь), вовлекающих человека в языковую коммуникацию и определяющих его речевое поведение в пределах одного акта общения как в роли говорящего, так и в роли слушающего* [5, 46], а коммуникативную роль, как *конкретную речевую деятельность одного из коммуникантов в реализации коммуникативного акта* [5, 52].

Нам представляется, что в современных условиях эти исследования являются особо актуальными и приобретают новый смысл, поскольку позволяют увидеть как понятия коммуникативной сферы, коммуникативной ситуации и коммуникативной роли преломляются на современном этапе развития в Общеевропейских рекомендациях Совета Европы по языковому образованию.

В контексте этих рекомендаций любой языковой акт осуществляется в контексте определенной ситуации в рамках одной из сфер деятельности и организации общественной жизни. Выбор сфер, к деятельности в которых должны быть подготовлены пользователи, изучающие языки, имеет первостепенное значение для дальнейшего отбора ситуаций, целей, задач, предметов речи, текстов для учебных и контрольных материалов и видов работы. В рекомендациях Совета Европы указывается, что пользователи языком должны уделять мотивационное значение отбору сфер, близкой сегодняшним интересам, рядом с их пользой в будущем.

Советом Европы отмечается, что многочисленные ситуации охватывают больше, нежели чем одну сферу. Эти ситуации могут быть описаны по следующим параметрам:

- место и время их проведения;
- организации и учреждения;
- действующие лица;
- объекты (живые и неживые) окружающей среды;
- операции, которые выполняются действующими лицами;
- тексты, встречающиеся в границах ситуации [7, 19].

Это вносит организационные изменения в процесс преподавания иностранных языков для профессионально-речевой деятельности в отечественных высших учебных заведениях.

Программа изучения иностранного языка на факультетах вузов, где он не является профилирующим предметом, базируется, как на украинском стандарте (с учетом принципов современной государственной образовательной политики, направленных на реформу системы образования и повышения квалификационного уровня молодых специалистов), так и на европейских стандартах уровня знаний, разработанных в соответствии с рекомендациями Совета Европы в области изучения и преподавания современных языков и оценивания уровней владения ими.

Последние несколько лет при обучении профессионально-ориентированной речевой деятельности студентов Одесского национального университета им. И.И. Мечникова используется программа обучения иностранным языкам, составленная согласно требованиям кредитно-модульной системы организации обучения [4, 1].

Эта программа предусматривает *минимальный* (или по шкале Совета Европы А2-В1, соответствующий I курсу); *пороговый* (В1-В2, соответствующий II курсу) и *продвинутой* (В2-С1, соответствующий III и IV курсам) уровни профессионального владения иностранным языком специалистом [4, 2].

С учетом рекомендаций Совета Европы в программе определены содержательные модули курса, сформулированы задания для самостоятельной работы студентов и индивидуально-исследовательские задания (ИНДЗ), разработана шкала оценивания учебных достижений студентов.

Целью курса "Иностранный язык для профессионального общения", является развитие языковой компетенции студентов специальностей, предполагающей умение говорящего в автоматизированном режиме пользоваться иностранным языком в различных социально-детерминированных и профессиональных ситуациях общения.

Задачи курса "Иностранный язык для профессионального общения" имеют широкий спектр, базируясь на развитии билингвальной компетенции, складывающейся из компетенции лингвистической, социолингвистической, социокультурной и дискурсивной.

Это – автоматизация и коррекция лексико-грамматических навыков; знакомство студентов с эффективными стратегиями самостоятельной работы в овладении иностранным языком; развитие навыков понимания иноязычного говорения, а также стратегий глобального и детализированного чтения инос-

транного спеціалізованого і газетного текстів; розвиток навчальних навичок мовлення в межах власних досліджень по спеціальності і т.п. [4, 3-4].

Таким чином, розширюючіся можливості виконання повноцінної іноземною комунікації в процесі навчання іноземною мовою для спеціальних цілей в українських вищих навчальних закладах, дозволяють зробити висновок про необхідність подальших досліджень в області розробки і створення навчальних матеріалів по іноземною мовою, в тому числі і технічно сучасних [2, 68-76], виробляючих навичок розуміння оригінальної літератури по спеціальності, розвитку навичок в короткому і загальному вигляді викладати інформаційний матеріал і вести бесіду по спеціальності, що не може не сприяти більш успішному формуванню всіх складових комунікативної компетенції, а в кінцевому підсумку більш повноцінному веденню діалогу культури.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загальноєвропейські Рекомендації з мовної освіти: вивчення, викладання, оцінювання / Науковий редактор українського видання доктор пед. наук, проф. С.Ю. Ніколаєва. – Ленінград, 2003.
2. Димова Л.С. Лингвокультурологические аспекты французского социума и стратегии коммуникативного поведения (научная концепция создания учебной видеопродукции)// Мова і культура: Наукове видання. – Вип. 4. – Том 5. – Київ, 2002.
3. Димова Л.С. Методика навчання студентів мовних вузів спілкування в соціально-побутовій сфері засобом лінгвокраїнознавчої лексики: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. – Одеса, 1996.
4. Модульна програма навчального курсу ФРАНЦУЗЬКА МОВА У ПРОФЕСІЙНОМУ СПІЛКУВАННІ для студентів вищих навчальних закладів за спеціальністю "Історія". – Одеса: ОНУ ім. І.І. Мечникова, 2005.
5. Скалкин В.Л. Основы обучения устной иноязычной речи. – М.: Рус. яз., 1981.
6. Bérard E. L'Approche communicative. Théorie et pratique. – Paris: Clé International, 1991.
7. Les Langues vivantes: apprendre, enseigner, évaluer. Un Cadre européen commun de reference. – Strasbourg, 1998.
8. Sheils J. La communication dans la classe de langue.- Strasbourg: Les éditions du Conseil de l'Europe, 1993.

ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПАРАМЕТРОВ УПРАВЛЕНИЯ

В статье обосновывается необходимость рассмотрения эволюции языка с позиций лингвосинергетики, в частности, сквозь призму параметров управления. Указывается, что иерархически организованные уровни языковой мегасистемы управляются различными параметрами и различаются степенью динамизма происходящих в них изменений.

Ключевые слова: лингвосинергетика, параметры управления, эволюция языка, языковые уровни.

Домброван Т.И. Еволюція мови крізь призму параметрів керування. У статті обґрунтовується необхідність розгляду еволюції мови з позицій лінгвосинергетики, зокрема, крізь призму параметрів керування. Зазначається, що ієрархічно організовані рівні мовної мегасистеми керуються різними параметрами і розрізняються ступенем динамізму змін, що відбуваються.

Ключові слова: лінгвосинергетика, параметри керування, еволюція мови, мовні рівні.

Dombrovan T.I. Language Evolution through Control Parameters. The investigation lies within a new – linguosynergetic – approach to the studies of the history of language, and focuses on employing the notion of control parameters to language development. The article shows that hierarchically organized levels of language megasystem are controlled by various parameters and differ in the degree of dynamism of changes within these levels.

Key words: linguosynergetics, control parameters, language evolution, language levels.

Важный урок исторической грамматики <...> заключается в том, что языковые сущности не имеют ни постоянной природы, ни постоянной формы: они подвержены изменениям во времени. Ничто не может быть интереснее этих изменений.

Г. Гийом [3, 21].

Почему изменяется язык? Почему, изменяясь, язык все же остается самим собой? С одной стороны, язык является «эмерджентным феноменом на социальном уровне и не сводим к индивидуальному знанию» [4, 165]. С другой стороны, язык жив, пока на нем говорят и пишут. Возраст языка значительно превышает возраст его носителей, но только благодаря им язык существует (речь не идет о так называемых мертвых языках, имеющих письменные свидетельства). Рождаясь, ребенок слышит звуки окружающей его среды, в том числе, и звуки человеческой речи. В первые три-четыре года жизни малыш интенсивно овладевает языком, учится общаться и выражать свои желания, активно наполняет свой словарный запас и «реконструирует» грамматический строй языка, а затем на протяжении всей жизни совершенствует свои коммуникативные навыки, придержи-

живаясь традицій нормативного використання і, в то ж час, внося не-
що своє, індивідуальне.

Язык змінюється, однак, не настільки швидко, щоб дві-три поколе-
ння його носіїв не могли зрозуміти одне одного. Але якщо подивитися на більш
широкий часовий період, то зміни будуть значущі. *Ціль* даної
статті – подивитися на процес розвитку мови з позицій лінгвостергети-
ки, зокрема, використовуючи поняття параметрів управління складною систе-
мою, розроблені в сфері природничих наук. *Актуальність* роботи
визначається необхідністю вдосконалення методології лінгвіс-
тичних досліджень в області діахронії мови.

Язык – гнучка адаптивна мегасистема, здатна реагувати і пере-
будуватися під впливом змінюючихся умов зовнішнього середовища. Пра-
ва, не всі підсистеми мови змінюються з однаковою швидкістю. Істо-
рія англійської мови, зокрема, показує, що фонетичні процес-
и відрізняються найвищою динамікою; лексичний пласт характе-
ризується рухливістю в меншій ступені, граматична ж структура
найменш динамічна. Стає очевидним, що *швидкість змін, про-
исходящих в різних ієрархічних рівнях мовної мегасистеми,
обратно пропорційна «розміру» одиниці членення*: чим «менше»
одиниця, тим більше вона підвладна змінам, і навпаки (див. рис.1).
Під «розміром» ми розуміємо не тільки і не стільки лінійну протяже-
ність тієї чи іншої одиниці, скільки її структурну організацію. Так,
фонема є найменшою одиницею мовної системи і, виконуючи
смыслоразличительную функцію, служить будівельним матеріалом для
морфеми. Лексема, в більшості випадків, організована за паттерном: «пре-
фікс + коренева морфема +/- кінцівка», «коренева морфема + суфікс
+/- кінцівка» або «префікс + коренева морфема + суфікс +/- кінцівка».
Складові лексеми відрізняються ускладненою структурою. Одиниця
синтаксического рівня – речення – характеризується ще більш склад-
ною організацією: це обумовлено тим, що речення є комуні-
кативною одиницею і служить для позначення різноманітних, потенці-
ально нескінченних ситуацій зовнішнього світу.

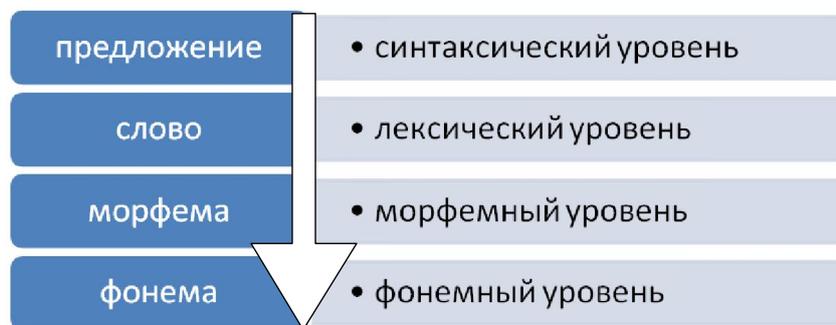

Рис. 1. Основні рівні мовної мегасистеми і їх одиниці членення
(Стрілка вказує напрямлення зростання ступеня
потенційної мобільності рівнів).

Используя терминологический аппарат синергетики, можно сказать, что язык есть подвижная мегасистема, объединяющая иерархически организованные уровни, которые различаются скоростью (темпом) происходящих в них или в их отдельных подсистемах изменений, – так сказать, «разноскоростные» темпомиры. Термин «темпомир» в научный обиход ввел академик С.П.Курдюмов. Темпомир – это «мир, определяющей характеристикой которого является единый темп развития всех входящих в него сложных структур» [7, 195]. Языковые уровни, как следствие неодинаковых с точки зрения темпа изменений составляющих их подсистем, проявляют различную чувствительность и устойчивость к внешним воздействиям, способным (или неспособным) привести систему к неустойчивому состоянию и вызвать качественные изменения отдельных компонентов, частей и/или всей системы в целом.

Языковая мегасистема перманентно мобильна, находится в состоянии постоянного движения и изменения. Эти изменения вызваны целым рядом причин экстралингвистического (внешнего) и собственно лингвистического (внутреннего) характера. Сама возможность любого рода изменений обусловлена такой важной с позиций синергетики характеристикой, как *открытость* системы. К открытым относится определенный вид систем, которые обмениваются веществом, энергией и/или информацией с окружающей средой [см.: 8, 239]. Языковая мегасистема является открытой, поскольку она взаимодействует с другими системами окружающей среды – социумом, его культурой, национальным самосознанием, морально-этическими нормами и т.п. В языке, главным образом, в лексиконе, отражаются достижения человека в области науки и техники; сегодня особенно сильно ощущается влияние средств массовой информации и электронной сети Интернет, значительно ускоривших информационный обмен. Межъязыковые контакты, в свою очередь, с неизбежностью приводят к различного рода заимствованиям. В условиях многонационального социума и глобальных миграций населения язык не может не изменяться. Но только до определенной степени. Система всегда стремится к самосохранению, «выживанию». А для этого она должна быть соответствующим образом организована (ср. у К. Майнцера: «Единство живой системы гарантируется ее формой организации» [9, 211]). Используя современную терминологию, можно сказать, что с целью сохранения формы организации системы допустимы лишь незначительные флуктуации – отклонения в динамике ее компонентов, не нарушающие общего порядка, сохраняющие присущую тем или иным компонентам системы степень субординации.

С позиций синергетики, любая система характеризуется своей собственной номенклатурой постоянных и переменных величин. Переменные – это величины, способные изменяться при рассмотрении процесса, а величины, которые в рамках рассматриваемой задачи могут считаться постоянными, называются параметрами [см.: 2, 50; 17]. Нельзя не отметить некоторую условность приведенного деления, предопределенную исследовательской позицией и поставленными задачами. Тем не менее, параметры – это некие константы системы, определяющие «координаты» и конфигурацию

состояний розглядаваної системи в *даний* момент (період) часу і «працюючі» на збереження її функціональності. Вже «все в світі, починаючи з руху елементарних частинок і закінчуючи гігантськими космічними системами, підпорядковано певному порядку. У Всесвіті є свій «кодекс законів», все введено в їх межі» [12, 291].

У кожного з багаточисельних людських мов також є свій «кодекс» – свій перелік параметрів, що характеризують особливості структурної організації (= граматичного будови) даної мови (ср. у Дж. Ейчисон: 'Language must have strong constraints, bounds which restrain it [15, 188-189].

Мови планети відрізняються своєрідністю і багатоманітністю і в відношенні звучання, і по способу представлення (категоризації) світу, і письмовим оформленням і т.д. Однак, за думкою Девіда Песецкого, головне досягнення сучасної лінгвістики як раз і складається в «підтвердженні догадки про те, що властивості різних людських мов визначаються певними загальними законами» [цит. по: 10, 312]. А це означає, що непохожі на перший погляд мови можуть мати багато спільного, зокрема, в плані структурної організації, що, ймовірно, зумовлено універсальністю мислительної діяльності людини.

М. Бейкер вважає, що параметри – це структурна особливість людських мов, що вони відображають природні закономірності діяльності мозку, закладені в кожному з нас з народження [1, 198 – 208]. Він називає параметри «атомами мови», що грають особливу роль в «рецепті мови, допускає універсальну граматику» [там же, 242]. Основуючись на результатах дослідження великої кількості мов, М. Бейкер виділяє ряд параметрів, серед яких називає параметр нульового підлежачого, параметр базового порядку слів в реченні, параметр переміщення питання і деякі інші.

Так, наприклад, параметр нульового підлежачого означає: «В деяких мовах кожне речення з дієсловом в особистій формі обов'язково повинно мати виражене підлежаче в формі іменної групи. В інших мовах речення з дієсловом в особистій формі можуть і не мати явно вираженого підлежачого в формі іменної групи» [там же, 62]. Відповідно до даного параметра, сучасна англійська мова завжди має *виражене* підлежаче – будь то смислове (notional subject) або формальне підлежаче (structural, or sham, subject). Але так справи обставили не завжди. Як відомо, в давньоанглійській мові були поширені речення, в яких сказувані виражалися безличним дієсловом і не мали при собі підлежачого в іменній формі. Логічний суб'єкт виражався суцільним або особистим іменником в косвенній формі і виступав в реченні в якості доповнення, наприклад:

Me þin mod-sefa licað. «Мені твоя відвага подобається»

Him wære betere þæt he næfre geboren nære. «Для нього було б краще, якби він ніколи не народився» (приклади заїмствовані з [14, 53]).

Hū lomp ēow in laðe? «Як вам прийшлося в дорозі?» (приклад з [6, 130]).

Исследователи, рассматривавшие вопрос о развитии безличных предложений в исторической ретроспективе, отмечают значительное сокращение такого типа предложений в среднеанглийский период и постепенную трансформацию их в двусоставные предложения [5; 6; 11; 14; 16; 18]. Причину такой перестройки обычно видят в унификации падежных флексий существительных и упрощении системы склонения личных местоимений в среднеанглийский период, что, в свою очередь, привело к стабилизации порядка слов в предложении. В частности, предшествовавшие глаголу-сказуемому существительные, форму которых в среднеанглийский период стало сложно определить из-за совпадения окончаний дательного и винительного падежей, стали восприниматься как подлежащие. На наш взгляд, однако, вышеперечисленные факторы должны быть рассмотрены в качестве катализаторов процесса распада безличных (точнее – «бесподлежащих») предложений, а истинная причина состояла в несоответствии данного типа предложений ведущему в грамматической системе английского языка параметру выраженного подлежащего. Именно данный параметр «заставил» бесподлежащие структуры «обзавестись» подлежащим, чтобы «структурно вписаться» в систему двусоставных предложений английского языка.

Параметр базового порядка слов в предложении – еще один параметр, выделяемый М. Бейкером. Хотя некоторые лингвисты считают, что «само понятие базового порядка слов остается дискуссионным» [13, 195], нельзя не согласиться с М. Бейкером в том, что «порядок слов в человеческом языке не фиксирован жестко, но и не варьируется как угодно. Его варьирование происходит в строго обозначенных пределах, что является признаком действия параметров» [1, 67] и, добавим, отражает определенные закономерности человеческого мышления.

Среди правил порядка слов в современном английском языке выделяются следующие семь: глагол предшествует прямому дополнению, предложной/послеложной группе и придаточному предложению, предлог стоит перед именной группой, аналогичным образом существительное стоит перед связанной с ним предложной группой, комплементатор (союз *that*) вводит придаточное предложение, а вспомогательный глагол находится в препозиции к смысловому глаголу [там же, 64]. Интересно отметить, что в японском языке всё обстоит в точности наоборот и что «на каждом континенте существуют языки с порядком слов английского или японского типа (иногда с небольшими отклонениями)» [там же, 64-65].

Данные диахронического анализа позиционной модели древнеанглийского предложения свидетельствуют о том, что в период с VIII в. по конец IX в. в английском языке преобладали предложения, в которых дополнение предшествовало предикатному глаголу (58,6%), тогда как в период с X в. по конец XI в. увеличивается число предложений с дополнением в постпозиции к глаголу (63,4%) [см. 11, 51-52]. Этот процесс продолжается в среднеанглийский период, когда, по подсчетам А.Н. Мороховского, в зависимости от диалекта, удельный вес предложений с дополнением в препозиции к глаголу составил от 30 до 12% [там же, 101]. Очевидно, что актуализация и усиление действия параметра базового порядка слов в предложении явля-

ется следствием распада системы падежных окончаний в среднеанглийский период и постепенной аналитизации грамматического строя, что с неизбежностью привело к «перераспределению ролей» среди средств выражения синтаксических отношений.

Еще один параметр, заслуживающий внимания в рамках данной статьи, – это параметр перемещения вопроса, который гласит: «Вопросительные группы должны ставиться в начало предложения (английский язык) ИЛИ вопросительные группы появляются в тех же позициях, что и остальные именные словосочетания (японский язык)» [1, 181]. Этот параметр, как вытекает из определения, касается правила образования специальных вопросов. В соответствии с данным параметром, в английском языке в разные исторические периоды специальные вопросы всегда открывались вопросительным словом. И если в современном английском языке специальные вопросы обозначаются как WH-questions (по первым двум буквам вопросительных местоимений What? Who? Which? etc.), то в древнеанглийском языке их можно было бы пометить как HW-questions (соответственно, Hwæt? Hwā? Hwylc? etc.).

М. Бейкер указывает на разную степень влияния различных параметров. Одни параметры сравнимы с шаткими камнями, находящимися у подножия склона, а потому не могущие стать причиной обвала. Другие же, находящиеся на склоне, невзирая на их размеры (совсем не обязательно быть крупными камнями!), могут привести к обвалу и, таким образом, к переорганизации компонентов, составляющих данный склон. Иными словами, «параметры могут взаимодействовать друг с другом, устанавливая ограничения на важные свойства языка» [там же, 143]. Примером параметра ограничивающего влияния, по Бейкеру, является параметр глагольной сериализации [там же, 140 и др.], суть которого заключается в том, что каждая глагольная группа может содержать только один глагол (как в английском) либо в одной глагольной группе может быть больше одного глагола (как в тайском языке). Другой параметр – параметр притяжения глагола – описывает отношения между основным и вспомогательным глаголами. Тут возможны два варианта: вспомогательный глагол перетягивает основной глагол на свое место (валлийский язык) ИЛИ основной глагол перетягивает вспомогательный глагол к себе (английский язык) [там же, 132]. Названные параметры – параметр притяжения глагола и параметр глагольной сериализации – «несовместимые ингредиенты в рецепте языка» [там же, 142]. Таким образом, взаимодействие и избирательность в сочетаемости различных параметров свидетельствуют о сложности языков, однако, как заметил М. Бейкер, ни один язык «не может быть сложен сразу во всех отношениях» [там же, 143].

Очевидно, что параметры присущи не только синтаксическому уровню организации языка (что было рассмотрено в работе М. Бейкера), но и каждому из языковых уровней. Сложная языковая мегасистема состоит из множества подсистем, каждая из которых, в свою очередь, может быть представлена в качестве иерархического единства. На каждом из уровней (один уровень входит на правах отдельного компонента в более высокий уровень и т.д., по типу матрешки) действуют свои параметры. Другими словами, па-

параметры образуют не просто набор, а иерархическое единство, где каждый параметр отвечает за свою область, «хозяин на своей территории», и подчиняется другим вышестоящим параметрам, спектр действия которых гораздо шире. Поэтому следует говорить о ранжировании параметров. Так, к параметрам 1-го ранга можно отнести языковые универсалии, на другом конце шкалы можно расположить частные параметры, характерные для данного конкретного языка (например, валентность суффиксов, сочетаемость на лексическом уровне и т.п.). Такая классификация – дело будущих исследований.

Проводя аналогию между лингвистикой и химией, М. Бейкер намечает новые задачи для лингвистики: «Как молекулярная теория в химии включает в себя теорию валентности, объясняющую, какие соединения возможны, так и лингвистическая теория параметров должна объяснять допустимые смеси», чтобы, в конечном итоге, привести к созданию «периодической системы знаков» [там же, 147, 155] как лингвистического эквивалента периодической таблицы химических элементов Д.И. Менделеева.

Теория параметров представляется многообещающей и *перспективной* для дальнейших изысканий в области диахронии языка. На наш взгляд, «параметрический» подход будет весьма полезен для изучения каждого из уровней языка в различные периоды его развития. Историческая динамика конфигурации параметров, так сказать, параметрического рисунка языковых уровней, и вопросы взаимодействия параметров системы, возможно, позволят исследователям приблизиться к сути изменений, уже имевших место и происходящих в системе сейчас, по-новому взглянуть на природу качественных изменений системы, вызванных нестабильностью тех или иных параметров. Интересной представляется возможность смоделировать архитектуру состояний системы с учетом различных типов динамики (устойчивой или хаотичной), отражающей состояние языка в разные периоды его развития: «мирного» существования, или состояния «борьбы за выживание» в условиях иноземной интервенции, а также очертить потенциальные границы вариаций в рамках параметров, «пороговость» изменений, за пределами которых происходит переключение на другой тип организации системы, возникает новая организованная сущность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейкер М. Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания. Пер.с англ. / Марк К. Бейкер / Под ред. О.В. Митрениной, О.А. Митрофановой. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 272 с.
2. Безручко Б.П., Короновский А.А., Трубецков Д.И., Храмов А.Е. Путь в синергетику: Экскурсы в десяти лекциях /Предисл. С.Мирова, Г.Г.Малинецкого. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 304 с. (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему».)
3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики: Сборник неизданных текстов, подготовленный под руководством и с предисловием Рока Валена. Пер.с фр. / Общ.ред., послесл. и коммент. Л.М.Скрелиной. – Изд. 4-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 232 с.
4. Даль Э. Возникновение и сохранение языковой сложности. Пер. с англ./ Эстен Даль. – М.: Изд-во ЛКИ, 2009. – 560 с.
5. Иванова И.П., Чахоян Л.П. История английского языка /И.П.Иванова, Л.П. Чахоян. – М.: Высшая школа, 1976. – 319 с.

6. Ильиш Б.А. История английского языка /Б.А.Ильиш. – М.: ИЛИЯ, 1958. – 367 с.
7. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е.Н.Князева, С.П. Курдюмов / Вступ ст. Г.Г.Малинецкого.– М.: КомКнига, 2011. – 272 с. (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему».)
8. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики: Человек, конструирующий себя и свое будущее / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 264 с. (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему».)
9. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. Г.Г. Малинецкого. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 464 с. (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему».)
10. Митренина О.В., Романова Е.Е., Слюсарь Н.А. Введение в генеративную грамматику. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 376 с.
11. Мороховский А.Н. Слово и предложение в истории английского языка / А.Н. Мороховский. – К.: Вища школа. Головное изд-во, 1980. – 216 с.
12. Спиркин А.Г. Философия /А.Г. Спиркин. – М.: Гардарики, 1999. – 816 с.
13. Циммерлинг А.В. Древнегерманский как язык SOV?/А.В.Циммерлинг // Язык и речевая деятельность. – 1999. – т.2. – С-Пб.: Изд-во С-Пб.ун-та, 1999. – С. 195 – 205.
14. Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.– 308 с.
15. Aitchison, Jean. The Seeds of Speech. Language Origin and Evolution. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 282 p.
16. Baugh, A.C. and T.Cable. A History of The English Language. – Routledge-Taylor&Francis Group, 2006. – 447 p.
17. Haken H. Information and Self-Organization: A Macroscopic Approach to Complex Systems. – Berlin: Springer-Verlag, 2000. – 225 p.
18. Taylor A. A note on the position of the verb in Old English rhythmic prose // York papers in linguistics, Series 2. – Issue 9. – 2008. – P. 124-141.

УДК 811.111

Коваль Н.А.

РОЛЬ ТЕМПА РЕЧИ В ОПТИМИЗАЦИИ ИМИДЖА ПОЛИТИКА

В статье рассмотрены особенности темпоральной организации речи британских политиков в определенной ситуации общения. Темпоральная окрашенность, паузальная насыщенность речи позволяет судить об эмоциональности оратора, его подготовленности.

Ключевые слова: темпоральная организация, паузальная насыщенность, эмоциональность, ситуация общения.

Коваль Н.О. Роль темпу мовлення в оптимізації іміджу політика. У статті досліджуються особливості темпоральної організації мовлення британських політиків у певній ситуації спілкування. Темпоральне забарвлення, паузальна насиченість мовлення дозволяє робити висновок про емоційність оратора, його підготовку.

Ключові слова: темпоральна організація, паузальна насиченість, емоційність, ситуація спілкування.

Koval N.A. The role of speech tempo optimizing the image of the politician. The article deals with the study of temporal organization of British politicians' speech in a definite situation. Temporal colouring of speech, pausation help to judge about emotionality and level of proficiency of the speaker

Key words: temporal organization, pausation, emotionality, communicative situation.

Представляя собой, согласно определению О.С. Ахмановой, учение о принципах и средствах членения речи и соединения расчлененных частей, таких как: повышение и понижение основного тона (мелодия), расстановка более или менее сильных ударений (динамика), относительное ускорение или замедление речи (темп) и разрыв произнесения (паузы), просодия речи может выступать как средство идентификации личности через ее речь [12]. Компоненты просодии отражают всю иерархию организации единиц текста, отражают все многочисленные нюансы изменений в ситуации общения и в эмоционально-модальном настрое говорящего [15].

Согласно данным исследований в области публичной (ораторской) речи и ее просодического оформления [2; 3; 4; 10; 13; 14], задачей ораторского стиля речи является донесение до слушателя мысли выступающего, желание убедить и завоевать аудиторию. В значительной мере это достигается средствами просодии, которая создает определенную модальную окрашенность текстов [8].

Актуальность данного исследования состоит в рассмотрении просодических характеристик политической ораторской речи, участвующих в создании и оптимизации имиджа политика в определенной ситуации общения. В связи с тем, что вопросы, связанные с функционированием системы британской просодии в различных социальных и исторических ситуациях изучаются впервые, они требуют описания полученного опыта и побуж-

дают к дальнейшему научному поиску, основанному на изучении публичной политической речи ведущих британских политиков.

Материалом исследования послужили тексты речей британских политиков – Гордона Брауна, Майкла Мартина, Джона Мейджера и Тони Блэра – далее оратор Д, оратор Н, оратор М и оратор В, взятые из сборника речей "Great Political Speeches", собранные Питером Хиллом в сотрудничестве с Би-Би-Си.

Целью работы является изучение роли просодических средств, в частности темпоральных характеристик, участвующих в сочетании с условиями коммуникации и социально-личностными характеристиками в оптимизации имиджа политика.

В задачу исследования входило: описать основные просодические нормы британской публичной речи, а именно – паузацию и темпоральные характеристики – в ситуации "Выступление на конференции перед избирателями".

Основным методом исследования избран метод научного наблюдения, связанный с перцептивным анализом материала, включающий слуховой и аудиторский анализы.

Результаты фоностилистических исследований последних лет [1; 6; 7 10; 11] позволяют говорить о наличии определенных просодических характеристик, которые выделяют ораторскую речь среди других видов публичных выступлений и монологов.

Сведения, имеющиеся в фонетической литературе, выявили ряд интонационных особенностей оформления ораторской речи: ее мелодического и ритмического оформления. Рассмотрим некоторые особенности темпорального оформления ораторской речи.

Основными просодическими характеристиками ораторской речи, произнесенной в любой ситуации, являются нисходящее мелодическое движение на безударных и ударных слогах, а также нисходящее движение терминальных тонов в синтагмах, четкая ритмическая организация речи, которая обусловлена высокой степенью контроля над речью. Постоянный контроль над речью обеспечивает четкую ритмическую ее организацию. В частности, это проявляется в характере синтагматического членения (стремление к размеренному, четкому с точки зрения периодичности и длительности, делению речевого потока на синтагмы), а также в особенностях паузации, соотношении паузального и речевого времени и величине коэффициента паузации [9].

Особую роль в ритмической организации публичной речи играет паузальная насыщенность речи. Пауза в публичной речи, как отмечает Т.И. Шевченко, используется как риторический прием, имитирующий неподготовленность речи, а также как средство привлечения внимания слушателей к важной части сообщения. Особое место занимают паузы хезитации, которые представлены как важный момент речепроизводства [15, 100].

Ораторская речь, в особенности произнесенная в торжественной обстановке, как показали эксперименты с британцами, предполагает замедление темпа и увеличение длительности пауз.

Также необходимо отметить, что сверхбыстрая, как и сверхмедленная речь, оценивается негативно. При этом, если быстрый темп говорит о высоком интеллекте, то медленная речь свидетельствует об обратном [16].

В настоящем исследовании мы учитывали также и тот факт, что в условиях, когда личность оратора должна восприниматься максимально благоприятно, вариативность темпа может иметь существенное значение.

Эксперименты показали, что по мере увеличения аудитории, в британской ораторской речи происходит сужение диапазона (при сохранении высокого уровня частоты основного тона), замедление темпа, увеличение пауз, более дробное членение на синтагмы [5].

В исследуемой ситуации каждый из четырех британских политиков выступает на конференциях перед избирателями (1997-2008), где обсуждаются актуальные для Великобритании проблемы, такие как: экономическая ситуация в стране, налоги, безработица, социальные программы для малообеспеченных семей, борьба с терроризмом, экологическая ситуация в мире, глобальное потепление и т.д. Лейтмотивом анализируемых речей являются идеи мира и свободы. Особое внимание сконцентрировано на возрождении духовности нации, возвращении к истокам. Также ярко звучит призыв к обновлению национальных идей и уважению исторических традиций.

В соответствии с ситуацией, каждым политиком были выбраны определенные темпоральные характеристики оформления речи. В ходе анализа мы получили следующие результаты:

Речь Майкла Мартина (Оратор Н), в основном, произносится в умеренном темпе.

На всех композиционных участках речи отмечается примерно одинаковая частотность средних и длительных пауз (см. табл. 1) и небольшая частотность кратких пауз, что придает речи размеренность и помогает удерживать стабильный, ровный темп.

В целом, согласно полученным результатам, можно утверждать, что в этой ситуации выступление Майкла Мартина (Оратора Н) может быть охарактеризовано как стабильное и ровное, без давления на аудиторию.

Таблица 1

Распределение пауз в речи четырех ораторов в ситуации "Выступление перед избирателями"

Типы пауз (%)	Оратор Н Майкл Мартин			Оратор М Джон Мейджер			Оратор В Тони Блэр			Оратор Д Гордон Браун		
	вст	о.ч	зак	вст	о.ч	зак	вст	о.ч	зак	вст	о.ч	зак
сверхкраткая пауза	5	2	5	5	3	3	3	6	2	5	4	2
краткая пауза	14	18	19	12	18	10	17	21	23	20	16	26
средняя пауза	37	42	36	43	41	50	45	33	40	44	51	47
длительная пауза	31	28	28	28	33	35	28	37	35	17	26	25
сверхдлительная пауза	13	10	12	12	5	2	7	3	-	14	3	-

Композиционные участки речи: **вст** – вступление, **о.ч.** – основная часть, **зак** – заключение.

Темп речи оратора М (Джон Мейджер) оценивается как умеренный, стабильный, так как он остается без изменений практически на всех участках речи, несколько замедляясь в конце. На всех композиционных участках речи наблюдается равномерное распределение пауз. В исполнении этого оратора преобладают средние паузы. Ярко выраженной тенденции к увеличению или уменьшению частотности пауз отмечено не было. Исключение составили сверхдлительные паузы, наибольшая частотность которых приходится на вступление (12%), а в заключении они практически отсутствуют – 2%. В таблице 1 указан процентный состав.

Изучив полученные данные, можно сделать *вывод*, что выступление Джона Мейджера в данной ситуации отличает стабильность и размеренность. Темп речи оценивается как медленный и стабильный. Наблюдается равномерное распределение пауз на всех композиционных участках речи. Большое количество сверхдлительных пауз в начале речи объясняется некоторым волнением оратора, а также реакцией публики, прерывающей некоторые высказывания.

На темповую организацию речи Тони Блэра (Оратора В) в данной ситуации оказала влияние не только сама ситуация, но и реакция слушающей публики (приветственные и одобрительные выкрики, аплодисменты и т.д.). Вступление и заключение характеризуются умеренным темпом, а темп основной части выступления приближается к ускоренному. Такая темповая неоднородность речи объясняется рядом причин: реакцией публики (вступление), стремление оратора создать атмосферу эмоционального накала (основная часть выступления), привлечение внимания, желание донести до слушателей каждое слово (заключение).

В исполнении Тони Блэра (Оратора В) были зарегистрированы все виды пауз, частотность которых указана в таблице 2. Итак, в исполнении Оратора В преобладают средние паузы, число которых примерно одинаково на всех композиционных участках речи. Наблюдается увеличение числа длительных пауз от вступления к заключению. Наибольшая частотность сверхдлительных пауз приходится на вступление, что связано с эмоциональным настроением самого оратора и слушающей его стороны.

Результаты, полученные в ходе аудиторского анализа речи Оратора В, дают основание утверждать, что исполнение Оратора В отличается от исполнения двух предыдущих ораторов более разнообразной темповой организацией речи. В речи данного диктора зарегистрированы структуры, характерные для официальной, торжественной речи, а также структуры, являющиеся частотными в эмоционально оживленной и разговорной речи.

Темповая организация речи Гордона Брауна (Оратор Д) тоже демонстрирует некоторые отличия от проанализированных ранее выступлений. Результаты, полученные в ходе анализа, дают основание утверждать, что речь Гордона Брауна в данной ситуации отличается темповой неоднородностью. Вступление отмечено ускоренным темпом, который, по мере продвижения к основной части, переходит в умеренный и остается практически неизменным до самого заключения. В исполнении анализируемого оратора зарегистрированы все типы пауз. При этом преобладают средние паузы, частот-

ность которых по диктору составила 47%. Наименьшее количество пауз зарегистрировано во вступлении; основная же часть выступления и заключение отличаются стабильной паузальной насыщенностью. Типы пауз и их процентный состав на всех композиционных участках речи указаны в таблице 2.

Таблица 2

Распределение пауз в речи четырех ораторов в анализируемой ситуации (в %)

Типы пауз (%)	Оратор Н Майкл Маргин			Оратор М Джон Мейджер			Оратор В Тони Блэр			Оратор Д Гордо Браун		
	вст	о.ч	зак	вст	о.ч	зак	вст	о.ч	зак	вст	о.ч	зак
сверхкраткая пауза	5	2	5	5	3	3	3	6	2	5	4	2
краткая пауза	14	18	19	12	18	10	17	21	23	20	16	26
средняя пауза	37	42	36	43	41	50	45	33	40	44	51	47
длительная пауза	31	28	28	28	33	35	28	37	35	17	26	25
сверхдлительная пауза	13	10	12	12	5	2	7	3	-	14	3	-

Композиционные участки речи: **вст** – вступление, **о.ч.** – основная часть, **зак** – заключение.

Таким образом, можно сделать вывод, что исполнение Гордона Брауна в анализируемой ситуации отличается достаточно высоким уровнем торжественности и официальности.

Полученные результаты по темповой организации речи четырех британских политиков свидетельствуют о темповой неоднородности речи: несколько ускоренное вступление и умеренные основная композиционная часть и заключение. Вступление содержит наименьшее количество пауз, в то время как паузальная насыщенность основной композиционной части выступления и заключения, практически одинакова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багмут А.И. Інтонація як засіб мовної комунікації. – К.: Наукова думка, 1980. – 243 с.
2. Беличенко Л.Г. Роль и место просодии в системе средств речевого воздействия (на материале английских публицистических текстов политического характера): автореф.дисс канд.филол.наук: спец. 10.02.04 "Германские языки". – М., 1989. – 21 с.
3. Данилина В.В. Политическая ораторская речь в ритмико-текстологическом аспекте: автореф.дисс.канд.филол.наук: спец. 10.02.04 "Германские языки". – М., 2002. – 18 с.
4. Данилина В.В. Ритмический анализ политической публичной речи. – М.: Флинта, Наука, 2004. – 240 с.
5. Ермакова О.Г. Модификация просодического оформления политических речей на протяжении XX века (на материале британского и американского английского языка): автореф.дисс.канд.филол.наук: спец. 10.02.04 "Германские языки". – М., 2005. – 16 с.
6. Калита А.А. Фонетичні засоби актуалізації смислу англійського емоційного висловлювання. – К.: Видавничий центр КДЛУ, 2001. – 354 с.
7. Калита А.А. Актуалізація емоційно-прагматичного потенціалу висловлення. – Тернопіль: Підручники і посібники, 2007. – 320 с.

8. Коваль Н.А. Роль интонации и других языковых средств в создании имиджа оратора // Сучасні дослідження з іноземної філології. – Ужгород: ТзОВ "Папірус-Ф", 2008. – Вип. 6. – С. 78-87.
9. Общая и прикладная фонетика: [учебник для студентов вузов, обуч. по напр. и спец. "Лингвистика"] / Л.В.Златоустова, Р.К.Потапова, В.В. Потапов, В.Н.Трунин-Донской; под общ.ред. Р.К.Потаповой; Моск. гос. ун-т им. М.В.Ломоносова. Филолог.фак. – [2-е изд. перераб. и доп.] – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 416 с.
10. Петлюченко Н.В. Харизматика: мовна особистість і дискурс. – Одеса: Астропринт, 2009. – 464 с.
11. Седина И.В. Единство просодии и синтаксического построения текста в передаче его экспрессивно-эмоционального содержания (на материале публичных выступлений английских и американских ораторов): автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 "Германские языки". – М., 2004. – 19 с.
12. Словарь лингвистических терминов / Сост. О.С.Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
13. Сотников А.В. Паузация як маркер комунікативної актуалізації ключових слів (на матеріалі британського політичного дискурсу) // Мова і культура. Психологія мови і культури. Мова сучасного мистецтва. Міжкультурна комунікація. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2007. – Вип. 9. Том II (90). – С. 255-260.
14. Фоменко О.С. Лінгвістичний аналіз сучасного політичного дискурсу США (90-і роки ХХ ст.): автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови". – К., 1998. – 18 с.
15. Шевченко Т.И. Социальная дифференциация английского произношения. – М.: Высшая школа, 1990. – 144 с.
16. Gussenhoven C. The Phonology of Tone and Intonation [Research Surveys in Linguistics] – Cambridge University Press, 2004. – 382 p.

УДК 811.111'373'374

Котюжан Е.С.

**WINTER, SPRING, SUMMER, AUTUMN (FALL)
КАК КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА-РЕПРЕЗЕНТАНТЫ
КОНЦЕПТА "ВРЕМЕНА ГОДА"
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

В статье рассмотрены этимологические и семантические характеристики слов-репрезентантов концепта "ВРЕМЕНА ГОДА" и его субконцептов на основе лексикографических источников, затрагиваются вопросы о типах членения годового цикла.

Ключевые слова: время/время года, концепт/суб-концепт.

Котюжан К.С. Winter, spring, summer, autumn (fall) як ключові слова-репрезентанти концепту "ПОРИ РОКУ" в англomовній картині світу. У статті розглянуто етимологічні та семантичні характеристики слів-репрезентантів концепту "ПОРИ РОКУ" і його субконцептів на основі лексикографічних джерел, висвітлюються питання про типи членування річного циклу.

Ключові слова: час/пора року, концепт/суб-концепт.

Kotyuzhan K. Winter, spring, summer, autumn (fall) as the words representing the concept "SEASONS" in the English-speaking picture of the world. The article deals with the etymological and semantic characteristics of the words representing the concept SEASONS and its subconcepts on the basis of lexicographic sources, the issue of the types of division of an annual cycle is touched upon.

Key-words: time/season, concept/subconcept.

Понятие "время" – это одна из важнейших универсальных категорий, с помощью которых постигается сущность окружающего мира. В концепции времени воплощаются события эпох и деятельность народов. Открытие факта изменения рисунка звездного неба привело людей к пониманию течения времени и послужило толчком к развитию древних цивилизаций. Понимание законов времени, в том числе и закономерности смены времен года, сыграло большую роль в жизни того или иного народа.

Принято считать, что в каждом обществе люди своеобразным способом фиксируют течение времени и соответственно регулируют свое существование. По мнению известного российского историка и географа Л.Н. Гумилёва, отношение этнического сознания (каждого данного этноса) к категории времени является одним из индикаторов определения состояния развития народа. Разные народы выбирали различные точки отсчета для определения границ между сезонами. Природные явления, относительно которых формировались понятия и обретали свои названия времена года, варьируются в соответствии с географической широтой, природными условиями территории и формой существования людей ее населявших, к примеру, охотников или земледельцев. Точкой отсчета могли быть: прилет птиц, цвете-

ние определенных растений или расположение определенных звезд на небосклоне. Подобные точки соотнесены друг с другом на протяжении всего года, что в целом представляло собой календарь в примитивном сознании. Однако здесь еще не идет речь о таком понятии как "год" и об осознании его деления на определенные времена года.

Историки утверждают, что у индоевропейцев было принято выделять три времени года. Такой вывод был сделан на основании того, что именно три корня *hieins*, *ver* и *summer* встречаются в подавляющем большинстве индоевропейских языков. Это заключение справедливо и для германских племен.

У древних германцев, перешедших к оседлости и столкнувшихся с влиянием римской культуры, осознание протяженности года было очень неопределенно. По многим готским, древнесаксонским и другим источникам, германские земледельцы и скотоводы за точку отсчета времени принимали начало зимы или поздней осени. Они, как и другие народы северных широт, противопоставляли зиму лету и делили год на две половины. Линией раздела двух половин считалось равноденствие. В английском языке это же явление называется *equinox*, что согласно этимологии точнее было бы назвать равноночием: *equinox* < Lat *aequus* = *equal* + *nox* = *night*. Об этом же свидетельствуют древневерхнегерманское *ebennath*, англосаксонское *efenniht*, древнефризское *evennath*, древнескандинавское *jafndægr*. *Equinox*, или равноденствие – это астрономическое явление, во время которого светлая и темная часть суток (день и ночь) примерно равны друг другу. В это время германцы совершали большие жертвоприношения. Впоследствии, по свидетельству римского историка Тацита (I в. н. э.), они перешли к трехчленному делению года. "*They know and name winter and spring and summer, but are ignorant of the name and the goods of harvest*" – Тацит (AD 56 – AD 117). Год разбивался на весну, лето и зиму. Понятие осени как сезон появилась у германцев лишь с развитием садоводства и виноградарства. Такой факт можно объяснить тем, что во времена Тацита древние германцы были знакомы с зерновыми культурами, но не с фруктами, поэтому слово *harvest*, о котором пишет Тацит, и которое относилось к урожаю фруктов, было им не знакомо.

Важно отметить, что в триаде "зима, весна, лето" – "весна" не является равнозначным феноменом по отношению к двум другим – "зиме" и "лету", т.к., индоевропейцы главным образом делили год на два периода – теплый и холодный. Такие полугодовые периоды легко выявить, хотя природные условия, от которых зависит их выявление, подвержены флуктуации, т.е. характеризуются нестабильностью. Поэтому для примитивных людей выделение времен года было сложной задачей, границы сезонов были неопределенными и накладывались друг на друга. Таким образом, в рамках больших периодов появлялись переходные, как например, "весна". Иногда выделялось даже семь сезонов, что также показывает сложность членения годового цикла. Та же проблема возникла и при обозначении границ четвертого времени года.

Лингвистика сравнительно недавно начала рассматривать "времена года" как когнитивную категорию, культурный концепт, один из элементов языко-

вой картины мира и как составляющую лингвокультурного знания того или иного народа.

В последние десятилетия "концепт" уверенно и прочно вошёл в активный лингвистический тезаурус, став при этом объектом острых научных дискуссий не только лингвистов, но и психологов, культурологов, философов.

"Концепт – семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры... это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом" [6, 36].

Наше исследование посвящено концепту ВРЕМЕНА ГОДА, или SEASONS. Данный концепт в сегодняшней модели цикличного времени членится на четыре суб-концепта: WINTER, SPRING, SUMMER, AUTUMN.

В когнитивной лингвистике существует ряд приемов и методик исследования концептов. Одним из таких приемов является анализ словарных дефиниций номинантов концепта по возможно большему числу словарей. Целью данной работы является определение, частичное описание и сравнение понятийных составляющих концепта "ВРЕМЕНА ГОДА". В начале исследования определим круг ключевых слов-репрезентантов концепта. Основными словами-номинантами суб-концептов, входящих в изучаемый концепт "ВРЕМЕНА ГОДА", в современном английском языке являются лексемы: *winter, spring, summer, autumn (fall)*.

Лексемы *Winter/Summer* наиболее древнего происхождения, т.к. наличие в году холодного и теплого периодов легче выявлялось и поэтому свои названия данные отрезки годового цикла приобрели раньше переходных периодов.

Существует несколько вариантов объяснения этимологии лексемы *winter*. Некоторые ученые полагают, что возможным вариантом происхождения является праиндоевропейский корень **wed* – *water* (влажный, вода), либо праиндоевропейский корень **wind* – "*white*" (белый). Оба варианта логичны и уместны для зимы в умеренном климате, тому подтверждение наличие снега – форма атмосферных осадков (*water/вода*), состоящая из мелких кристаллов льда – снежинок имеющих белый/white цвет. *Winter* это влажное время года – "*wet season*", поэтому еще одним вариантом можно считать происхождение от корня – *WAD* – *to well* (хлынуть, бить ключом), который в английском языке приобрел назализованную форму.

Лексема *Summer* произошла от праиндоевропейского корня **sem-*, который в свою очередь берет свое начало от санскритского корня *sama*, имевшего несколько значений: "год", либо "полгода", либо "время года".

Времена года *Spring/Autumn* являются переходными периодами, т.е. переход от холодного времени года к теплоте и от теплого к холодному. Этимология слова *Spring* доказывает, что название сезона тесно связано с природными явлениями – *spring* – *возникновение, произрастание* побегов из земли. Интересно отметить, что в других романских и германских язы-

ках, в отличие от английского, слова, обозначающие время года "весна", произошли от латинского *tempus primum*, что дословно означает "first time, first season – первое время, первое время года". Например, *Primavera* – итал.; *Primavera* – исп.; *Printemps* – франц. А немецкое слово *Fruhling* содержит в себе корень M.H.G. *vrueje – "early". Значение слова **Autumn** имеет прямое отношение к человеческой деятельности, в переводе с латыни – это *to increase, the season of produce, harvest*. Это время созревания и уборки урожая основных посевов. Древнеанглийское название этого сезона, которое происходило от слова *harvest* – урожай, в 16 ст. было заменено латинским *autumnus*. Значительно позже, во времена освоения Америки и появления американского варианта английского языка, это время года получило еще одно название – **Fall**. Этимология слова достаточно прозрачна < ME fallen < O.E. feallan – to fall (падать). В это время становится холоднее, т.е. *падает* температура, *падают* листья с деревьев.

На основе анализа дефиниций разных словарей (толковых, энциклопедических) английского языка представляется возможным описать лексические значения слов-репрезентантов и провести сравнительный анализ. В результате приходим к выводам о том, что **winter, spring, summer, autumn (fall)** имеют следующие особенности:

1. Времена года во всех лексикографических источниках дефинируются как временной промежуток, т.е. отрезок времени, имеющий начальный и конечный предел. Подчеркнем, что одно время года непременно определяется относительно другого, таким образом указываются темпоральные рамки каждого времени года (например, *winter – the season after autumn and before spring* – "зима – время года между осенью и весной" и т.д.).

2. В лексикографическом описании времен года указывается порядковый номер в годовом цикле: **Spring** – первое, **Summer** – второе, **Autumn** – третье, **Winter** – четвертое.

3. Дефиниции содержат указания астрономических параметров соответствующих отрезков годового цикла: "лето" – период времени от солнцестояния в июне до равноденствия в сентябре, что справедливо для Северного полушария; и от солнцестояния в декабре до равноденствия в марте, в Южном полушарии.

Здесь ярко проявляется тот факт, что англоязычная картина мира представлена как в Северном, так и в Южном полушарии. В мире существует 56 суверенных государств и 25 несuverенных объектов, в которых английский язык является либо первым, либо одним из официальных языков. Эти территории расположены в обоих полушариях, следовательно, астрономические параметры оказываются диаметрально противоположными для разных полушарий. Например,

Winter – the coldest season of the year that begins in the Northern Hemisphere on December 22, when the sun reaches its farthest southern declination, south solstice. On this day the Northern Hemisphere has the least hours of daylight in the year; and in the Southern Hemisphere, the most daylight hours.

4. Дефиниционными признаками выступают также климатические параметры времени года: "лето" – самая теплая пора года, "зима" – самая холодная.

5. В словарной статье перечисляются названия месяцев, которые входят в данный сезон: "зима" – декабрь, январь, февраль, "лето" – июнь, июль, август, что подобно астрономическим параметрам справедливо только для Северного полушария; весна – март, апрель, май в северном полушарии и весна в южном полушарии – сентябрь, октябрь, ноябрь. Интересно, что набор месяцев не всегда идентичен в описаниях переходных сезонов так, словари отмечают, что в Англии осень укладывается в рамки: август, сентябрь, октябрь, а в Америке – в рамки других месяцев: сентябрь, октябрь, ноябрь. Вместе с тем подобный факт несовпадения конкретного набора месяцев не отмечен в словарных статьях *winter* и *summer*.

Эти наблюдения касаются первого, прямого значения номинантов концепта "времена года" в английском языке. Но есть и другие особенности, которые относятся к их переносным значениям.

6. Слова *winter* и *summer* имеют переносное значение, относящееся к возрасту человека. В этом случае название сезона обозначает понятие "год", например: *a man of eighty winters* – человек, проживший 80 лет, обозначается как "человек восьмидесяти зим". К тому же *winter* означает период упадка и смерти; *summer* – период благополучия и хороших условий. *spring* – первый или ранний период жизни, *autumn (fall)* – зрелый период, приближающийся к концу жизненного цикла.

В данной работе были проанализированы этимология и семантика имен существительных *winter, spring, summer, autumn (fall)* в их прямых и переносных значениях, в качестве слов-репрезентантов концепта "ВРЕМЕНА ГОДА". Рассмотрим первую пару времен года *Winter/Summer*: их сферы источника являются антонимичными, так как дают противоположные данные. Но объем значений, входящих в сферу источника, – одинаковый, что позволяет сделать предположение о том, что *Winter* и *Summer* занимают примерно одинаковое место в концептосфере англоговорящих людей.

Сферы источника второй пары времен года *Spring/Autumn(Fall)* также являются антонимичными и дают противоположные данные. Но объем значений, входящих в сферу источника – не одинаковый. Слово *Spring* включает в себя больше значений и имеет больше производных слов. Этот факт позволяет сделать предположение о том, что *Spring* и *Autumn* занимают не одинаковое место в концептосфере англоговорящих людей. Возможно, это можно объяснить тем обстоятельством, что такое время года, как "осень" было выделено в годичном цикле позднее. А само слово *Autumn* появилось в английском языке гораздо позднее слова *Spring*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – 123 с.
2. Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени//Доклады географического общества, отдел "Этнография". – Л., 1970. – Вып. 15. – С. 144-157.
3. Кононенко Н. Название времен года в русской картине мира//Актуальні проблеми металінгвістики: Збірник наукових статей за матеріалами VI Міжнародної наукової конференції. – Черкаси: Ант, 2009. – С. 299-301.
4. Кочерган М.П. Загальне мовознавство/Підручник, вид. 2-ге, виправлене і доповнене. – К.: Видавничий центр "Академія", 2006. – 463 с.

5. Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования//Известия АН. Серия литературы и языка. – 2002. – том 61. – № 1. – С. 13-24.
6. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие/В.А. Маслова. – Мн.: Тетра-Системс, 2004. – 256 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивно-семантический анализ языка: Монография. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.
8. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: Підручник. – Полтава: Довкілля-К, 2008. – 712 с.
9. Сусов И.П. Введение в языкознание/Учебник для студентов для лингвистических и филологических специальностей/И.П. Сусов. – М.: АСТ:Восток – Запад, 2008. – 379, [5] с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация:золотая серия).
10. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип)//Научно-техническая информация. – Серия 2. Информационные процессы и системы. – М., 1992. – № 3. – С. 1-8.

УДК 811.111'272'37'42

Красницька К.В.

ОБРАЗ МЕШКАНЦІВ ЗАХОДУ/СХОДУ ЯК ЕЛЕМЕНТ КОНЦЕПТУ СТОРОНИ СВІТУ

Стаття присвячена аналізу образної складової концептів EAST, WEST, найменування типового представника відповідної території або образу людини, що є уособленням даної сторони світу в англійській лінгвокультурі. Увагу приділено особливостям сприйняття образу мешканця культурно-означених районів Сполучених штатів Америки.

Ключові слова: концепт, образна складова, лінгвокультура.

Красницкая Е.В. Образ жителя запада/востока как элемент концепта СТОРОНЫ СВЕТА. *Статья посвящена анализу образной составляющей концептов EAST, WEST, наименованию типичного представителя соответствующей территории или образа человека, который является воплощением данной стороны света в англоязычной лингвокультуре. Внимание уделено также особенностям восприятия образа жителя культурно-значимых районов Соединенных штатов Америки.*

Ключевые слова: концепт, образная составляющая, лингвокультура.

Krasnitskaya K.V. The Image of an Inhabitant of the East/the West as an Element of the CARDINAL POINTS OF THE GLOBE concept. *The article is dedicated to the analysis of EAST and WEST conceptual image, particularly the image of a person, who is a typical representative or an impersonator of a certain cardinal point of the globe in the English linguistic culture. The special perception of the inhabitant's image in the culturally relevant districts of the USA has been dwelled on.*

Key words: concept, conceptual image, linguistic culture.

Метою даної статті було дослідити та порівняти фрагменти образної складової концептів EAST, WEST в яких відображене уявлення про мешканця території в напрямку однієї з цих сторін світу.

Об'єктом дослідження виступають образи мешканців територій у східному та західному напрямках, що закріпилися в англійській лінгвокогнітивній картині світу.

Предметом дослідження були обрані лексеми, що вербалізують значення "мешканець східної/західної території", а також мовленнєві контексти, в яких вони функціонують.

Матеріалом дослідження слугував лексикографічний матеріал – загальним числом 164 словникові статті, а також 28 англійських романів і 2 збірки оповідань, з яких методом суцільної вибірки було відібрано корпус текстових фрагментів (3000 одиниць) дискурсивної узуалізації усіх чотирьох концептів-складників макроконцепту СТОРОНИ СВІТУ.

Актуальність даного дослідження зумовлена антропоцентричною спрямованістю сучасної наукової парадигми, тобто вивченням мовних феноменів у триаді "мова-культура-пізнання". В. Маслова визначає концепт "як семан-

тичне утворення, відмічене лінгвокультурною специфікою, що тим або іншим чином характеризує носіїв певної етнокультури. (...) В той же час – це певний квант знання, що відображає зміст всієї людської діяльності" [3, 36]. Концепт як структурно-сміслову утворення має складну архітектуру. Згідно В.І. Карасика, концепт складається з трьох компонентів: поняттєвого, "образного та ціннісного" [2, 8]. Образна сторона концепту висвітлює "характеристики предметів, явищ, подій, які сприймаються органами почуттів і відображені в пам'яті" [там само, 127]. Поняттєва сторона концепту становить собою вихід на мовне втілення явища [там само, 118], і приблизно відображається у дефініціях вербалізованої назви даного явища.

До поняттєвої складової концептів EAST, WEST, NORTH, SOUTH входить значення "житель території у напрямі даної сторони світу", яке було зафіксовано у всіх проаналізованих словникових статтях. Проте, якщо на поняттєвому рівні ці значення диференціюються лише за місцем проживання референта, то на образному рівні кожна сторона світу представлена більш або менш яскравим уявленням про *типового* мешканця цього напрямку. Крім того, проведене дослідження доводить, що образ людини, прив'язаний до певної сторони світу, має специфічні риси в різних регіонах англійських країн. Проте, були виявлені й спільні асоціації, притаманні сторонам світу у загальному Земному просторі.

Приклад таких асоціацій знаходимо у творі Памели Трэверс "Мері Поппінс". Під час блискавичної навколосвітньої подорожі за допомогою магічного компасу діти зустрічають по одній сім'ї мешканців з кожної сторони світу. У прикладі (1) представники усіх чотирьох сімей готуються провчити неслухняного англійського хлопчика. Уособленням півночі стає ескімос, південь представляє негритянка, зі сходу з'являється китаєць, а із заходу – американський індіанець.

(1) **'North, South, East, West!'** he said very quickly. (...) ...He turned round, expecting to see Mary Poppins. But instead, there were four gigantic figures bearing down towards him – the Eskimo with a spear, the Negro Lady with her husband's huge club, the Mandarin with a great curved sword, and the Red Indian with a tomahawk (9, 67).

У невеличкому вірші-молитві (приклад 2), стилізованому арабському вітанні, лексема *Easterner* отримує значення "мусульманин", тобто "той, що молиться Аллаху" (*the peace of Allah*).

(2) *I pray the prayer the Easterners do, May the peace of Allah abide with you; (...) So I touch my heart – as the Easterners do, May the peace of Allah abide with you* (10).

Таким чином, у загально-світовому масштабі образ жителя сходу та заходу має досить розпливчастий вигляд. З іншого боку образи жителів культурно-означених регіонів якоїсь певної країни у напрямі однієї зі сторін світу досягають яскравої виразності. Під культурно-означеним регіоном розуміємо "продукт когнітивної діяльності пересічної свідомості по осмисленню простору, (...) територію, що має рухомі, варіативні кордони і яка навантажена низкою ознак, що можуть бути представлені серією ментальних картинок. Населення такого регіону також є об'єктом суспільної рефлексії і наділяється суб'єктивними характеристиками" [1, 67-68].

В лексикографічних джерелах не зафіксовано специфічних характеристик, що склали б специфічний образ мешканця **східних** або **західних** територій загалом. Однак, у лексем *easterner* та *westerner* з першим значенням "житель країни або території на сході/заході" в усіх словникових статтях окремо виділяються значення відповідно житель східних та західних територій Сполучених штатів Америки. Визначається точна лінія, що розділяє ці області. Вона проходить по річці Місісіппі та хребту Аллеганських гір. Наявність відокремлених культурно-означених регіонів *the West* (в якому виділяють також *Midwest*, *Deep West*) та *the East* доведена у роботах американських дослідників [1, 50; 4].

Ілюстративні джерела також доводять ментальне виділення цих районів в картині світу та демонструють певні характеристики, що притаманні образам мешканців Сходу і Заходу.

Так в творах американського письменника Дж. Чівера експліцитно відмічена **різниця між східною і західною частиною США**. Відмінність між мешканцями сходу і заходу констатується, наприклад, в оповіданні *The Day the Pig Fell into the Well* (3). Повторений двічі епітет *different* в описі жительки західних областей (*Chicago, from the Middle West*) та жінки зі сходу (*spent all her life in the East*) маніфестує цю різницю.

(3) *Pamela had been brought up in Chicago, and Mrs. Nudd, who had spent all her life in the East, sometimes thought that this might account for their difference* (5, 265). *Miss Coolige (...) was a spinster from the Middle West, (...) she was, of course, very different from the family* (5, 266).

Очевидно, причину формування цих культурно-означених регіонів та вигоди відмінностей їх жителів слід шукати в історії заселення території Сполучених штатів. Перші переселенці зі Старого Світу прибули на східне, Атлантичне узбережжя Північної Америки і звідти почалася колонізація нового континенту у західному напрямку. Тому мешканці заходу довгий час залишалися так би мовити на периферії цивілізації, віддалені від бурхливого культурного і політичного життя на сході, вони були ближчі до важкої фізичної праці на землі та небезпек дикої природи. У романі С. Фітцджеральда *The Great Gatsby* оповідач характеризує усіх учасників подій лексевою *westerners* (приклад 4), пояснюючи причини їх невдач непристосованістю (*unadaptable*) до східного життя.

(4) *I see now that this has been a story of the West, after all – Tom and Gatsby, Daisy and Jordan and I were all Westerners, and perhaps we possessed some deficiency in common which made us subtly unadaptable to Eastern life* (6, 112).

Протиставлення обізнаніших та культурніших мешканців сходу простішому та консервативному населенню заходу підтверджується ілюстративним матеріалом. У прикладі (5) презирливе ставлення до поетичного ремесла, виражене фразеологізмом (*hold in contempt*) та словосполученням з негативною конотацією *pale emasculates*, яким визначають поетів жителі заходу, демонструє їх порівняно невисокий культурний рівень та неповагу до інтелектуальної праці. Освіченість мешканців Сходу, у прикладі (6) це експлікується епітетом *pretty clever*.

(5) *The poets were pale emasculates, and Western men held them in contempt* (7, 201);

(6) *Them Easterners are pretty clever* (7, 145).

Консервативність жителя Заходу відображена у прикладі (7) за допомогою описової деталі – збереження родинного прізвища у назві будинків західного містечка.

(7) *That's my Middle West. (...) I am (...) a little complacent from growing up in a city where dwellings are still called through decades by a family's name* (6, 112).

У словнику *Longman Dictionary of Contemporary English* лексема **westerner** отримує ще одне визначення, а саме "мешканець Дикого Заходу". Лексикографічні джерела засвідчують, що типовою фігурою, яка асоціюється з американським Заходом, є ковбой (*cowboy*) – "працівник ферми на заході США, що опікується крупною рогатою худобою". За поняттям "ковбой" закріпився досить чіткий зовнішній образ, а також дещо узагальнений психологічний портрет. Типовий одяг ковбоя, що складається з особливого капелюха, нашийної хустки, джинсів та чобіт для їзди верхи [11], часто називають **Western wear**, що підкреслює усталеність асоціативного зв'язку "ковбой – Американський Захід". У резолюції Конгресу США, яка затверджує святкування національного дня американського ковбоя [8] був даний цікавий перелік моральних якостей ковбоя: чесність, цільність натури, хоробрість, співчуття, повага, міцна робоча етика та патріотизм (приклад 8).

(8) *The cowboy embodies honesty, integrity, courage, compassion, respect, a strong work ethic, and patriotism* (8).

У американській лінгвокультурі помічається процес трансформації образу ковбоя з Дикого Заходу у один із символів американської нації. Факт встановлення національного свята на його честь підтверджує це припущення. У вищезгаданій резолюції (приклад 9) ковбоя називають "американським ідолом" (*an American icon*).

(9) *Whereas the cowboy is an American icon* (8).

Виходячи з цього можна сказати, що семантичний обсяг лексеми *cowboy* на сучасному етапі розширився, і зв'язок з початковим значенням *westerner* "мешканець західної території США" став дещо слабшим.

Проведений аналіз дозволив охарактеризувати фрагмент образної складової концептів EAST, WEST, а саме стереотипний образ мешканця територій у напрямі цих сторін світу, що закріпився в англомовній, в даному випадку американській, лінгвокультурі. Порівняно висока деталізація цих образів та наявність унікальних лексем-вербалізаторів цього значення для проаналізованих концептів доводить важливість асоціативного зв'язку "мешканець – сторона світу" у когнітивних моделях EAST та WEST.

ЛІТЕРАТУРА

1. Єгорова Н.А. Концепты "СЕВЕР/THE NORTH" и "ЮГ/THE SOUTH" в американской и русской картинах мира: дис. канд. филолог. наук: 10.02.20. / Єгорова Н. – Москва, 2010. – 188 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс/ В.И.Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
3. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А. Маслова. – Мн.: Тетра-системс, 2004. – 256 с.

4. Jordan T.G., Rowntree L. The human mosaic: A thematic introduction to cultural geography. – 2nd ed. – New York: Harper & Row, 1979. – 482 p.

ІЛЮСТРАТИВНІ ДЖЕРЕЛА

5. Cheever John. The Stories of John Cheever. / John Cheever -New York: Ballantine Books, 1980. – 819 с.

6. Fitzgerald S. The Great Gatsby. – Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd, 2001. – 122 p.

7. Steinbeck J. East of Eden. – Режим доступу: <http://englishtips.org/1150796900-johnsteinbeck-east-of-eden-unabridged.html>

8. Senate Resolution # 470: A resolution designating July 28, 2012, as "National Day of the American Cowboy". Режим доступу: <http://www.govtrack.us/congress/bills/112/sres470/text>

9. Travers P. Mary Poppins. / Pamela Travers – Одесса: КП "Одеська міська друкарня", 2006. – 127 с.

10. Unattributed Author Quotes Source: Salaam Alaikum (Peace be with you.). Режим доступу: http://www.giga-usa.com/quotes/topics/prayer_t001.htm

11. Who is an American Cowboy? // Wikipedia, the Free Enciclopedia. – Режим доступу: <http://en.wikipedia.org/wiki/Cowboy>.

УДК 811.112.2'42

Крижановська В.П.

ТИПИ ВИСУНЕННЯ ЯК СТИЛІСТИЧНІ ПРИЙОМИ (на матеріалі німецькомовної новели)

У статті розглянуто типи висунення як стилістичні прийоми. На матеріалі німецькомовної новели проведено аналіз таких типів висунення як "ошукане очікування", "конвергенція", "зчеплення", розглянуто їх стилістичну функцію.

Ключові слова: зчеплення, конвергенція, новела, ошукане очікування, тип висунення.

Крижановская В. П. Типы выдвигения как стилистические приемы (на материале немецкоязычной новеллы). В статье рассмотрены типы выдвигения как стилистические приемы. На материале немецкоязычной новеллы проведен анализ таких типов выдвигения как "обманутое ожидание", "конвергенция", "сцепление", рассмотрена их стилистическая функция.

Ключевые слова: сцепление, конвергенция, новелла, обманутое ожидание, тип выдвигения.

Kryzhanovska V. P. Types of foregrounding as stylistic devices (on the basis of the German short story). The article deals with the types of foregrounding as stylistic devices. Such types of foregrounding as "deceived expectation", "convergence", "contamination" and their stylistic function are analyzed on material of the German short story.

Keywords: contamination, convergence, short story, deceived expectation, the type of foregrounding.

Інтерес до лінгвістичної науки в цілому, і стилістики зокрема, уможливорює пошук підходів до вивчення творів малої форми як типів тексту. На сьогоднішній день вже існує низка фундаментальних робіт, присвячених розгляду стилістики як лінгвістичної дисципліни з різних точок зору [1; 2; 3; 6; 14; 20; 25 та ін.].

Стилiстика є галуззю лiнгвiстики, що досліджує принципи та ефекти вибору і використання лексичних, граматичних, фонетичних і взагалі мовленнєвих засобів для передачі думки та емоції в різних умовах спілкування [2, 7].

У свою чергу стилістика тексту вивчає загальні та окремі закономірності організації мовних одиниць, які підпорядковуються певній ідейно-змістовій, функціональній, композиційно-структурній єдності, якою є текст як мовленнєвий твір; досліджує міжабзацні зв'язки і стилістичну характеристику складної синтаксичної єдності, передусім речень і надфразових єдностей в їх співвідношенні з абзацом, із загальною композицією і синтаксичною побудовою тексту [27, 116]. Лінгвостилістичний аналіз неможливий без дослідження стилістичних фігур, до яких відносяться мовленнєві звороти, синтаксичні структури, які використовуються для посилення виразності висловлювання [28, 506], та тропів – мовленнєвих зворотів, в яких слово або вираз використано в переносному значенні з метою досягнення більшої художньої виразності [28, 496].

У стилістиці декодування, стилістичному напрямку, який ґрунтується на протиставленні стилістики від автора (стилістики кодування) і стилістики

сприйняття (стилістики декодування) [2, 9], запропоновано опис тексту як цілісної одиниці на основі принципів висунення – способів формальної організації тексту, які фокусують увагу читача на певних елементах повідомлення і встановлюють семантично релевантні відношення між елементами одного або частіше різних рівнів [2, 51]. До таких типів висунення відносяться ошукане очікування – порушення передбачуваності, конвергенція – скупчення стилістичних прийомів в одному місці та зчеплення – прояв східних елементів у східних позиціях.

Розглянемо зазначені типи висунення детальніше.

Ошукане очікування розглядається дослідниками як один із типів висунення [1; 2; 4; 5; 17], що має яскраво виражений експресивний ефект [18, 21; 22, 199]. Низка вчених дотримується думки, що ошукане очікування порушує встановлену в контексті норму, створюється зі стилістичною метою і ґрунтується на передбаченні і на порушенні цього передбачення [1; 2; 11; 17; 19; 24]. Очікування – головна умова передбачення, "після якоїсь події очікують наступну" [11, 121]. Ефект ошуканого очікування виникає на основі взаємодії двох протилежних явищ психолінгвістичного характеру – передбачення і непередбачуваності [17, 65]. Феномен подиву виникає в результаті того, що очікування, основані на сконструйованих раніше схемах, залишаються невиправданими [24, 251-274].

Ошуканим очікуванням в стилістиці називається поява непередбачуваного елемента на фоні контексту, що має підвищену впорядкованість [1, 69-70]. Реципієнт настроюється на отримання певного роду інформації, сприймає зміст тексту, який він читає, але одночасно "передбачає зміст наступного відрізка тексту, виходячи з попереднього", "очікує реалізації "обіцяної" схеми" [19, 269]. У цьому випадку очікування читача або справжнюються, або виявляються хибними.

Ефект ошуканого очікування розглядається нами з точки зору порушення суб'єктивно читацької перспекції, створюваної в процесі лінійного розгортання твору. Суть ефекту ошуканого очікування: неперервність, лінійність мовлення означає, що поява кожного окремого елемента підготовлена попередніми, і також сама вона готує наступні. Читач його вже очікує, а він змушує очікувати і появи інших. Наступне частково подано в попередньому [2, 56].

При розгляді німецькомовної новели як типу тексту спостерігається ефект ошуканого очікування. Наведемо приклади даного явища з подальшою характеристикою.

Verzeihen Sie mir die freilich kühne Zumutung. Sollten Sie sich wohl nicht abgeneigt finden, mir diesen Ihren Schatten zu überlassen (31, 93); Er steckte zögernd die Hand in die Tasche, und daraus bei den Haaren hervorgezogen erschien Thomas Johns bleiche, entstellte Gestalt und die blauen Leichenlippen bewegten sich zu schweren Worten... (31, 123); Der Vogel legte nämlich an jedem Tage ein Ei, in dem sich eine Perle oder ein Edelstein befand (31, 81-82).

У наведених уривках новел А. фон Шамісо *"Peter Schlemihls wundersame Geschichte"* і Л. Тіка *"Der blonde Eckbert"* відчуття несподіванки викликає факт неможливості перебігу існування даних подій у природі. Проте у даному випадку ефект ошуканого очікування певною мірою обумовлений казковим дискурсом зазначених творів.

У новелі Г. фон Кляйста *"Die Marquise von O..."* ефект несподіванки виникає як порушення логічної смислової послідовності:

In M..., einer bedeutenden Stadt im oberen Italien, ließ die verwitwete Marquise von O..., eine Dame von vortrefflichem Ruf und Mutter von mehreren wohlherzogenen Kindern, durch die Zeitung bekanntmachen, daß sie, ohne ihr Wissen, in andre Umstände gekommen sei, daß der Vater zu dem Kinde, das sie gebären würde, sich melden solle; und daß sie, aus Familienrücksichte, entschlossen wäre, ihn zu heiraten (31, 163).

Попередня характеристика головної героїні настроює читача на знайомство з високодуховною особистістю. Поведінка маркізи становить собою відхилення від ситуативної норми. Читач зовсім не очікує, що заявлена особа може потрапити в подібну ситуацію.

Поданий уривок ілюструє явище антиципації – передбачення, прогнозування подій, складене заздалегідь [26], та експектації – очікування учасників комунікації щодо подальшого перебігу подій, здатність "передбачити", що саме буде далі, спираючись на попередній контекст, життєвий досвід, досвід спілкування. Отримане повідомлення аналізується адресатом, тобто зіставляється з набором експектацій (очікувань), які вже у нього є. Якщо повідомлення відповідає певній частині очікувань, то інтерпретується відповідно до неї, тоді як інші експектації вже не враховуються (спектр очікувань звужується) [29].

Схоже явище спостерігається у новелі А. Шніцлера *"Traumnovelle"*:

"Vierundzwanzig braune Sklaven ruderten die prächtige Galeere, die den Prinzen Amgiad zu dem Palast des Kalifen bringen sollte. Der Prinz aber, in seinen Purpurmantel gehüllt, lag allein auf dem Verdeck unter dem dunkelblauen, sternbesäten Nachthimmel, und sein Blick" – Bis hierher hatte die Kleine laut gelesen; jetzt, beinahe plötzlich, fielen ihr die Augen zu (31, 769).

Початок створює ілюзію того, що події відбуватимуться у далекій заморській країні, тоді як згодом з'ясовується, що задана тема є результатом читання книжки маленькою дівчинкою.

Sie stand auf und ging nach ihrer Kammer. Walther wünschte ihr mit einem Handkusse eine gute Nacht, und sagte: "Edle Frau, ich danke Euch, ich kann mir Euch recht vorstellen, mit dem seltsamen Vogel, und wie ihr den kleinen Strohmian füttert" (31, 85).

Цей уривок з новели Л. Тіка *"Der blonde Eckbert"* робить можливим ефект ошуканого очікування лише з огляду на контекст. Треба бути знайомим з усім текстом новели, щоб дійти висновку, що Вальтер не міг знати ім'я маленького пєсика Штрєміана. Ця інформація стає несподіванкою для читача, який вважає, що Вальтер не міг володіти таким знанням. В даному випадку має місце несподіваний сюжетний хід, поворот, що стався всупереч очікуванням і передбаченню читача.

Використання стилістичного прийому ошуканого очікування повністю відповідає інтенціям автора: збудити у читача інтерес до відтворюваних подій, апелюючи не лише до його розуму, а й до чуттєвої складової, що в свою чергу сприяє реалізації прагматичної компоненти. Свідоме моделювання ситуацій "ошуканого очікування" є особливою комунікативною стратегією і сприяє підвищенню експресивності.

Тип висунення "конвергенція" знаходить свого відображення у скупченні стилістичних прийомів на порівняно невеликому відрізку тексту та характеризується особливо сильною експресивністю [1; 2; 10; 15; 16]. Деякі дослідники розглядають конвергенцію як засіб посилення виразності мовлення, який полягає в концентрації в одному місці пучка зображувальних засобів та засобів виразності, що беруть участь у реалізації єдиної стилістичної функції [7; 8; 13; 21].

Розрізняють синтаксичну конвергенцію, яка становить собою комплексний синтактико-стилістичний прийом, що утворюється в результаті поєднання декількох "синтаксичних засобів виразності і стилістичних прийомів в одному контексті і характеризується багатоконпонентністю структури, поліекспліцитним характером синтактико-стилістичного виду міжфразового зв'язку між компонентами і єдністю стилістичної функції" [9, 6]. З-поміж синтаксичних виділяють конвергенції, елементи яких відносяться до одного семантичного плану (власне однорідні члени, синоніми, повтори, перелічування об'єктів одного плану), і синтаксичні конвергенції з семантично різноплановими елементами (поєднання абстрактних і конкретних понять, поєднання нейтральних і стилістично забарвлених елементів тощо) [12, 76-77].

Неодмінною умовою створення конвергенції є наявність семантичних зв'язків між одночленними прийомами, що становлять собою компоненти різноманітних багаточленних прийомів [23, 147]. Конвергенція багаточленних стилістичних прийомів дозволяє розглядати злиття прийомів як текстове явище [23, 146].

Має місце спроба визначення різновидів конвергенції: сконцентрована – взаємодія експресивних синтаксичних конструкцій на основі виконуваної функції, яка здійснюється в межах однієї комунікативної одиниці – речення, і розсконцентрована – взаємодія таких конструкцій на основі виконання єдиної функції в межах декількох речень, об'єднаних композиційно [18, 204-205].

Тож конвергенція стилістичних засобів є комбінованим стилістичним прийомом, що полягає в різноплановій взаємодії стилістичних засобів на основі виконання ними інтенційно обумовленої прагматичної функції.

З-поміж існуючих у стилістиці типів висунення "зчеплення" є найменш дослідженим. У поодиноких розвідках зчепленням називають прояв східних елементів у східних позиціях, що надає тексту цілісності, допомагає розкрити характер і суть єдності форми й змісту. Схожість елементів може бути як структурною, так і семантичною [2, 53].

Часто у німецькомовній новелі типи висунення "зчеплення" та "конвергенція" зустрічаються в одній синтаксичній єдності – реченні. Для прикладу наведемо уривок з новели Т. Мана "*Tonio Kröger*":

Sie werden pathetisch, Sie werden sentimental, etwas Schwerfälliges, Tüppisch-Ernstes, Unbeherrschtes, Unironisches, Ungewürztes, Langweiliges, Banales entsteht unter Ihren Händen, und nichts als Gleichgültigkeit bei den Leuten, nichts als Enttäuschung und Jammer bei Ihnen selbst ist das Ende... (31, 714).

Тип висунення "зчеплення" проявляється в синтаксичному паралелізмі (*Sie werden pathetisch, Sie werden sentimental* – однакова синтаксична побудова відрізків речення) та семантичному паралелізмі (*pathetisch, sentimental* –

семантичний паралелізм, представлений ситуативними синонімами). Семантичний паралелізм знаходить вираження також у великій кількості синонімів, які представлені субстантивованими іменниками *Schwerfälliges, Täppisch-Ernstes, Unbeherrschtes, Unironisches, Ungewürztes, Langweiliges, Banales*. У цьому випадку конвергенція виражається через асиндетон, епіфору (*Schwerfälliges, Täppisch-Ernstes, Unbeherrschtes, Unironisches, Ungewürztes, Langweiliges, Banales* – повтор морфеми – закінчення), анафору (*Unbeherrschtes, Unironisches, Ungewürztes* – повтор морфеми – префікса), також має місце злиття двох слів з метою посилення якості ознаки (*Täppisch-Ernstes*); і метонімія (*entsteht unter Ihren Händen* – зв'язок між дією і знаряддям цієї дії). Заключна частина речення знову демонструє синтаксичний паралелізм (*...und nichts als Gleichgültigkeit bei den Leuten, nichts als Enttäuschung und Jammer bei Ihnen selbst ist das Ende...* – однакова синтаксична побудова відрізків речення) і семантичний паралелізм (*Gleichgültigkeit, Enttäuschung, Jammer* – ситуативні синоніми). Експресивність зображення стану смутку і розчарування передається завдяки великому скупченню іменників, схожих за своїм денотативним значенням.

Подібне явище можемо також спостерігати у новелі А. Шніцлера "Traumnovelle":

Ja, verraten, betrügen, lügen, Komödie spielen, da und dort, vor Marianne, vor Albertine, vor diesem guten Doktor Roediger, vor der ganzen Welt; – eine Art von Doppelleben führen, zugleich der tüchtige, verlässliche, zukunftsreiche Arzt, der brave Gatte und Familienvater sein – und zugleich ein Wüstling, ein Verführer, ein Zyniker, der mit den Menschen, mit Männern und Frauen spielte, wie ihm just die Laune ankam – das erschien ihm in diesem Augenblick als etwas ganz Köstliches... (31, 814).

Початок уривку демонструє тип висунення "зчеплення", представлений семантичним паралелізмом (*verraten, betrügen, lügen, Komödie spielen* – синоніми), тип висунення "конвергенція" знаходить свого відображення в епіфорі, асиндетоні (*verraten, betrügen, lügen* – повтор морфеми). Має місце анафора, асиндетон (*vor Marianne, vor Albertine, vor diesem guten Doktor Roediger, vor der ganzen Welt* – повтор лексеми), епітет (*guten Doktor Roediger*); злиття двох слів з метою посилення значення предмета (*Doppelleben*). Друга частина речення містить серію зчеплень, що знаходить свого відображення у семантичному паралелізмі (*der tüchtige, verlässliche, zukunftsreiche Arzt; Arzt, Gatte, Familienvater* – ситуативні синоніми). Конвергенція представлена за допомогою епіфори, асиндетона (*tüchtige, verlässliche, zukunftsreiche* – повтор морфеми), епітета (*der brave Gatte*). Подальша частина речення знову представлена семантичним паралелізмом (*Wüstling, Verführer, Zyniker* – ситуативні синоніми; *Arzt, Gatte, Familienvater / Wüstling, Verführer, Zyniker* – ситуативні антоніми), повтором, асиндетоном (*ein Wüstling, ein Verführer, ein Zyniker* – повтор лексеми). Заключна частина речення містить у собі конвергенцію: займенникове замінювання (*der mit den Menschen, mit Männern und Frauen spielte* – *der* замість *Zyniker*), повтор (*der mit den Menschen, mit Männern und Frauen spielte* – повтор лексеми), інверсію (*wie ihm just die Laune ankam* – відтягнутий від початку підмет), персо-

ніфікацію (*wie ihm just die Laune ankam*); та зчеплення, представлене семантичним паралелізмом (*Menschen, Männern, Frauen* – гіпоніми: *Menschen* – гіпонім, *Männern, Frauen* – гіпероніми).

Окрім того, цей уривок побудований за допомогою антитези (*zugleich der tüchtige, verlässliche, zukunftsreiche Arzt, der brave Gatte und Familienvater sein – und zugleich ein Wüstling, ein Verführer, ein Zyniker, der mit den Menschen, mit Männern und Frauen spielte* – протиставлення понять, образів).

Ефект ошуканого очікування забезпечує зв'язність тексту на формальному рівні, тобто сприяє реалізації такої текстової категорії як когезія, у той час, як порушення передбачуваності, яке має на меті даний тип висунення, впливає на порушення смислу, а, отже, унеможлиблює реалізацію текстової категорії когерентності, яка передбачає зв'язність тексту на рівні смислу. Типи висунення конвергенція та зчеплення не лише сприяють збереженню цілісності тексту, а й є виразниками своєрідності авторської манери зображення, подальше дослідження якої можна віднести до перспектив нашої роботи.

ЛІТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л., 1981. – 295 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
3. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
4. Ветвинская Т.Л. Принцип "обманутого ожидания" как основа стилистического приема (на материале англ. яз.). // Исследования по романской и германской филологии. – Киев, 1975. – С.71-75.
5. Гнатюк А.Д. Средства создания экспрессии и ее интенсификация в газетно-журнальных жанрах (на материале современной французской прессы): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. / Андрей Дмитриевич Гнатюк. – К., 1984. – 368 с.
6. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
7. Копнина Г.А. Конвергенция стилистических фигур в современном русском литературном языке (на материале художественных и газетно-публицистических текстов): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Галина Анатольевна Копнина. – Красноярск, 2001. – 289 с.
8. Лустрэ Л.Х. Типы выдвижения как средство экспрессивного синтаксиса // Образные и экспрессивные средства языка (английского, немецкого, французского). – Межвузовский сб. науч. тр. – Ростов-на-Дону: РГПЧ, 1986. – С. 117-125.
9. Малеванная В.М. Синтаксическая конвергенция в английской художественной прозе: Дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1986. – 188 с.
10. Маторина Н.С. Информационный потенциал стилистических конвергенций (на материале англо-американской художественной прозы): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989. – 208 с.
11. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. – М.: Мир, 1966. – 352 с.
12. Обнорская М.Е. Синтаксические конвергенции // Стилистика Романо-германских языков (Материалы семинара) // Уч. записки ЛГПИ им. Герцена. Т. 491. – Л., 1972. – С. 78-86.
13. Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Часть 1. – Абакан, 2000. – 247 с.
14. Піхтовнікова Л.С. Еволюція німецької віршованої байки (13-20 ст.): жанрово-стилістичні аспекти: дис. ... доктора філол. наук : спец. 10.02.04., 10.01.05. / Лідія Сергіївна Піхтовнікова. – К., 2000. – 427 с.
15. Ржевский Л. Язык и стиль романа Б. Пастернака "Доктор Живаго". – Мюнхен, 1962. – 84 с.
16. Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. Лингвистика. – М.: Прогресс, 1980. – С. 69-97.

17. Седых Э.В. Контраст в поэзии как один из типов выдвижения (на примере циклов стихотворений "Песни Неведения" и "Песни Познания" У. Блейка): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Элина Владимировна Седых. – Санкт-Петербург, 1997. – 208 с.
18. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. – Томск, 1981. – 255 с.
19. Славинский Я. К теории поэтического языка // Структурализм: "за" и "против": Сб. статей. – М.: Прогресс, 1975. – С. 256-277.
20. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. – М.: Флинта, Наука, 1997. – 256 с.
21. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. Курс лекций и словарь риторических фигур. – Ростов н/Д.: Изд. РГУ, 1994. – 191 с.
22. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Ин-т языкознания; Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1991. – 214 с.
23. Чулкова В.С. Многочленный стилистический прием как одно из средств интеграции текста: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1978. – 172 с.
24. Meyer, W.V., Reisenzein, R. & Schützwohl, A. Towards a Progress Analysis of Emotions: The Case of Surprise // Motivation and Emotion, 21(3), 1997. – P. 251-274.
25. Riesel E. Abriss der deutschen Stilistik. – М.: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1954. – 403 S.
26. Комлев Н.Г. [Электронный ресурс] Антиципация // Словарь иностранных слов, 2006 – Режим доступа к ресурсу: <http://www.kroka.ru/html/a/anticipaci8.html>
27. Лагута (Алешина) О.Н. Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации: Учебный словарь терминов. Учебное пособие / Отв. ред. Н.А. Лукьянова. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2000. – Часть 2. – 147 с.
28. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
29. Словарь-справочник. – Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской; сост. А.А. Князьков. – М.: Флинта, Наука, 1998. – 312 с.
30. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под. ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 434 с.
31. Das große deutsche Novellenbuch. – Düsseldorf, Albatros Verlag. – 1085 S.

УДК 811.111'373'272 : 374.73

Кухаренко В.А.

ЛАУРЕАТ БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ 2011 ГОДА ДЖУЛИАН БАРНС: THE SENSE OF AN ENDING

В статье рассматриваются кумулятивные образы разных степеней сложности структурирования, в сумме своей формирующие финальный гештальтный образ текста – Концепт Текста.

Ключевые слова: заголовок, кумулятивный образ, Концепт Текста.

Кухаренко В.А. Лауреат Букеровської премії 2011 року Джуліан Барнс: The Sense of an Ending. У статті розглянуто формування кумулятивних образів різного ступеня складності структуривання, які, в свою чергу, формують фінальний гештальтний образ – Концепт Тексту.

Ключові слова: заголовок, кумулятивний образ, Концепт Тексту.

Kukhareno V. Winner of 2011 Man-Booker Prize Julian Barnes: The Sense of an Ending. The article deals with the formation of cumulative images in the process of text developing, which eventually construe the final Gestalt image – Concept of the Text.

Key words: title, cumulative image, Concept of the Text.

В названии предлагаемой статьи главным элементом является заглавие романа.

Заголовок – парадоксальный феномен: первый и неотъемлемый элемент текста, он физически, материально отчужден от него: называя книгу, он – до ее прочтения – понятен лишь частично или непонятен вообще (Ср., напр., заголовок произведения Тома МакКарти "С", 2010-го года, или Эли Смит "There But For The" 2011-го, или даже более традиционные *Vanity Fair* или *Midnight's Children*).

По свидетельству авторов разной величины, разных времен, разных народов и разных жанров – от Льва Толстого до Ильфа и Петрова, от Теккерея до Салмана Рушди, этот **первый** знак текста, не без авторских мук выбора из ряда возможных вариантов, ложится на бумагу **последним**. Наконец, заголовок функционирует самостоятельно, в отрыве от означиваемого текста – как его онимный представитель.

Учитывая специфику заголовка, можно понять интерес широкого круга лингвистов и литературоведов к его семасиологическим, структурным, ономасиологическим, функциональным характеристикам. Не обошла его и я, почти столетия назад посчитав его **кольцевым знаком**, который наполняется смыслом только за счет целого текста. Действительно, закончив и закрыв книгу, читатель вновь видит заголовок, но теперь, по завершении чтения, он означает не совсем то или совсем не то, что представлялось читателю, только взявшему в руки книгу [1].

Я столь подробно вспомнила о нем в связи с книгой, завоевавшей последнюю (2011 года) Букеровскую премию – высшую литературную награду

Великобританії. Она називається *The Sense of an Ending* і належить перу Джуліана Барнса. Книги писателя – романи, збірники оповідей, есе (всього около 20) перекладені на 30 мов, успішно об'єднують в собі психологічну глибину, важливість і серйозність піднятої проблеми з іскрометним почуттям юмору, сатиричною трактовкою шкоди окремих представників або цілих шарів сучасного суспільства. Твори Барнса заслужено принесли йому не тільки успіх у читача, але і визнання критиків, називаючих його класиком сучасної англійської літератури [2; 3].

Неопределений заголовок "окончання" (*an ending*) надає заголовку розпливчатість: якого кінця? одного з можливих? Того, який не описали? Того, чому не могли підібрати більш визначену кваліфікацію? (Ср. у Хемінгуей – *The End of Something*). А перше слово *the Sense*? Його значення і відтінки значень займають цілу колонку в словнику – як вибрати для такого невеликого контексту, як ізольований заголовок? Почуття? Почуття? Значення? Ось і отримується, що проникнути в суть заголовка можна тільки "заднім числом", завершив книгу.

В науковій літературі титульна лексика, як правило, потрапляє в ключові слова, матеріалізуючі концепції, які складають суть наукової статті/монографії/дисертації. В художній літературі титул означає тему часто генералізовану (Ср., напр., назви фільмів і, відповідно, сценаріїв до них: "Чоловік і жінка", "Дім, в якому я живу" або "*The Hours*", "*The Dubliners*", "*Sons and Lovers*"), хоча твір присвячений одному конкретному випадку з багатьох можливих всередині кожної теми. Крім того, головні слова художніх творів, на відміну від наукових, відносно не завжди потрапляють в ключові, не говорячи вже про те, що вони можуть ні разу не зустрітись в усьому тексті.

Іменно цей останній випадок перед нами – ні *sense*, ні *ending* в лексиконі короткого роману Дж. Барнса *The Sense of an Ending* не потрапили. Крім імен персонажів і їх прономинальних/лексических замісників (що характерно для будь-якого прозаїчного твору), в високочастотну зону тут входять: словообразовательне гніздо *memory*; лексема *time*; ланцюжок наростаючої інтенсивності *responsibility/guilt/remorse*, об'єднана сім'єю "особиста причастність до відповідального події". Кожна з названих лексических одиниць, по мірі розкриття тексту і привертання до себе різних контекстів, нарощує свій семантичний об'єм і виростає в фінальний, гештальтний вивідний **кумулятивний образ**.

На ведуче місце по частотності використання і незмінно наступним за нею підвищенням значимості слова в загальній структурі і значенні тексту, виходить *memory* зі своїм словообразовательним гніздом. На перший погляд, автор до цього підганяє загальний задум і композиція роману. Написаний від 1-го особи, він складається з двох частин: в першій (с. 1-56) оповідач Тоні Вебстер і троє його друзів закінчують школу і продовжують навчання в коледжах. Ця частина служить своєрідним вступом до події

тиям части второй: *I'm not very interested in my schooldays and don't feel any nostalgia for them. But school is where it all began* (2)¹.

Еще до этого авторского объяснения композиции своего произведения, на его первых двух страницах вводятся лексемы, которые за счет своего будущего многократного повторения и аккумуляции определенных смыслов, становятся ведущими в повествовании – *remember/memory* и *time*. Сначала появляется *remember*, в семантике которого, в последующих контекстах, постоянно подчеркивается несоответствие факта/явления/человека и воспоминания о нем: *remembering isn't always the same as what you have witnessed* (3). Впоследствии во многих контекстах даже первой – "юной" – части, ненадежность воспоминаний подчеркивается неоднократно: *have I just remembered it this way to make it seem so, and to apportion blame?* (35). Здесь же, в части 1-ой (с. 42), появляется и впоследствии постоянно повторяется спасительное для нарратора, снимающее с него ответственность за истинность прошлых событий – *As far as I remember; as far as I remember it now; if I remember its details; if I remember correctly* и под. Непосредственно за *remember*, на этих же первых двух страницах, появляется корневое *memory*, а одним из многих последующих атрибутов/компонентов, настойчиво подчеркивающих сомнительность, недостоверность, ненадежность памяти/воспоминаний: *approximate memories*. Или далее: *to be true to my own memory as far as that's ever possible* (4).

Воспоминание отстоит от факта во времени. Время в романе выступает в деформирующей функции: воспоминания представляются нам истинными воспроизведениями ушедших событий и людей, но подобную уверенность в их аутентичности нам внушило время, за которое истиной стал не имевший место факт, а приблизительная память о **впечатлении** от него: *memories of impressions which time has deformed into certainty* (4).

Время – *time* – распоряжается не только нашими воспоминаниями: что-то отбрасывает, что-то выдвигает на передний план, все при этом искажая, время, по сути дела, формирует нас: *We live in time – it holds us and moulds us* (3). И это формирующее влияние времени на человека – главное в текстовом концепте ВРЕМЯ/TIME: *I know this much: that there is objective time, but also subjective time, the kind you wear on the inside of your wrist, next to where the pulse lies. And this personal time, which is the true time, is measured in your relationship to memory* (122).

Человек всю жизнь подводит итоги – дня, недели, месяца, жизни. Чем отдаленнее во времени событие/день/месяц, тем более память/воспоминание о нем подвержены абберрации: *How often do we tell our own life story? How often do we adjust, embellish, make sly cuts? And the longer life goes on, the fewer are those around to challenge our account, to remind us that our life is not our life, merely the story we have told about our life. Told to others, but – mainly – to ourselves* (95).

Время в личностном плане неотделимо от персональных воспоминаний, которые, собственно, и составляют, как представляется индивидууму, его

¹ Иллюстрации приводятся по изданию [4].

жизненную канву, хотя то, что имело место в реальности, и его отпечаток, смазанный временем, никогда не являются идентичными, о чем постоянно напоминает автор уже упоминавшимися повторами (*as, as far as*) *I remember correctly (right, now)* и под.

Время в общественном плане тоже неотделимо от воспоминаний. Оно называется историей. И – скептический к времени/памяти индивидуальной, Дж. Барнс весьма беспощаден к времени/памяти общественной, т.е. к истории. Отталкиваясь от школьных уроков истории (*History isn't the lies of the victors. It's more the memories of the survivors, most of whom are neither victorious, nor defeated* – 56), нарратор присоединяется к более кардинальному взгляду на недостоверность, селективность, переменчивость истории: *History is that certainty produced at the point where the imperfections of memory meet the inadequacies of documentation* (59). Мы не в состоянии осознать важность и последствия даже того, что происходит в наше время, как же понять, оценить прошлое: *It's the same paradox again: the history that happens underneath our noses ought to be the clearest, and yet it's the most deliquescent. We live in time, it bounds us and defines us, and time is supposed to measure history, isn't it? But if we can't understand time, can't grasp its mysteries of pace and progress, what chance do we have with history – even our small, personal, largely undocumented piece of it?* (60).

Контексты использования *memory/remember* и *history (as their collection)* повсеместно подчеркивают непрочность, ненадежность (*arbitrariness*) и личной, и общественной памяти. Этот сомнительный, требующий подтверждения (впоследствии будет введена лексема *corroboration*) характер воспоминаний/памяти постоянно подчеркивается и на синтаксическом уровне "хвостовыми", ищущими согласия собеседника вопросами (*tag-questions*), как подчеркнутый нами в последнем примере.

Вторая часть (с. 59-150) вдвое больше первой. Нарратору около 60-ти. За плечами вполне успешная и вполне тривиальная жизнь: карьерный рост, спокойный брак, мирный развод, прекрасные отношения с бывшей женой и уже замужней дочерью. Неудачная юношеская любовь, ощущение комплекса неполноценности в присутствии самого талантливого и неординарного из друзей – Адриана, споры о мировых истинах – все это осталось позади. Сейчас все прекрасно, хотя в текст "вползает" *responsibility*. Сначала в удовлетворенном тоне нарратива 2-ой части: *I'm content. I am not and I don't want to be responsible for anyone or anything* (60-62). И тут в умиротворенное существование Тони Вебстера, уверенного, что его мир и спокойствие заслужены его безупречной жизнью, не нанесшей никому никаких неприятностей и травм, включается неожиданное письмо от адвоката недавно умершей, почти забытой героем матери Вероники, его студенческой возлюбленной. И в памяти всплывают эпизоды прошлого. Неуверенность в точности воспоминаний, о которой развернуто повествовал герой, получает документальные подтверждения в виде двух писем: его собственного, мельком упомянутого на с. 40 и приведенного одним из адресатов полностью на с. 95-97; и страница письма Адриана, покончившего жизнь самоубийством в 22 года.

Где начинается ответственность? *Is there a chain of it, or we draw the concept more narrowly? I'm all for drawing it narrowly* (104). Вопрос – кто и как устанавливает эти "узкие" границы.

До своей трагической гибели Адриан начал встречаться с Вероникой, отношения которой с героем-нарратором к тому времени давно завершились. Адриан, в силу своего чувства товарищества и порядочности (впрочем, нарратор называет его *prudish*), пишет Тони письмо об этих встречах, на которое, Тони, как он помнит, ответил сначала коротенькой открыткой в юмористическом духе, а через несколько месяцев – более подробным письмом, где указал, что ему все равно, где, кто, с кем и когда встречается (с. 42). Этот эпизод упоминается мельком в потоке воспоминаний о событиях того времени, в частности, как он провел уик-энд в доме родителей Вероники (28-30); как представлял ее своим друзьям (31-32); как на реке Северн, он был потрясен явлением, которое имеет место на реках, впадающих в океан: мощный прилив поворачивает реку вспять, и огромная волна противоестественно движется против привычного течения (35);¹ что говорил Адриан об истории, об ответственности, ее отсутствии и последствиях безответственности.

До получения известия адвоката, все воспоминания Тони достаточно мажорны и свидетельствуют в пользу его самохарактеристики *a nice chap*. После извещения в нем просыпается интерес к Веронике, к ситуации 40-летней давности, под которой он, как ему казалось, подвел черту своим длинным письмом: *Pretty good for a day's work, or a night's. Again, I must stress that this is my reading now of what happened then. Or, rather, my memory now of my reading then of what was happening at the time* (41). Это цитата из первой части. *Memory* к этому времени уже дискредитирована, и самопоправка нарратора приобретает особое значение: речь идет не о восприятии события, а о **ВОСПОМИНАНИИ** о восприятии, что, как мы уже знаем ненадежно и обманчиво.

Настойчивые попытки Тони прояснить, почему, после всех прошедших лет, мать Вероники упомянула его в своем завещании, сказав при этом, что Адриан был счастлив последние несколько месяцев своей жизни, приводят, в конце концов, к встрече бывших возлюбленных, где он – ухоженный и благополучный, свободный для дальнейших возможных отношений мужчины, она – неухоженная, постаревшая, плохо одетая, резкая и нетерпимая женщина. Добываясь упомянутого в завещании Миссис Форд дневника, оставленного Адрианом, Тони получает (не сразу) от Вероники одну страничку из него (она объясняет, что дневник сожгла) и его, Тони, письмо сорокалетней давности, о котором он легко и просто упомянул много раньше.

Если в первой части разрабатывались, наращивали свой семантический объем две основные лексемы – *memory/remember* и *history*, то во второй части разрабатывается, как упоминалось выше, цепочка логической связи

¹ Устье Темзы, в которое заходят и океанские корабли, тоже подвержено действию ежедневных (скорее, еженощных) океанских приливов, в связи с чем этот сегмент реки так и называется *Tidal Thames* и во время бурного, почти мгновенного прилива, закрыт для навигации малого флота.

cause → *effect*, матеріалізована лексема *responsibility* → *guilt* → *remorse*. Кожна з них означає формуючийся в послідовальних контекстах **кумулятивний** образ.

Особенність останнього заключається в **унікальності образу**, при її **отсутствии** у одиниці, оречевляючої останній. Слова високої частоти (дом, семья, муж, жена, дети, родители и под) в **каждом** тексті формують свій, отличный от прочих кумулятивний образ. В свое время Марсель Пруст, отталкиваясь от детского воспоминания о вкусе печенья с чаем, восстановил целую эпоху конца одного – начала другого столетия. *Rememberance/memory* у Пруста – основание для воссоздания реальности. Те же лексеми у Барнса – основание для сомнений, ибо восстанавливаемая по воспоминаниям картина его тогдашнего мира не соответствует смыслу и значимости событий, которые чрезвычайно **выборочно** (как и в Истории человечества в общем и отдельной страны, в частности) оставили свой след в памяти¹. Центральным признаком концепта *MEMORY/REMEMBER*, формуюемого множественными контекстами произведения, становится *unreliability* (ненадежность). Неслучайно автор все ключевые события освещает дважды: один раз – "как я помню – *as I remember*", второй "как это, оказывается, было на самом деле – *how it actually was*". Во втором случае на передний план выходит не выборочное распределение индивидуального внимания/восприятия/воспоминания, но материальное/документальное подтверждение – *corroboration*. Лексема становится частотной ($F_a = 24$), ведущий концептуальный признак стоящего за ней образа – необходимость: без подтверждения воспоминания отражают не факты, но их отдаленное (и искаженное) временем эмоциональное восприятие.

Страница из дневника давно умершего человека и столь же старое письмо другого человека – это подтверждения (*corroboration*s) случившегося и вины/ответственности благополучного Тони.

Автор "наглядно" показывает разницу между *remorse* и *guilt*: еще до шокирующего открытия последствий своего письма Тони философски рассуждает: *The chief characteristic of remorse is that nothing can be done about it: that the time has passed for apology or amends* (107). В "угрызениях совести" нет обратного пути. Представляется, что эпизод с приливной волной реки Северн (*Severn Bore*) – это утверждающая метафора: в отличие от явления природы, где, при определенных условиях, можно повернуть вспять, в значительно более короткой человеческой жизни это отнюдь не всегда возможно. Именно эта невозможность возвращения (к источнику нанесения вреда) для покаяния и постоянное присутствие этого раздражителя в жизни обидчика составляют центр КО *remorse* в книге. Ср. еще: *Remorse, etymologically, is the action of biting again: that's what the feeling does to you* (138). *I endured a special kind of remorse: a hurt inflicted at long last on one who*

¹ Ненадежность воспоминаний, даже подтвержденных письменными источниками (каждый из которых тоже написан субъектом, т.е. избирательно направлен), привела к созданию селективного направления в исторической теории и "аттенциональному" направлению (*attentional linguistics*) в лингвистике.

always thought he knew how to avoid being hurt – and inflicted for precisely that reason (142) for I knew I couldn't change, or mend, anything now (149). Oh, I thought I could turn remorse back into guilt and then be forgiven (130).

В книге всего 150 страниц и всего одна сюжетная линия. Но Барнса неслучайно назвали классиком при жизни. Здесь действительно "словам тесно, а мыслям просторно". Насколько мы можем положиться на собственное жизнеописание? *We muddle along, we let life happen to us, we gradually build up a story of memories (88) ...as the witnesses to your life diminish, there is less corroboration, and therefore less certainty, as to what you are or have been (59).* Поэтому, в связи с избирательностью нашего восприятия и ненадежностью его следов в памяти, наверное, следует с большей ответственностью относиться к своим словам и поступкам, ибо ответственность (*responsibility*) за сказанное/содеянное распространяется на всю протяженную во времени цепочку, начинаясь от незначительного слова/действия и заканчиваясь трагическим исходом для одного и уже бесполезными угрызениями совести другого.

Книга великолепно написана. При том, что в ней немало максим "о жизни вообще", она целенаправленно движет читателя к гештальтному образу-концепту всего текста: *The Sense of an Ending* – смысл происшедшего приходит не сразу, и осознание своей ответственности и вины, пусть в конце, наступит обидчика. Увы, слишком поздно...

ЛИТЕРАТУРА

1. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – 3-е изд., испр. – Одесса: Латстар, 2002. – 292 с.
2. Kemp P. Rewriting History / P. Kemp / The Sunday Times Literary Supplement. – 2011. – 24 July. – P. 12-16.
3. Singh A. Julian Barnes Wins the 2011 Man Booker Prize / A. Singh // The Daily Telegraph. – 2011. – 18 Oct. – P. 24.

ИЛЛЮСТРАТИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

4. Barnes J. The Sense of an Ending / Julian Barnes. – L.: Jonathan Cape, 2011. – 150 p.

ГРАДАЦІЯ КАУЗАЛЬНИХ ВІДНОШЕНЬ У ФУНКЦІОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧНОМУ ПОЛІ КОНТРАДИКТОРНОСТІ

У статті розглянуто логіко-семантичні відношення зумовленості в контрадикторних реченнях. Систематизовано їхній функціонально-семантичний потенціал за ядровою, приядровою та периферійною зонами, в межах яких простежується ступінь інтенсивності каузативного зв'язку між частинами контрадикторної конструкції.

Ключові слова: контрадикторне речення, причинно-наслідкові відношення, функціонально-семантичне поле.

Лимаренко Е.А. Градация каузативных отношений в функционально-семантическом поле контрадикторности. В статье рассмотрены логико-семантические отношения обусловленности в контрадикторных предложениях. Систематизирован их функционально-семантический потенциал в виде ядерной, приядерной и периферийной зон. В каждой из них прослеживается степень интенсивности каузативной связи между частями контрадикторной конструкции.

Ключевые слова: контрадикторное предложение, причинно-следственные отношения, функционально-семантическое поле.

Lymarenko O.A. Causality gradation in the functional-semantic field of contradiction. This article is focused on logical-semantic relations of causality in a contradictory sentence. Special attention is paid to the organisation of the functional-semantic field with its kernel, adkernel and peripheral zones, with which certain functional-semantic types of the contradictory sentence correlate. Within these types the intensity of the causative relation is being revealed.

Key words: contradictory sentence, causative relations, functional-semantic field.

Вербальна об'єктивація протиріччя здійснюється за допомогою низки синтаксичних засобів, відомих під назвою "контрадикторна конструкція", функціональне призначення яких полягає у фіксації суперечливості процесів, явищ і станів позамовної дійсності. Контрадикторні конструкції вирізняються своїм структурним розмаїттям, що виявляється в діапазоні від словосполучення до надфразової єдності. Проте найбільш виразним їхнім репрезентантом є контрадикторне речення (КР) з двома різновидами – протиставним паратаксистом і допустовим гіпотаксистом. Зазначені два типи складного речення становлять об'єкт цієї статті. Предметом є логіко-сміслові відношення зумовленості між частинами КР. Основною метою роботи є з'ясування особливостей реалізації причинно-наслідкових відношень та ступеня інтенсивності їхнього втілення в контрадикторній конструкції. Здійснення цієї мети передбачає розв'язання таких конкретних завдань: аналіз логіко-сміслових відношень в рамках КР із встановленням їхнього пропозиційного інваріанту; систематизація номінативного потенціалу КР за алгоритмом функціональ-

но-семантичного поля; уточнення номенклатури семантико-функціональних типів КР та їхній аналіз за гіпо-гіперонімічним принципом.

Новітні граматичні студії поступово доходять діалектичного розуміння суті КР, а саме: як синкретичних одиниць подвійної орієнтації, тобто одиниць, зміст яких складається, з одного боку, з причинних, а з іншого – з умовних семантем, що дозволяє позиціонувати їх у царині зумовленості. Тож не випадково у визначеннях КР все частіше зустрічаємо погляд на них як на складну синтаксичну одиницю з відношеннями зворотної зумовленості [8, 17], а В.Б. Євтюхін взагалі вважає допустові, причинні, умовні та цільові конструкції елементами одного класу і розглядає їх як виразники однієї категорії "зумовленість" [2].

Оскільки відомо, що причина безпосередньо породжує те чи інше явище або процес, а умова становить середовище, у якому останні виникають, існують і розвиваються [14, 497], не можна не помітити, що між ними встановлюються відношення взаємодетермінованості, адже умова – це "сукупність тих незалежних від причини явищ, яка перетворює в дійсність можливість породження наслідку, що міститься у причині. Якщо причина безпосередньо звернена до наслідку, то умова спрямована не на наслідок, а на причину; вони визначають спосіб дії причини" [5, 373]. Зокрема, серед сукупності деяких попередніх явищ завжди виокремлюється головна, визначальна умова для появи й існування іншого явища. Така умова і є причиною [17, 165].

Отже, умова існує в контексті каузальності, а каузальність – в контексті зумовленості. Інакше кажучи, умова виступає обставиною, за якої здійснюється "причинність". Тож не дивно, що для багатьох філософів причина – це частковий випадок умови. Включаючись до числа достатніх умов, причина відрізняється від них більшою активністю і відносною незалежністю дії [7, 287]. Отож для нас причина виступає тією єдиною можливою умовою (серед інших), яка є необхідною підставою для досягнення певного результату чи стану речей.

А.М. Приходько виводить логіко-смысловий інваріант КР у вигляді презумпції: "Дія в Р дозволяє очікувати не-Q, насправді діє Q". Першоосновою таких відношень він вважає їхню включеність в онтологічну схему каузальних відношень $Pr_1 \rightarrow Hc_1 \rightarrow Pr_2 \rightarrow Hc_2 \dots \rightarrow Pr_n \rightarrow Hc_n$ [10, 106]. Але на відміну від каузальності, яка стверджує перманентність причинно-наслідкових кроків, контрадикторність фіксує "ненормальний хід подій і ненормальний наслідок" [11, 185]. Тож не випадково її називають "нереалізованою зумовленістю", "потенційною каузальністю", "нездійсненою каузальністю" [6, 140-158].

У контексті цих чинників контрадикторне речення має вигляд контрадикторної макроситуації, що представлена когезією між двома причинами та двома наслідками: "Pr₁ (передумова, відкинута причина) – Hc₁ (очікуваний наслідок) – Pr₂ (реальний мотив) – Hc₂ (фактичний наслідок)". Завжди експлікованими є дві ситуації – передумова і факт. Співвідносячись між собою як зумовлювальна і зумовлювана (мікро)ситуації, вони становлять собою каркас контрадикторності – невідповідність очікуваного і реального. Два інші конституенти мають статус пресупозиції (очікуваний наслідок) і імплікованості (мотив).

Унікальність цієї макроситуації полягає в тому, що на рівні поверхневої маніфестації має місце логічний еліпсис, де дві ситуації з чотирьох не експлікуються: 1) висновок (бо це нормально, логічно і відповідає здоровому глузду), 2) мотив (набуває статусу епістемічної лакуни тому, що мовець не знає або не розуміє його). Логічний еліпсис очікуваного наслідку (гіпотетичний висновок) базується на пресупозиції, що є компонентом, який не виражається з достатньою експліцитністю, а порозумівається [9, 23] і що входить до змісту речення як "фонд спільних знань" [1, 85].

Когнітивно-семантичною основою КР є не імпліцитний наслідок, як вважається, а невідома причина, яка і є рушійною силою того стану речей, що склався і що його мовець повідомляє. Ця причина лежить поза межами речення. Вона не вербалізується, оскільки не входить до кола когнітивно-комунікативних інтенцій, які переслідує мовець, використовуючи КР.

Тож, виходячи з трьохчленної репрезентованості контрадикторної макроситуації стає можливим визначити її логіко-смисловий інваріант у вигляді презумпції "всупереч уявленням про норму", сформульованної В.Б. Євтюхіним [2, 139], В.З. Санніковим [12, 259], І. Фужерон [15, 28], Е. Рудольф [18, 415] та ін.

При цьому допустові контрадикторні конструкції спеціалізуються на акцентуації нереалізованої причини, яка не стала підставою для нормативно очікуваного наслідку, а протиставні контрадикторні конструкції – на акцентуації несподіваного наслідку, що мав би настати в результаті дії якоїсь причини.

Так, у КР (1a) *Though it's cold today, John went out without his coat* перша клауза чітко маркує причину, що має бути цілком достатньою підставою для висновку про необхідність теплого одягу, друга спрямовує комунікативний фокус на факт нехтування причиною. Навпаки, у КР (1б) *It's cold today, but John went out without his coat* увага фокусується на факті, який не повинен був, але все ж стався. Причина цього не експлікується у внутрішньореченневому контексті. Аналогічно й далі: якщо ми акцентуємо причину, то говоримо (2a) *Though John studied hard, he failed the exam*, а якщо наслідок, то (2б) *John studied hard, but he failed the exam*.

Допустові та протиставні конструкції мають значний сектор перетину, тому їхній системний опис вимагає визначення функціонально-семантичного потенціалу. Дослідження двох типів КР за допомогою системно-польового методу дозволяє не тільки упорядкувати різноманіття їхніх варіантів, але й виявити точки дотику різноструктурних моделей, знайти синонімічні зв'язки як між моделями одного синтаксичного рівня, так і усередині самої моделі.

Розмаїття одиниць, що об'єктивують контрадикторність в англійській мові, їхня потенційна сполучуваність і взаємодія в межах висловлення дозволяє розглядати їх у термінах ФСП. Змістовий стрижень ФСП контрадикторності утворює його понятійна основа: контрадикторні відношення та його різновиди, а синтаксичний складає система засобів вираження, здатних взаємодіяти між собою.

Макрополе контрадикторності складається з ядра, мікрополя протиставності та мікрополя допустовості. **Ядром** ФСП контрадикторності є когнітивний дисонанс, що відбиває ідею "невідповідності сценарію" – порушення ка-

узального зв'язку в уявленнях мовця щодо належного і реального. Його рушійною силою є не хибна інтерпретація знака, а епістемічна ентропія – недоінформованість мовця, недовикористання певного інформаційного ресурсу або порушення логічного закону виключеного третього. Мовне кодування когнітивного дисонансу відбувається однаково активно як протиставним паратаксистом, так і допустовим гіпотаксистом.

Мікрополе протиставності конституюється паратаксистичними конструкціями, які генеруються шляхом акцентування несподіваного наслідку. Вони становлять собою поєднання двох клауз на тлі певного роду невідповідності, що відображають по одній денотативній ситуації та перебувають у відношеннях часткової взаємозумовленості, часткової несумісності чи неадекватності.

Приядрова зона заповнюється власне-протиставними конструкціями, які відтворюють протиріччя шляхом протиставлення двох пропозицій або за рахунок контрасту між узагальненою та конкретною семантикою предикатів чи аргументів ((3) *My mother is usually very quiet, but last night she was crazy /Ch. Eagle/*), або за рахунок аксіологічного чинника "позитив – негатив" ((4) *The voice was familiar, but I couldn't place it /P. Walker/*).

Близько-периферійна зона протиставності складається з компенсаційних і лімітативних КР, у яких мовець не вбачає глибокого протиріччя між двома ситуаціями. Компенсаційні відношення базуються на ідеї різнополюсності кон'юнктив, які відтворюють переважним чином дві смислові сфери – підвищення ((5) *She was not educated, but she was well respected by the Jewish community /M. Holly/*) або пониження ((6) *The face is innocent, yet there's a shade of sorrow to it /R. Borovsky/*) у рангу тих ситуацій, які корелюють з лівим кон'юнктом. Лімітативні відношення нюансуються за такими параметрами, як рестриктивність ("правило – виняток": (7) *They have rules about alcohol out here, but I need a sip at times /Ch. Eagle/*), партитивність ("ціле – частина": (8) *Chana had her mother's coloring, except that her hair was lighter, almost blonde /E. Savin/*), інтенціональність ("намір – перешкода": (9) *Andy was bursting with curiosity for his current situation, but sleep was invading his head /J. Konrath/*) тощо.

Маргінально-периферійна зона мікрополя протиставності характеризується відсутністю імпульсів зумовленості. Тут можуть актуалізуватися зіставно-і корективно-протиставні відношення. Зіставні фактично відхиляються від ідеї протиріччя в усталеному його розумінні, виражаючи контраст між двома ситуаціями ((10) *I can generally bear the separation, but I don't like the leave-taking /S. Butler/*). Корективні відношення спеціалізуються на фіксації хибності однієї пропозиції та істинності іншої ((11) *Macey didn't speed up, instead he slowed down /A. Starling/*).

Мікрополе допустовості складається з гіпотактично організованих концесивних речень. На відміну від попереднього мікрополя, де увага фокусувалася на міративному наслідку, їхня контрадикторна спеціалізація полягає у вираженні протиріччя, де акцентування набуває нереалізована причина.

Приядрова зона заповнюється конструкціями, які втілюють власне-концесивний смисл. Всі вони будуються за алгоритмом макроситуації з чотирма мікроситуаціями (передумова, висновок, мотив, факт), серед яких актуа-

лізованими виявляються передумова і факт. У цій сфері розрізняються нейтрально-, підсилено- та послаблено-допустові КР.

Клас **нейтрально-допустових** речень (у термінології А.П. Загнітка – "реально-допустові" [3, 378], або "real concessives" у [19, 99]) засвідчує неекстенсивний характер відношень між причиною та міративним наслідком. Протиріччя в таких реченнях претендує ніби на об'єктивне чи навіть безсторонне відтворення, що його сприймає мовець. Пор.: (12) *Though Jason had an athletic build, at this moment he looked awkward /D. Sant/*; (13) *Despite what Whitefield told you, he was definitely guilty /P. Walker/*.

Підсилено-допустові речення маркуються за допомогою композитного релятива *even though*, який можна перекласти за допомогою сполучника "і навіть". Підсилення означає в таких випадках, що причина-підстава, яка міститься в підрядній клаузі, є особливо вагомою, значущою чи дуже сильною для того, щоб не наступив наслідок, який названо в головній клаузі. Однак попри це він все-таки здійснюється. Це означає, що поза реченням існує деяка інша причина-мотив (Пр₂), яка виявляється набагато вагомішою від Пр₁ (в нашій системі – завжди підрядна клауза), хоча вона за нормальних обставин є серйозним бар'єром на шляху реалізації наслідку (Нс₂). Пор.: (14) *He trusts him, even though he's secretive /T. Ruggiero/*; (15) *Even though he'd made it without incident, he still couldn't relax /A. Starling/*.

Послаблено-допустові речення вводяться релятивами *though, although* і *albeit*, які також маркують невідповідність між очікуваним і дійсним, але у прямо протилежний від підсилювальної допустовості спосіб: наслідок, що міститься в підрядній частині, не розглядається мовцем як особливо важкий чи особливо значущий, бо він є доволі слабким для причини у головній частині КР. Пор.: (16) *Cameron had a big watch too, possibly a Rolex, although in the irregular light it was difficult to tell /A. Starling/*; (17) *He was in his seventies, though clearly age hadn't slowed him down much /K. Hansen/*.

В структурному плані послаблено-допустові речення вирізняються обов'язковим ситуативним слідуванням підрядної клаузи після головної. Таке розташування клауз й спричиняє послабленню смислової акцентованості першої клаузи. На передній план тут виступає феномен "комплементарність інформації" – так звані "думки навздогін" [13, 213], або "відношення незалежності результату чи висновку" [16, 123], де зміст другого компонента подається як результат, який виникає незалежно від сказаного в першому компоненті [4, 72]. Інакше кажучи, перша клауза (головне речення), продовжуючи нести основне комунікативне навантаження, доповнюється ніби кластером додаткової інформації у вигляді іще якої думки з переважно негативною (16), або позитивною (17) оцінкою.

Близько-периферійна зона збігається із сектором умовно-допустових відношень, які спеціалізуються на вираженні гіпотетичного протиріччя, що переборюється попри наявність можливої перешкоджаючої обставини ((18) *Even if I'm not successful, it feels exactly right to be trying /K. Hansen/*). Нівелювання вагомості умови фіксується такими КР лише гіпотетично. Це означає певного роду обіцянку, погрозу чи спробу переконати когось чи самого себе у твердій рішучості щось зробити. Всі ці чинники мають один спільний зна-

менник: вони є мовленнєвими актами припущення. Тож можна стверджувати, що семантико-синтаксична структура умовно-допустових КР визначається перетином двох смислів – протиріччя і припущення.

Маргінально-периферійна зона конститується відношеннями узагальненої допустовості, які сигналізують про факт реалізованості ситуації попри певну обтяжувальну обставину, взятої з n-множини подібних чи повторюваних (рекурентних). Повторюваність – інваріант узагальненої допустовості – може набувати різного генералізуючого статусу: необмеженої рекурентності ((19) *Whatever you say, Martha. You're always right /P. Lee/*), обмеженої рекурентності ((20) *His body grew hot and sweaty, no matter how often she bathed him /Ch. Eagle/*), необмеженої нерекурентності ((21) *Nobody can tie up all the pieces, no matter how good they are /E. Savin/*), обмеженої нерекурентності ((22) *Whatever she told you, she didn't mean it /P. Walker/*). Узагальнено-допустові відношення сигналізують про міративний наслідок, який набуває чинності всупереч не одній-єдиній причині, а всупереч низки і навіть безлічі можливих однопорядкових причин. Отож попри розмаїття перешкоджаючих факторів, "шана" таким ситуаціям одна – бути пронехтуваними.

Висновки:

1. На глибинному рівні КР виступає як синтаксична одиниця подвійної орієнтації, що маркує логічне протиріччя у площині "умова – наслідок" або "причина – наслідок". І умовно-наслідкові, і причинно-наслідкові відношення зводяться в кінцевому рахунку до категорії "зумовленість", яка є суперордиантною і для причини, і для умови, і для протиріччя, відбиваючи нормативні уявлення людини про причинно-наслідкову залежність.

2. Категорія контрадикторності організована в сучасній англійській мові у вигляді макрополя, яке складається з трьох мікрополів – когнітивного дисонансу, протиставності та допустовості. Сміслова верифікація кожного з них базується на "зонному" принципі – ядровій, приядровій і периферійній зонах.

3. Ядром макрополя є когнітивний дисонанс, а приядровими компонентами – протиставність і допустовість в їхньому основному, не переобтяженому додатковими конотаціями, значенні, які виступають одночасно і ядровими центрами мікрополів. Периферійні конструкції розташовуються на різному віддаленні від центра, що дозволяє говорити про близьку й маргінальну периферію.

4. Ядро і периферія кожного мікрополя перебувають у складних градаційно-системних відношеннях, що характеризуються послабленням ступеня зумовленості на екзогенному та ендогенному рівнях.

4.1. Перший – "міжзонний" – охоплює усі сектори мікрополів контрадикторності, в яких послаблення протиріччя простежується у напрямку від ядра до периферії. Це пов'язано із частковою або повною втратою каузальної залежності між двома ситуаціями і/або наявністю додаткових ознак, що мають більш вагоме комунікативне навантаження.

4.2. Другий – "внутрішньозонний" – охоплює лише один із секторів мікрополя допустовості, а саме – власне-допустові КР. Характерною рисою тут є різновекторна направленість ступеня зумовленості – від посилення інтенсивності зв'язку між вихідною причиною та очікуваним наслідком до послаблення нормативних уявлень людини про належне і реальне, від більш напру-

женої акцентованості порушення причинно-наслідкових відношень до часткової або навіть повної втрати зумовленості між двома ситуаціями, де друга виступає як кластер додаткової інформації.

Перспектива подальших наукових розвідок видається у систематизації сполучникових засобів в протиставних і допустових реченнях сучасної англійської мови виходячи із системно-польового устрою контрадикторності.

ЛІТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 384 с.
2. Евтюхин В.Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, следствие, цель, уступка // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / В.Б. Евтюхин. – СПб: Наука, 1996. – С. 138-174.
3. Загнітко А.П. Теоретична граматики української мови: Синтаксис / А.П. Загнітко. – Донецьк: ДонНУ, 2001. – 662 с.
4. Здорикова Ю.Н. Сложносочиненные предложения с союзом но и соотносительные с ними текстовые построения: дисс... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Ю.Н. Здорикова. – Иваново: ИвГУ, 1999. – 168 с.
5. Краткая философская энциклопедия / [ред.-сост. Е.Ф. Губенский, Г.В. Кораблева]. – М.: Прогресс, 1994. – 575 с.
6. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутри-текстовых отношений / М.В. Ляпон. – М.: Наука, 1986. – 260 с.
7. Никитин Е.П. Условия // Философская энциклопедия: в 5 т. / [гл. ред. Ф.В. Константинов] / Е.П. Никитин. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – Т. 5 [С-Я]. – 1970. – С. 286-287.
8. Николаева Т.М. Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами // Вопр. языкознания, 1999 / Т.М. Николаева, И. Фужерон. – № 1. – С. 17-36.
9. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е.В. Падучева. – М.: КомКнига, 2007. – 296 с.
10. Приходько А.М. Складносурядне речення в сучасній німецькій мові / А.М. Приходько. – Запоріжжя: ЗДУ, 2002. – 292 с.
11. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис / В.З. Санников. – М.: Наука, 1989. – 267 с.
12. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В.З. Санников. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 624 с.
13. Стегний В.А. Уступительные конструкции в английском языке (некоторые проблемы описания) // Типология уступительных конструкций / В.А. Стегний. – СПб: Наука, 2004. – С. 209-222.
14. Философский словарь / [под ред. И.Т. Фролова]. – М.: Изд. политической литературы, 1986. – 590 с.
15. Фужерон И. О некоторых особенностях русских сочинительных союзов. Союзы И и А, союзы А и НО // Славянские сочинительные союзы / И. Фужерон. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. – С. 25-35.
16. Холодов Н.Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке: уч. пособ / Н.Н. Холодов. – Смоленск: Смоленск. ГПИ им. К. Маркса, 1975. – Ч. 1. – 167 с.
17. Черникова Н.С. Уступительные конструкции: отклонение от стандарта? (на материале английского языка) // Язык, коммуникации и социальная среда / Н.С. Черникова. – Воронеж: ВГУ, 2004. – Вып. 3. – С. 163-169.
18. Rudolph E. Contrast, Adversative and Concessive Relations and their Explication in English, German, Spanish, Portuguese on Sentence and Text Level / E. Rudolph. – Berlin/N. Y.: Walter de Gruyter, 1996. – 544 p.
19. Vergaro C. Concessive constructions in English business letter discourse // Text & Talk. An Interdisciplinary Journal of Language, Discourse Communication Studies / C. Vergaro. – 2008. – Vol. 28. – Is. 1. – P. 97-119.

ФРАНЦУЗЬКИЙ ЕЛЕМЕНТ У СУЧАСНИХ ОЙКОНІМАХ ПІВДЕННИХ ГРАФСТВ АНГЛІЇ

У статті розглянуто етимологічні особливості сучасних ойконімів південних графств Англії, важливу роль у складі яких відіграють запозичення з французької мови. В ойконімах кожного графства визначено лексичні запозичення та етимологічні гібриди, які пройшли процес асиміляції.

Ключові слова: ойконім, французький елемент, етимологія, етимологічний гібрид, лексичне запозичення, асиміляція.

Макеєва Е.С. Французский элемент в современных ойконимах южных графств Англии. В статье рассматриваются этимологические особенности современных ойконимов южных графств Англии, важную роль, в составе которых, играют заимствования из французского языка. В ойконимах каждого графства определены лексические заимствования и этимологические гибриды, прошедшие процесс ассимиляции.

Ключевые слова: ойконим, французский элемент, этимология, этимологический гибриды, лексическое заимствование, ассимиляция.

Makeyeva K.S. French element in modern place-names of southern counties of England. The article touches upon the etymological peculiarities of modern place-names of southern counties of England, in which French borrowings play an important role. Lexical borrowings and etymological hybrids that underwent the process of assimilation are defined in every county.

Key words: place-names, French element, etymology, etymological hybrid, lexical borrowing, assimilation.

На сучасному етапі розвитку лінгвістичної науки все більше й більше робіт присвячуються дослідженню топонімичного прошарку лексики з огляду на те, що топоніміка є важливим джерелом визначення мовної та історико-культурної своєрідності кожного етносу. Доказом цього є невпинна діяльність таких наукових товариств, як English Place-Name Society, Scottish Place-Names Society, Ulster Place-Name Society, Canadian Society for the Study of Names, Place-Name Society of India, American Name Society.

Будь-яка мова користується фондами інших мов, запозичуючи їх елементи та одиниці. Так, англійська мова має у своєму складі більше 60 % запозичень, найважливішими з яких у хронологічному порядку вважаються латинська, скандинавські та французька мови [1, 104]. Відомо, що велика кількість запозичень стала визначальною рисою словникового складу англійської мови. Вони всі настільки пронизали систему англійської, що залишили свій слід навіть у назвах географічних об'єктів.

Джерелами проведеного дослідження є словники The Cambridge Dictionary of English Place-Names (V. Watts), Oxford Dictionary of British Place-Names (A.D. Mills), The Concise Oxford Dictionary of English Place-Names (E. Ekwall).

Окремо слід відмітити словник *The Place-Names of Wiltshire* (E. Ekblom), в якому більш докладно надана інформація про ойконіми графства Вілтшир.

Оскільки Англія територіально знаходиться найближче до континентальної Франції і об'єктом даного дослідження є ойконіми **південних графств Англії**, ми вважаємо за необхідне розглянути роль, у першу чергу, саме французьких запозичень у назвах географічних об'єктів, що вивчаються.

Територіальна близькість дозволила Вільгельму Завойовнику у вересні 1066 р. висадитись на південному березі острова Великобританії зі своїм численним військом і, таким чином, змінити історичний розвиток Англії. Важливим є той факт, що після нормандського завоювання до Англії переїхала більшість нормандської знаті, лицарів, воїнів, священників, купців, ремісників та ін. В той же час англійська знать була вбита чи оголошена зрадниками. Політичне господарювання норманів сприяло розповсюдженню французької мови на названій території і мало значущий вплив на англійську мову, особливо її лексичну систему і відповідно – на її топонімічний прошарок. Французький елемент є найбільшим джерелом запозичень в англійську мову [1, 121; 3, 85], вплив якого є набагато суттєвішим за латинський [8, XXVI; 1, 177-180; 2, 79].

В даній статті ми робимо спробу розглянути, який саме відбиток французькі запозичення залишили в ойконімах (назвах населених пунктів) південних графств Англії, яких налічується 17, а саме: Беркшир, Брістол, Букингемшир, Корнуолл, Девон, Дорсет, Гемпшир, острови Вайт та Силлі, Глостершир, Кент, Оксфордшир, Сомерсет, Суррей, Вест Сассекс, Іст Сассекс, Вілтшир. Нижче надається опис ойконімів кожного із графств з визначенням кількості французьких запозичень серед них.

Графство Беркшир має 177 ойконімів з визначеним походженням, 4,5% (8 назв) з яких містять французькі елементи. Лексичне запозичення представлено лише 1 назвою населеного пункту (12,5%), а саме *Bray* (probably 'the marsh' from OFr *brai* 'mud'). Інші 87,5% (7 лексичних одиниць) представлені етимологічними гібридами: *Compton Beauchamp* ('valley farm/settlement' held by the Beauchamp family in the 13th century: OE *cumb* + OE *tun* + OFr family name *Beauchamp*), *Langley* ('the long wood or clearing': OE *lang* + *leah* + suffix from the *Mareys* (from OFr *marais* 'a marsh') family who once held the manor), *Sulhamstead Bannister* (probably, 'gully homestead': OE *sulh* + OE *hamstede* + *Bannister* from the family-name *Banaster* (OFr *banastres* 'basket weaver')).

Графство Букингемшир налічує 289 населених пунктів, назви яких є етимологічно визначеними. 7,6 % (22 одиниці) мають у своєму складі французький елемент. З них 9% (2 одиниці) належать лексичним запозиченням: *Jordans* (a reduction of *Jourdemayns*, a possessive form of the family name found in the district in 1301 from OFr *jour-de-main* 'for the day labour'), *Latimer* (earlier 'Isenhampstede held by the Latimer family' p.n. *Isenhampstede* 'Isa or Isel's homestead' + family name *Latimer* from William *Latimer* (from OFr *Latinier* 'speaker of French') who held the manor in 1330). Як бачимо, останній ойконім був етимологічним гібридом, проте, втративши свою першу частину *Isenhampstede*, перетворився на лексичне запозичення з французької мови.

91% (20 ойконімів) займають етимологічні гібриди – *Drayton Beauchamp* ('portage farm/settlement' or 'dragging-place farm/settlement': OE *dræg* + OE *tun* + family-name – it was first associated with the Beauchamp family in 1221), *Milton Keynes* ('middle farm/settlement': OE *middle* + OE *tun* + surname of Hugh de Cahaignes who held land in Buckinghamshire in 1166 and Hugo de Cayenes in 1227), *Stoke Poges* ('a secondary settlement, an outlying farmstead, a dairy farm held by Imbert le Pugeis': OE *stoc* + family name of Imbert le Pugeis OFr 'man from Pui').

В графстві Корнуолл налічується 12 ойконімів з французьким елементом із загальної кількості 506. Серед них 58% (7 одиниць) становлять лексичні запозичення з французької мови: *Barripper* ('beautiful retreat': Old French (далі OFr) *bel*, *beau* + *repaire*), *Boscastle* ('Boterel's castle': OFr *castel* + French family name Boterel), *Grampound* ('great bridge': French (далі Fr) *grant* + *pont*). Етимологічні гібриди становлять 42% (5 одиниць) і представлені наступними прикладами: *Chacewater* ('chase or hunting ground on the stream': OFr, Middle English (далі ME) *chace* 'a tract of ground for breeding and hunting wild animals' + ME *water* 'a stream'), *Bray Shop* (Fr surname Bray + Modern English (далі ModE) *shop* 'workshop, smithy'). Важливо відмітити назви поселень, французький елемент (або ж один з них) котрих був стертий і не спостерігається у сучасному варіанті ойконіму, а саме *Roche* ('rock': Fr definite article *la* + *roche*), *Hatt* ('the hat': Fr definite article *la* + ME *hatte*), *Par* (possibly '(the) harbour': Fr definite article *le* + Co *porth*). Англійське скорочення "Co" відповідає назві діалекту кельтської мови в графстві Корнуолл, який має назву "Cornish".

Що стосується графства Девон, то тут маємо усього 705 ойконімів з дослідженою етимологією. Французький вплив помітний у 8% (59 лексичних одиницях). Лексичні запозичення прослідковуються у 2 з них, що становить 3%, а саме у *Meshaw* ('bad clearing': OFr *mal* + *assart*) та *Belsford* (даний ойконім має до кінця не визначену етимологію: possibly 'Bægel's ford': Old English (далі OE) pers.n. **Bægel* + *ford* or OFr *Baillie* 'a bailiff' or OE **begel* 'a bend'). Всі інші 97% (57 ойконімів) представляють собою етимологічні гібриди: *Ashreigney* (OE *æsc* 'ash-tree' + Fr family name – the later incorporation of the name of the de Regny family who held land here in the 13th century), *Bratton Fleming* (OE *bratton* 'settlement by the brushwood or cultivated land' + Fr family name of Baldwin le Fleming who held the manor in 1242), *Stokeleigh Pomeroy* (probably OE *stoc* + OE *leah* 'tree-stump wood/clearing': + Fr family name of the de Pomerai family). Серед останніх виділяється 1 ойконім зі стертим французьким елементом: *Bow* ('the bow' referring to an arched bridge which once crossed the river Yeo here: French definite article *la* + ME *bogh* (OE *boga*)).

Графство Дорсет має 40 ойконімів з французькими елементами (10% з 399), 96 % (39 одиниць) яких становлять етимологічні гібриди: *Bradford Peverell* ('broad ford' (across River Frome): OE *brad* + OE *ford* + French family name Peverell), *Burleston* ('Burdel's estate' OFr pers.n. *Burdel* + ME *toun* (OE *tun*)), *Compton Valence* ('valley farm/settlement' granted to William de Valencia, earl of Pembroke, in 1252: OE *cumb* + OE *tun* + family-name Valencia), *Tarrant*

Gunville ('Tarrant estate held by the Gundeville family' p.n. Tarrant from r.n. Tarrant 'strongly flooding one' Brit *Trisantonā, PrW *Trihanton + Fr family name Gundeville). Цікавою, на нашу думку, є назва поселення *Verwood* ('beautiful wood' ME faire (OE fæger) + wode (OE wudu)), яка у 1288 році була яскравим лексичним запозиченням з французької мови і мала вигляд *Beubo(y)s* (OFr beau + bois 'beautiful wood'), проте сучасна назва є суто англійською за своєю етимологією, адже, як бачимо, французькі елементи були замінені англійськими одиницями.

У **графстві Гемпшир** з загальної кількості 490 ойконімів французька мова значно вплинула на 27 з них, тобто на 5%. 3,7% (1 одиниця) займає лексичне запозичення: *Beaulieu* ('beautiful place': Fr beau + lieu). Переважають етимологічні гібриди – вони займають 96,3 % (26 одиниць): *Amport* ('Ann held by the de Port family': either PrW district name *Onn 'ash-trees' or a r.n. *On cognate with G Ahne, Italian Agna etc. < IE *en/*on- 'water' + Fr family name de Port), *Stoke Charity* ('S held by the la Charite family': OE stoc 'a secondary settlement, an outlying farmstead, a dairy-farm' + Fr family name Charite), *Upton Grey* ('U held by the de Grey family': OE upp 'higher' + OE tun 'farm/settlement' + Fr family name of John de Grey who was here in 1260), *Clanville* ('clean open land': OE clæne + OE feld (Fr ville), *Waterlooville* (Dutch 'wet forest': water 'wet' + lo(o) from Latin lucus 'forest' + French element ville). В останньому прикладі має місце заміна англійського елемента "feld" французьким "ville", що було доволі поширеним явищем [4, 90]. Зникнення французького елемента спостерігається лише в одному ойконімі – *Beech* ('the beech-tree': Fr definite article la + ME beche).

На **острові Вайт** налічується 3 населені пункти, в назвах яких, як ми можемо припустити, присутні французькі елементи. Це 1 лексичне запозичення *Ventnor* (probably a manorial name from the family of William le Vyntener (с. 1340): OFr vintener 'an officer in command') та 2 етимологічні гібриди, такі як: *Havenstreet* ('the street of houses or hamlet belonging to the Hethen family': French surname Hethen as in Richard le Hethene (с. 1240) + ME street), *Porchfield* ('land belonging to the Port family': French family name Port (a Hugh and Thomas de Porta occur in 1232 and 1299 and a John le Port in 1326) + ModE field(s)).

В **графстві Глостершир** налічується 23 ойконіми, що становлять 5,2% від загальної кількості назв населених пунктів (434), на етимологію котрих вплинула французька мова. Лексичні запозичення малочисельні, представлені 1 ойконімом (4 %): *Miserden* ('place of the Musard family': Fr family name Musard + OFr suffix -ere -erie, Latin -aria). Натомість етимологічні гібриди становлять 96% (22 лексичні одиниці). Це такі назви, як: *Acton Turville* ('Acton held by the Turville or Turberville family': OE pers.n. Aca + tun 'Aca's estate' + Fr family name Turville or Turberville), *Hampnett* ('(at the) high settlement' OE heah + tun + the later addition of French diminutive suffix -et), *Stoke Gifford* ('S held by the Giffard family': OE stoc 'a secondary settlement, an outlying farmstead, a dairy-farm' + a Fr family name Giffard as a nick-name from OFr giffard 'chubby-cheeked, bloated').

В **графстві Кент** знаходиться 14 назв населених пунктів з французькими елементами (або ж 2,8 % з 496). 29% назв (4 одиниці) в даному графстві є

лексичними запозиченнями, наприклад: *Chestfield* (a manorial name from the family of William de Cestevile or Cestuill: may represent OFr *chastel*, *chestel* vievil 'old castle' although subsequently associated with *ville* 'a town'). Особливої уваги заслугове ойконім *Coynur* (раніше мав вигляд *Coynur Quay*: OFr *coigner* 'money stamper, coiner' + ME *key* 'a landing place'), що, таким чином, був етимологічним гібридом, проте втративши другий елемент назви (ME *key*), перетворився на суто лексичне запозичення з французької мови. 71 % (10 л.о.) представлені етимологічними гібридами: *Capel-le-Ferne* ('chapel in the fern-covered land; ME, Old North French (далі ONFr) *capel* + French *en* + Fr definite article *le* + Old Kentish **ferne* 'area growing with ferns'), *Sutton Valence* ('south farm/settlement held by the Valence family' :OE *suth* 'south' + OE *tun* 'farm/settlement' + French manorial addition, from the Valence family (13th century)). Ойконіми *New Hythe* ('the new landing place': French definite article *la* + ME *niwe*, *newe* + *hethe* (OE *hyth*) та *Seal* ('the hall': French definite article *la* + OE *sele*) в своїх перших формах, як бачимо у етимологічному тлумаченні, мали у своєму складі французький означений артикль "la", відсутній у сучасних формах назв.

В графстві **Оксфордшир** назви населених пунктів з французьким елементом у складі займають 7,2% (28 одиниць з 386). Лексичне запозичення наявне лише в одному ойконімі – *Cane End* ('the canon's end' OFr *canoun* + *ende*), що складає 3,5 %. Основну кількість (96,5 %) становлять знову ж таки етимологічні гібриди, для прикладу: *Aston Rowant* ('Aston ('east settlement' OE *east* + *tun*) held by the Roald' the manor was held by Rowald de Eston in 1235 whose name is the Romance reflex of W Frankish *Chrodoald*, a name especially common in Brittany), *Broughton Poggs* ('Broughton held by the Pugeys family': OE *broc*, OE *tun* 'brook settlement' + the surname of *Imbert de Pugeys*: OFr *puy* 'a man from Puy' or 'a dweller by the hillock'), *Sibford Ferris* ('Sibford held by the Ferrers family': OE *pers.n.* *Sibba* + *ford* 'Sibba's ford' + manorial addition from the family name of Robert de Ferrers, second earl of Derby). Важливо відзначити ойконім *Leafield* ('the field' OFr definite article *la* + OE *feld*), в якому, як бачимо у сучасному вигляді, зберігся елемент французької мови (означений артикль).

Велика кількість населених пунктів, в назві яких прослідковується елемент французької мови, присутня в графстві **Сомерсет**. Так, з загальної кількості ойконімів (573) такі одиниці займають 8 % (46), з яких 2% (1 одиниця) представлені лексичним запозиченням *Montacute* ('pointed hill': OFr *mont* + *agu*). Всі інші назви (98 % або ж 45 лексичних одиниць) є етимологічними гібридами, наприклад: *Ashbrittle* ('Bretel's ash' OE *æsc* + OFr *Bret* 'a Breton'), *Cricket Saint Thomas* ('St Thomas's C' Primitive Welsh **crug* 'hill' + OFr diminutive suffix *-ette* + saint's name *Thomas* from the dedication to the church), *Sampford Arundel* ('Sampford held by the Arundel family': OE *sand* + *ford* 'sandy ford' + *Roger Arundel* ('swallow' from OFr *arondel*) who held the manor in 1086).

Із загальної кількості ойконімів (220 л.о.) з визначеною етимологією в графстві **Суррей** налічується всього 3 назви (1,4 %), в яких ми можемо спостерігати французький вплив: 1 лексичне запозичення *Capel* ('chapel' ONFr

capel) та 2 етимологічні гібриди *Grayswood* (partly unexplained: unknown element (possibly the same as a lost Gerardeswode in which the first element is the OFr personal name Gerard) + ME wode (OE wudu)) та *Stoke D'Abernon* ('Stoke held by the Abernun family': OE stoc 'outlying farm/settlement' + French family name Abernun).

В **Іст Сассексі** ойконіми з французькими елементами складають 3,9 % (8 одиниць) від загальної кількості досліджених назв (203). Лексичними запозиченнями в даному регіоні є ойконіми *Battle* (short for Battle Church or Abbey: 'church of the battle' OFr bataille) та *Camber* ('the chamber' AN camber (OFr chaumbre) applied to the confined space of the harbour), що становить 25%. Інші 75% (6 одиниць) є етимологічними гібридами: *Beachy Head* (p.n. Beachy 'beautiful headland' OFr beau + chef + ModE head 'a headland'), *Punnett's Town* (surname Pannet (a diminutive form of OFr 'Païen') + ModE town), *Robertsbridge* ('Of Robert's bridge' OFr personal name Robert (the reference here is to Robert de St Martin, the founder of the abbey of Robertsbridge) + ME bridge).

Графство **Вест Сассекс** має лише 1,9 % (5) ойконімів, які зазнали впливу французької мови із загальної кількості в 268 одиниць. Вони всі представлені лише етимологічними гібридами: *Hurstpierpoint* ('Herst (the wooded hill) held by the Pierpoint family': OE hyrst + manorial addition from the French family surname of Robert de Pierpoint, the Domesday Book tenant from Pierrepont near Falaise), *Westhampnett* (ME west + place name 'the place at the high settlement' OE hean-tune < heah + tun + OFr diminutive suffix -ette).

У **графстві Вілтшир** знаходиться 37 (8,5% від загальної кількості) ойконімів, до складу яких входять французькі елементи. З них можна виділити 1 лексичне запозичення (2,7 %) *Devizes* ('the boundaries' OFr devises) та 36 етимологічних гібридів (97,5%): *Chilton Foliat* ('Chilton held by the Foliat family': OE pers. Cilla + tun 'Cilla's farm or village' + manorial addition from the French family surname of Robert Foliot), *Easton Grey* ('Easton held by the Grey family': OE east + tun 'east settlement' + manorial addition from the French family surname of John de Grey who held the estate in 1243), *Norton Bavant* ('Norton held by the Bavant family': OE north + tun 'north settlement' + manorial addition from the Anglo-Norman (далі AN) family surname of Alesia de Bavent (1301)).

В графстві **Брістол** та на **островах Сіллі**, у зв'язку з малочисельністю населених пунктів, як таких (8 та 9 відповідно), відсутні будь-які прояви впливу французької мови на власні назви. Крім того, з нашої точки зору, відсутність даних елементів може бути спричинена віддаленістю як Брістоля, що розташований майже в центральній частині Англії, так і острова Сіллі, які знаходяться західніше від графства Корнуолл. У випадку останнього причиною відсутності ойконімів з французькими елементами також може слугувати той факт, що загарбники намагалися закріпитись саме на англійському острові, а не на невеликому віддаленому.

Узагальнені дані знайшли відображення в наведеній нижче таблиці:

Таблиця 1

**Кількісні характеристики французьких елементів
в ойконімах південних графств Англії**

Кількісні дані Назва графства	Загальна кількість ойконімів	Кількість				Разом	
		лексичних запозичень		етимологічних гібридів			
1. Berkshire	177	1	12,5%	7	87,5%	8	4,5 %
2. Bristol	8	-	-	-	-	-	-
3. Buckinghamshire	289	2	9%	20	91%	22	7,6 %
4. Cornwall	506	7	58%	5	42%	12	2,4%
5. Devon	705	2	3%	57	97%	59	8%
6. Dorset	399	1	4%	39	96%	40	10%
7. Hampshire	490	1	3,7%	26	96,3%	27	5%
8. Isles of Scilly	9	-	-	-	-	-	-
9. Isle of Wight	82	1	33,3%	2	66,7%	3	3,7%
10. Gloucestershire	434	1	4%	22	96%	23	5,2%
11. Kent	496	4	29%	10	71%	14	2,8%
12. Oxfordshire	386	1	3,5%	27	96,5%	28	7,2%
13. Somerset	573	1	2%	45	98%	46	8%
14. Surrey	220	1	33,3%	2	66,7%	3	1,4 %
15. East Sussex	203	2	25%	6	75%	8	3,9%
16. West Sussex	268	0	0	5	100%	5	1,9 %
17. Wiltshire	436	1	2,7 %	36	97,3%	37	8,5 %
Всього	5681	26	13 %	309	87 %	335	5,8 %

За даними таблиці ми можемо умовно виділити 4 градуальні класи кількісних показників розповсюдження французьких елементів у ойконімах, що досліджуються. Отже, в перший клас в діапазоні від 40 до 60 ойконімів можна віднести графства з найбільшою кількістю назв з французьким елементом, а саме: Девон (59 назв), Дорсет (40), Сомерсет (46) та Вілтшир (37). Цікаво, що дані графства знаходяться поряд одне з одним на заході південної частини Англії, географічні умови якого були більш вигідними для проживання. Такий ступінь густоти заселення регіону свідчить про компактне меш-

кання французьких завойовників на території острова з огляду на наявність саме в цьому регіоні більшої кількості укріплених поселень, захищених валами чи стінами, щільно розташованих поряд [7, liii].

Тришки нижче рівень густоти заселення у другому градуальному класі (від 20 до 39 назв), куди потрапляють графства Букингемшир (22), Гемпшир (27), Глостершир (23) та Оксфордшир (28), які теж територіально знаходяться поруч.

Третій клас (з діапазоном від 10 до 19) умовно складають Корнуолл (12) та Кент (14), які розташовані відповідно на крайньому південному заході та сході острова. В Корнуоллі, як вже зазначалось вище, був присутній свій особливий діалект кельтської мови з назвою Cornish, що поряд з давньоанглійською мовою, ускладнювало затримку французького елемента і сприяло впливу кельтської культури на формування назв. Графство Кент також має свою своєрідність – кентський діалект англійської мови, що, як і у випадку з Корнуоллом, могло запобігати широкому розповсюдженню французьких елементів.

До четвертого класу (з діапазоном від 1 до 9) належать графства Беркшир (8), Суррей (3), Іст Сассекс (8), Вест Сассекс (5) та острів Вайт (3). Що стосується острова Вайт, то причиною невеликої кількості ойконімів з французькими елементами може знову ж таки, як у випадку з островом Сіллі, стати невелика територія острова, відсутність ресурсів для проживання, а також стратегічна мета завойовників просуватись на територію саме англійського острова. Графства, що залишилися, формують певне скупчення на південному сході Англії, що також може свідчити про рівномірність розселення загарбників на новій території.

Крім того, ми можемо спостерігати різницю між кількістю лексичних запозичень та етимологічних гібридів серед французьких елементів. 13% лексичних запозичень свідчать, з одного боку, про те, що ойконімічний прошарок, незважаючи на свою стійкість та камерність, все-таки допускає потрапляння до свого складу іншомовних елементів. Проте, з іншого боку, з огляду на значну перевагу етимологічних гібридів (87%) ойконімія не здає своїх позицій, як дещо "закритого" лексичного шару.

Відомо, що потрапивши в мову, запозичення асимілюються. Розрізняють фонетичну, графічну, граматичну та лексичну асиміляції. Фонетичну та графічну асиміляції можна спостерігати в кожному ойконімі з огляду на його давність і, відповідно, на підпорядкування його фонетичним змінам, що проходили в англійській мові впродовж її розвитку: *Burleston* ('Burdel's estate' OFr pers.n. Burdel + ME toun (OE tun)). Прикладом граматичної асиміляції французьких елементів в ойконімах є повна втрата французького елемента, а саме артикля, наприклад *Bow* ('the bow' referring to an arched bridge which once crossed the river Yeo here: French definite article la + ME bogh (OE boga)), або ж втрата лише одного елемента *Roche* ('rock': Fr definite article la + roche).

У процесі історичного розвитку Англії вплив французької мови на англійську був значним. Таким чином запозичення є визначною рисою її словникового складу, що знайшов свій відбиток навіть у такому закритому прошарку лексики, як топоніми і, безпосередньо, ойконіми. Французький елемент прослідковується у назвах, що представлені лексичними запозиченнями та

етимологічними гібридами. Різна кількість французьких запозичень у назвах населених пунктів графств залежить, як ми бачимо, від щільності їх заселення завойовниками з огляду на сприятливіші умови проживання. Зважаючи на досить тривалий термін існування цих запозичень, вони зазнали значної асиміляції: фонетичної, графічної, граматичної, лексичної, проте в першу чергу фонетичної та граматичної.

ЛІТЕРАТУРА

1. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. – Москва, 1956 – 218 с.
2. Секирин В.П. Заимствования в английском языке. – Издательство Киевского университета, 1964. – 152 с.
3. Bradley H. The making of English – London: Macmillan Limited, 1904. – 246 p.
4. Cameron K. English Place Names – London: BT Batsford Ltd, 1996. – 256 p.
5. Oxford Dictionary of British Place-Names [A. D. Mills]. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 533 p.
6. The Place-Names of Wiltshire. Their origin and history [E. Ekblom]. – Uppsala: Appelbergs Boktryckeri A.-B., 1917. – 187 p.
7. The Cambridge Dictionary of English Place-Names [V. Watts]. – New York: Cambridge University Press, 2010. – 714 p.
8. The Concise Oxford Dictionary of English Place-Names [E. Ekwall]. – Oxford: At the Clarendon Press, 1936. – 520 p.

УДК 811.12.25

Матузкова Е.П.

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ: ПРОБЛЕМАТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

В предлагаемой обзорной статье рассматриваются основные проблемы изучения идентичности, ее видов и разновидностей в современной лингвистике. Особое внимание уделяется выявлению существенных недостатков таких исследований и описанию перспектив дальнейшего комплексного изучения данной междисциплинарной категории.

Ключевые слова: идентичность, лингвистика, междисциплинарная категория, перспективы исследования, проблематика.

Матузкова О.П. Ідентичність як об'єкт вивчення лінгвістики: проблематика і перспективи. У пропонованій оглядовій статті розглядаються основні проблеми вивчення ідентичності, її видів та різновидів у сучасній лінгвістиці. Особливу увагу приділено окресленню недоліків таких досліджень і опису перспектив подальшого комплексного вивчення даної міждисциплінарної категорії.

Ключові слова: ідентичність, лінгвістика, міждисциплінарна категорія, перспективи дослідження, проблематика.

Matuzkova E.P. Identity as an object of study in linguistics: range of problems and prospects. The review article describes the range of problems in linguistics studies of identity, its types and subtypes. It also focuses on essential drawbacks in linguistic works on identity as well as prospects of its further comprehensive research as an interdisciplinary category.

Key words: identity, interdisciplinary category, linguistics, problems of research, range of problems.

Безусловная антропоцентричность современной научной гуманитарной парадигмы и развитие комплекса наук "о человеке" (психология, социология, культурная антропология и т.д.) привело, по справедливому утверждению украинской исследовательницы Г.М. Яворской, к осознанию того факта, что основные выводы этих наук и, в значительной степени, используемые в них методы базируются на анализе языкового поведения людей или языковых особенностей созданных людьми текстов. Другими словами, исследователи больше не могут игнорировать язык в своих попытках определить закономерности социальной и духовной жизни [28, 47].

Идеи и предположения ученых, которых сегодня мы называем классиками, о неразрывной связи языка с бытием человека и, соответственно, языкознанию как научной базы гуманитарных наук (Г.В. Лейбниц, М.М. Бахтин, А.А. Потебня и мн. др.)¹ сегодня как никогда актуальны и все чаще находят

¹ В качестве иллюстрации приведем известные высказывания Г. Лейбница и А. Потебни: "Язык – это лучшее зеркало человеческого духа, и путем тщательного анализа значения слов мы лучше всего могли бы понять деятельность разума" [27, 327]; "Якщо мовознавство стоїть на висоті свого предмета, то стосовно всіх гуманітарних наук воно є науковою базою..." [21, 643].

свое конкретное воплощение, особенно в исследовании таких междисциплинарных категорий как идентичность.

Сегодня изучение идентичности перестало быть прерогативой исключительно философии, социологии, психологии, культурологии и других социогуманитарных наук. Круг проблем, связанных с языковыми аспектами идентичности, находит свое отражение и в лингвистике, к сожалению, главным образом, российской и зарубежной. Небывалый интерес к исследованию идентичности в лингвистике последних десятилетий связан как с общим развитием современного общества и гуманитарного знания, так и самой лингвистической науки в частности.

Так, в последние десятилетия проводятся международные конференции и школы-семинары, посвященные актуальным проблемам идентичности: "Проблемы культурной идентичности" (Казань 1998); "Проблема национальной идентичности и принципы межкультурной коммуникации" (Воронеж 2001); "Проблема национальной идентичности в литературах Старого и Нового Света" (Минск 2002) и другие.

Издаются научные сборники, отражающие ведущие тенденции изучения идентичности в лингвистике. "Язык, коммуникация и социальная среда" (Воронеж 2004), "Discourse, the body and identity" (New York 2003), "Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности" (Воронеж 2002) и другие.

Ученые выпускают ряд монографий, в т.ч. коллективных, в которых рассматриваются общие и специальные вопросы идентичности и методологии её изучения: "Язык и национальная идентичность" (Дж. Джозеф), "Лингвистическая идентификация личности" (В.В. Наумов 2010), "Handbook of Language and Ethnic Identity" (G. Fishman 1999), "Autobiography and National Identity in the Americas" (S.V. Hunsaken 1999), "Национальная идентичность и её отражение в художественном сознании" (М. К. Попова 2004) и другие.

В современном российском научном сообществе сформировались или находятся в стадии становления несколько научных лингвистических школ изучения идентичности: Ярославская, Тверская, Уральская, Белгородская и Воронежская, занимающая ведущую позицию (Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова, М.К. Попова, Е.Н. Катанова, Т.А. Бородина и др.). В Белгородском государственном университете разрабатывается новое научное направление на стыке психолингвистики, социолингвистики, антропологической лингвистики и этнолингвистики "Теории и методы исследования языковой идентичности" (руководитель – Багана Жером, ведущий ученый А.П. Седых, подробнее об этом см. unid.bsu.edu.ru).

Защищаются кандидатские и докторские диссертации, где идентичность выступает объектом лингвистического анализа. Хотя следует признать, что число их довольно немногочисленно. Так, обзор доступных в Интернете ссылок на защищенные кандидатские и докторские исследования показал, что по данным на 2012 год в России были защищены 1 докторская (С.И. Гарагуля) и 5 кандидатских диссертаций (Т.А. Бородина, Н.Ф. Герман, Е.Н. Катанова, Ю.В. Смирнова, М.С. Школовая), в т.ч. по германистике – 3 (С.И. Гарагуля, Т.А. Бородина, Е.Н. Катанова).

К сожалению, аналогичный обзор по Украине обескураживает. Из перечня 39 диссертаций, защищенных в нашей стране с 1997 по 2010 гг. и посвященных проблематике идентичности в психологии, социологии, философии, политологии, филологии (в основном, украинское и сравнительное литературоведение), лингвистические аспекты идентичности рассматриваются только в двух кандидатских исследованиях по переводоведению (О.В. Бурда-Лассен, О.Ф. Сизова). Работы по германистике в данном перечне вообще отсутствуют.

Проблематика исследований идентичности и идентификации в лингвистических студиях разнообразна и многовекторна, что, конечно же, обусловлено многогранностью самого объекта изучения. Ученые обращаются к решению лингвистических проблем как самого феномена идентичности, так и её видов и разновидностей.

В первом из упомянутых аспектов рассматриваются общие вопросы соотношения языка и идентичности, соотношения идентичности и дискурса, методологические подходы к изучению идентичности в лингвистике (Л.В. Енина, М.Л. Макаров; *Discourse, the body and identity; Language, Society and Power Reader*; К. Mendoza-Denton) и т.д. Большая же часть исследований обращена к особенностям языкового отражения и формирования, конструирования различных видов и разновидностей идентичности.

Так, лингвистические особенности *индивидуальной* (личной и социальной) идентичности изучаются в контексте: антропонимической прагматики и идентичности индивида (С.И. Гарагуля); лингвокультурной идентичности языковой личности как субъекта коммуникации (Н.Ф. Герман); дискурсивного конструирования социальной идентичности в условиях речевой коммуникации в малой группе (М.Л. Макаров); лингвистических и семиотических аспектов конструирования идентичности в электронной коммуникации (М.С. Школовая); функционального, когнитивного и семантико-структурного анализа самоидентифицирующих высказываний (Т.А. Бородина, Е.Н. Катанова); лингвистического конструирования социальной и личной идентичности с помощью местоимений (R. Harre); особенностей отражения в англоязычных переводах с украинского языка гендерной идентичности субъекта женского поэтического дискурса (О.Ф. Сизова) и т.д.

Коллективная идентичность представлена лингвистическими исследованиями особенностей национальной, этнической, региональной, ментальной, гендерной, возрастной и профессиональной идентичностей. Так, рассматриваются общие проблемы взаимоотношения языка и национальной идентичности (Дж. Джозеф, R. Wodak, M. Reisig, K. Liebhart, D. Washbrook), лингвистические проблемы национальной идентичности в их соотношении с принципами межкультурной коммуникации (Проблемы национальной идентичности и принципы межкультурной коммуникации 2001, Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности 2002), национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании (М.К. Попова), топонимия как фактор региональной специфики национальной идентичности (С.А. Попов), перевод как процесс декодирования мен-

тальной идентичности нации (О.В. Бурда-Лассен) и т.д.

Региональная идентичность изучается в аспекте её вербальной реализации в культурном и идеологическом пространстве современного региона (графства – в Великобритании) и города (Н.А. Купина, О.А. Михайлова, P. Corfield).

В лингвистических исследованиях **гендерной** (индивидуальной и коллективной) идентичности особое внимание уделяется её онтологическому аспекту (Ю.В. Смирнова), особенностям отражения и конструирования в языке больших и малых социальных гендерных групп (D. Cameron, P. Eckert), лингвистическим средствам идентификации пола автора по письменному тексту (Е.С. Грищенко, Е.С. Ощепкова, А.К. Ермолаев) и т.д.

Интенсификация контактов между представителями различных культур обусловила повышенный интерес лингвистов и к проблемам **культурной** идентичности (как индивидуальной так и коллективной). В этом ключе исследуются лишь особенности речевого поведения коммуникантов, культурной идентификации как языковой проблемы, репрезентации "нестабильной"/"подвижной" культурной идентичности в мультикультурном контексте литературы, культурной самоидентификации писателя-автора в эпоху "Культуры Пост" и другие проблемы (Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова, Ю.В. Бовкунова, М.К. Попова, П. Быков, P. McIlvenny и др.).

Отметим, что согласно нашему обзору теоретической литературы, посвященной лингвистическим аспектам индивидуальной и коллективной идентичностей, самое пристальное внимание в ней уделяется проблемам **этнической** идентичности. Рассматриваются как общие языковые и культурные вопросы этнической идентичности и идентификации (А.Л. Донцов, Т.Г. Стефаненко, Ж.Т. Уталиева, И.А. Валуйцева, Г.Т. Хухуни, G. Fishman), основные составляющие этнокультурной идентичности и ее лингвокультурологическое поле (Е.А. Селиванова), так и особенности лингвистической идентичности больших и малых этнических групп (G. Jackson, R. Le Page, A. Tabouret-Keller, D. Washbrook). Значительное место также занимают исследования, связанные с особенностями репрезентации английскости – английской этничности и этнической идентичности (М.В. Цветкова, A. Wierzbicka, Th. Turville-Petre).

Какими бы разноплановыми ни были упомянутые выше и другие исследования идентичности, всех их объединяет, по нашему мнению то, что в них описывается как язык создает (конструирует) различные проявления идентичности и как, в свою очередь, он их отражает; как языком создаются и в языке отражаются большие и малые социальные категории и группы (возраст, гендер, нация, этнос, класс и т.д.). Взаимосвязь языка и идентичности, рассматриваемая в таких работах, также помогает понять каким образом создается социальный мир, окружающий нас. И, наконец, все эти исследования стремятся объяснить, как с помощью идентичности мы определяем свою индивидуальную и коллективную "отличность", и как, определив ее, используем язык для того, чтобы занять свое место и отвести другим свое в социокультурном пространстве.

С другой стороны, предпринятый нами анализ и систематизация данных

лингвистических работ по идентичности, позволяет выявить и ряд существенных "сквозных" недостатков, очерчивающих перспективы дальнейшего комплексного изучения этого сложного феномена. Перечислим и прокомментируем лишь основные из них.

Во-первых, по нашему мнению, в работах по идентичности зачастую нет четко выработанной и научно обоснованной методологии лингвистических исследований идентичности, даже если она и декларируется. Причем речь идет о методологии как в рамках лингвистических дисциплин, так и в границах отдельных их областей и направлений.

Во-вторых, в лингвистических работах нередко отсутствует знание философских и социогуманитарных основ идентичности как феномена индивидуального и коллективного сознания и как соответствующей научной категории. Это касается также и принципов разграничения видов и разновидностей данного явления, его структурной и системной организации, разделения понятий "идентичность" и "идентификация" и т.д. Все это приводит к использованию различных по своей сути понятий как взаимозаменяемых, к терминологической неясности и путанице и, как итог, сомнительности некоторых заключений и результатов.

В-третьих, однобокость и ограниченность исследований идентичности рамками исключительно одной лингвистической области или дисциплины, по-нашему мнению, тормозит развитие лингвистического научного "дискурса" идентичности. Анализ конкретного и узкого материала несомненно продуктивен и оправдан, особенно в начале становления лингвистической теории идентичности. Но все же законы эволюции современного научного знания, междисциплинарность самого объекта изучения требуют, как мы считаем, перехода к следующему этапу – изучения идентичности как междисциплинарной лингвистической категории.

Сложность и многогранность феномена идентичности неизбежно предполагает соответствующий фокус его рассмотрения с применением комплекса различных дисциплинарных подходов. Такие лингвистические научно-методологические подходы находятся в стадии зарождения и становления, в них в разной степени апробируется методика применения общегуманитарных подходов к изучению идентичности. Но размытость дисциплинарных границ, предмета и объекта исследования самих дисциплин, а также неопределенность и слабая разработанность приемов и методов анализа конкретного языкового материала вследствие недостаточной эмпирической верификации требует новых глубоких исследований в этой области.

И в этом нам видится более широкая и пока еще далекая перспектива объединения лингвистических исследований идентичности в один из социогуманитарных междисциплинарных научно-методологических подходов к изучению идентичности. Как и уже существующие в научном дискурсе идентичности подходы – когнитивный, конструкционистский, психоаналитический и социологический – лингвистический подход должен развиваться по принципу решения одной проблемы средствами и методами различных научных дисциплин, как общегуманитарных, так и сугубо лингвистических. Отсюда следует необходимость постановки и решения теоретико-приклад-

ных вопросов, связанных с проблемами изучения междисциплинарных объектов, видов междисциплинарного взаимодействия в лингвистике и гуманитарном знании, определения роли лингвистики в изучении междисциплинарных объектов и т.д.

Однако, как справедливо предупреждают некоторые ученые, быстрое и бездумное следование в сторону междисциплинарности, представляет собой угрозу размывания предметной сферы языкознания и может привести к нежелательному размыванию методологических критериев исследования (Г.М. Яворська, А.А. Паршин и др.). Таким образом, "дисциплинарная множественность" не только открывает новые возможности и перспективы, но и создает новые проблемы: онтологического статуса междисциплинарных объектов; принципов объединения методов и подходов различных наук в рамках одной исследовательской модели; ограничений в использовании тех или иных подходов и т.д. [28, 48].

Очерченные проблемы намечают дальнейшие перспективы исследования идентичности в лингвистических студиях будущих десятилетий и, соответственно, задают магистральные векторы или направления изучения идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бовкунова Ю.В. Культурная идентификация как языковая проблема // Социокультурная динамика региона: Сб. научн. трудов участников V межрег. научно-практ. конференции (Белгород, 27-28 апреля 2005). – Белгород: БелГИК, 2005. – С. 198-199.
2. Бородина Т.А. Идентифицирующее высказывание: когнитивный, семантико-структурный и функциональный аспекты описания (на материале немецких художественных текстов): автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.04. – Воронеж, 2008. – 23 с.
3. Бурда-Лассен О.В. Перевод как процесс декодирования ментальной идентичности нации (на материале украинских и немецких этнолексем мифологического происхождения): дис.... канд. филол. наук: 10.02.16. – К., 2004.
4. Быков П. Самоидентификация автора: голос писателя эпохи "Пост" // Культура "Пост" как диалог культур и цивилизаций / Ред. М.К. Попова и В.В. Струнов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – С. 202-208 (Серия "Монография; Вып. 11).
5. Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т. О языковых и культурных аспектах этнической идентификации // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М. – Калуга: Эйдос, 2009. – С. 95-99.
6. Гарагуля С.И. Антропонимическая прагматика и идентичность индивида: дис.... докт. филол. наук: 10.02.04. – М., 2009. – 418 с.
7. Герман Н.Ф. Лингвокультурная идентичность субъекта современной межкультурной коммуникации: дис.... канд. культурологии: 24.00.01. – теория и история культуры. – Челябинск, 2009. – 159 с.
8. Гришаева Л.И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. – Воронеж: ВГУ, 2007. – 262 с.
9. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 368 с.
10. Грищенко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.А. Лобачевского, 2005. – 267 с.
11. Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. – 1997. – № 4. – С. 75-85.
12. Енина Л.В. Идентичность в лингвистических исследованиях: когнитивный подход // Известия Уральского государственного университета. – № 4 (81), 2010. – С. 162-168.

13. Ермолаев А.К. Моделирование личности по тексту (обобщение опыта оперативно-розыскной работы): автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.19. – Барнаул, 1999. – 22 с.
14. Катанова Е.Н. Функциональный анализ самоидентифицирующих высказываний (на материале американских и британских парламентских дебатов): дис.... канд. филол. наук: 10.02.04. – Воронеж, 2009. – 224 с.
15. Купина Н.А. Вербальные знаки идентичности в идеологическом пространстве Урала // Славянские языки: аспекты исследования: сб. научн. ст. – Минск, 2009. – С. 142-147.
16. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК "Гнозис", 2003. – 280 с.
17. Михайлова О.А. Вербализация региональной идентичности в культурном пространстве современного уральского города // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2005. – С. 105-111.
18. Ощепкова Е.С. Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект): автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2003. – 24 с.
19. Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 170 с. (Серия "Монография"; Вып. 5).
20. Попова М.К. "Нестабильная идентичность" как феномен культуры "Пост" ("Черная белая и еврейка Р. Уокер") // Культура "Пост" как диалог культур и цивилизаций / Ред. М.К. Попова и В.В. Струков. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С. 202-208. (Серия "Монография"; Вып.11).
21. Потенба А.А. Изъ записокъ по теоріи словесности. – Харьков, 1905. – 664 с.
22. Селіванова О.О. Світ свідомості в мові. Мир сознания в языке. Монографічне видання. – Черкаси: Ю. Чабаненко, 2012. – 488 с.
23. Сизова О.Ф. Особливості відтворення в перекладі гендерної ідентичності суб'єкта жіночого поетичного дискурсу (на матеріалі англійських перекладів з української): дис.... канд. філол. наук: 10.02.16. – К., 2004. – 242 с.
24. Смирнова Ю.В. Онтологический аспект гендерной идентичности (на материале анализа отрицания в детской речи): дис.... канд. филол. наук: 10.02.19. – Теория языка. – Ярославль, 2009. – 178 с.
25. Цветкова М.В. Концепт Englishness: основные константы // Проблемы национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: Материалы научной конференции в 2-х т. – Воронеж: ЦЧКИ, 2000. – Т. 2. – С. 87-93.
26. Школова М.С. Лингвистический и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации: дис.... канд. филол. наук: 10.02.19. – Теория языка. – Тверь, 2005. – 150 с.
27. Энциклопедия мудрости. Литературно-художественное издание. – Издательство "Буколика"; издательство "РООССА", 2007. – 814 с.
28. Яворська Г.М. Лінгвістика в дослідженні міждисциплінарних об'єктів (до аналізу колективних ідентичностей) // Мова. Людина. Світ. До 70-річчя професора М. Кочергана. Збірник наукових статей. – Вид. центр КНЛУ, 2006. – С. 46.
29. Cameron D. Performing gender identity: young men's talk and the construction of heterosexual masculinity // The Language, Society and Power Reader. Ed. by A. Mooney and others. – London and New York: Routledge, 2011. – P. 179-191.
30. Corfield P.J. Class by name and number in eighteenth-century Britain / P.J. Corfield // Language, History and Class. Ed. by P.J. Corfield. – Oxford and Cambridge: Basic Blackwell, 1991. – P. 101-130.
31. Eckert P. The Meaning of Style // The Language, Society and Power Reader. Ed. by A. Mooney and others. – London and New York: Routledge, 2011. – P. 295-307.
32. Fishman J.A. Handbook of Language and Ethnic Identity. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 468 p.
33. Harre R. Pronouns and people: The linguistic construction of social and personal identity / R. Harre. – Oxford: Blackwell, 1990. – 330 p.
34. Jackson J. Language Identity of the Colombian Vaupes Indians // Bauman and Sherrer. Issue 2. – Cambridge University Press, 1974. – P. 50-64.
35. Joseph John. Language and Identity: National, Ethnic, Religious. – Houndmills, Basingstoke, 2004. – 288 p.
36. Le Page, R. and Tabouret-Keller, A. Acts of Identity. Creole-Based Approaches to Language and Ethnicity. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 275 p.

37. McIlvenny P. Cultural Identity at Speaker's Corner / P. McIlvenny // *Discourse and Society*. – 1996. – Vol. 7. – №1. – P. 6-37.
38. Mendoza Denton N. Language and identity / N. Mendoza Denton // *The handbook of language variation and change*. – Malden; MA; Oxford, UK: Blackwell, 2002. – 807 p.
39. Turville-Petre Th. *England the Nation: Language, Literature and National Identity 1290-1340*. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 241 p.
40. Washbook D. 'To each a language of his own': language, culture, and society in colonial India // *Language, History and Class*. Ed. by P.J. Corfield. – Basic Blackwell, 1991. – P. 179-203.
41. Wierzbicka A. *English. Meaning and Culture*. – Oxford: OUP, 2006. – 352 p.
42. Wodak R., Ciltia de R., Reisig M. and Liebhart K. *The Discursive Connection of National Identity* / Translated by A. Hitsch and R. Mitten. – Edinburgh: UP, 1999. – 226 p.

УДК 802.0-73

Олейникова Г.А.

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ЖАНРЕ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

В статье рассматриваются языковые маркеры темпоральности, создающие ирреальность вымышленной картины художественного мира. Исследуется циклическое и линейное время, которые вносят существенную лепту в создание научно-фантастического иномирия.

Ключевые слова: научная фантастика, темпоральность, ирреальность, циклическое время, линейное время.

Олейникова Г.О. Особливості вираження мовної категорії часу в жанрі наукової фантастики. У статті розглядаються мовні маркери темпоральності, що створюють ірреальність вигаданої картини художнього світу. Досліджується циклічний і лінійний час, які вносять істотний внесок до створення науково-фантастичного іносвіту.

Ключові слова: наукова фантастика, темпоральність, ірреальність, циклічний час, лінійний час.

Oleynikova G.A. The peculiarities of the linguistic category of time in the genre of science fiction. The linguistic markers of temporal organization creating unreality of the invented picture of the artistic world are examined in the article. Cyclic and linear time, which brings a substantial contribution in the creation of science fiction world, is analyzed.

Keywords: science fiction, temporal organization, unreality, cyclic time, linear time.

Темпоральное измерение вымышленной картины художественного мира, как и любое время, проявляется в двух ипостасях: во времени циклическом и во времени линейном, или как его иначе называют, "историческом". Циклическое время связано с вращением Земли вокруг своей оси в суточном диапазоне, а также с вращением Земли вокруг Солнца в годовом диапазоне. Время линейное, или историческое – это бесконечное "движение" материи, при котором каждое мгновение настоящего неостановимо и невозвратно уходит в прошлое, ему на смену приходит следующее мгновение, которое из будущего превращается в настоящее, чтобы также уйти в прошлое.

С точки зрения познающего субъекта, *прошлое* заполнено событиями произошедшими, имевшими место, *настоящее* – событиями происходящими, *будущее* же – это **еще не** произошедшие события, **еще не** существующие ситуации, это *область допущений*.

Темпоральный каркас изображенного в литературном произведении мира создается различными способами. В данной статье представлены те способы маркирования времени, которые вносят свою лепту в создание научно-фантастического иномирия.

Циклическое время осознается человеком и обозначается с помощью лексических единиц, называющих части суток (утро-день-вечер-ночь), дни

недели, месяцы, времена года, а также время суток в 12-часовом или 24-часовом диапазоне (половина седьмого или 18.30). Историческое, или линейное время маркируется датами, более или менее детализированными, к примеру, "3 июня 2003г.", или "июнь 2003", или "2003 год", или "начало XXI в.", или же "начало третьего тысячелетия". Естественно, возможны комбинации маркеров циклического и линейного времени: "летнее утро четверга 3 июня 2003 года" или "лето 2003 года". Маркеры циклического и линейного времени, о которых шла речь, можно назвать прямыми темпоральными маркерами, т.к. сема "время" занимает доминирующую позицию в лексическом значении подобных языковых единиц.

Кроме прямых темпоральных маркеров существуют и опосредованные. К ним относим маркеры циклического и линейного времени, отсылающие слушателя/читателя к имеющимся у него сведениям о природных явлениях, к знанию о практике культурной жизни человека, знанию о событиях, артефактах и персоналиях человеческой истории. Например, упоминание ужина имплицитно evening время суток, смена цвета листвы на деревьях с зеленого на желтый – сигнал наступления нового времени года (осени), восход солнца – наступление нового дня. Если говорится о времени, когда еще не было египетских пирамид, то значит речь идет о чем-то, что происходило ранее второго тысячелетия до н.э., и т.д.

Рассмотрим прямые и опосредованные темпоральные маркеры как сигналы контрфактичности изображенной реальности научно-фантастического текста.

Наиболее очевидным маркером линейного времени выступает, безусловно, дата, которая может темпорально локализовать план фабульного настоящего, а может служить темпоральной вехой, отсчитывая от которой, читатель определяет время основных событий.

Примером первого вида темпорального маркирования служит роман Г. Уэллса "The Time Machine": Путешественник перемещается в будущее, где все незнакомо и непонятно, он восклицает:

*That was how to world of **Eight Hundred and Two Thousand Seven Hundred and One** presented itself to me!* (17,35).

В другом контексте рассказчик уточняет, что речь идет о 802701 годе н.э.: *the year **Eight Hundred and Two Thousand Seven Hundred and One, A.D.*** (10,24).

Темпоральный сдвиг в будущее не всегда столь кардинален, как в "Машине времени" Г. Уэллса. В романе Р. Хайнлайна "The Door into Summer" сдвиг многократно меньший. Автор точно указывает дату стартового момента наррации: "3 December, 1970" (13,6).

Следует отметить, что художественный прием остранения (термин Шкловского В.Б.) ярко проявляется именно в самом темпоральном маркере. Так, в романе А.Азимова "Foundation" даты рождения и смерти Гэри Селдона приводятся в двух вымышленных системах летосчисления:

*Hari Seldon – born in the 11.988th year of **the Galactic Era**: died 12.069. The dates are more commonly given in terms of the current **Foundation Era** as 79 to the year 1 F.E.* (8,7).

Обе системы – *Galactic Era, the current Foundation Era* – плод фантазии автора, однако сам факт скрупулезного указания хронологических рамок жизни персонажа создает эффект правдоподобия.

Скрупулезность хронологической маркировки событий работает в качестве "противовеса" контрфактичности самих событий, т.е. убеждает читателя в аутентичности предлагаемого ему ирреального мира. К примеру, герои романа "Sphere" находятся внутри затонувшего космического корабля-зонда. Исследуя его, они обнаруживают фабричное клеймо, которое гласит, что этот аппарат под серийным номером 98004077 изготовлен 5 августа 2043 фирмой Intel Inc. в США. Налицо темпоральный сдвиг изображенной реальности: ученые идут по космическому кораблю, который только **будет** построен спустя более полувека:

"There was a stamp beneath the keyboard. "Intel Inc. Made in USA. Serial № 98004077 8/5/43".

"August 5, 2043?"

"Looks like it"

"So we are walking through a ship fifty-odd years before it's going to be built" (11,98).

Как видим, авторы научно-фантастических произведений, маркируя время событий, прибегают к "реалистическим" датам (1970, 2043), к футуристически ирреальным датам (802701 A.D.) и к абсолютно фантастическим датам (12.069 Galactic Era). В любом случае магия чисел и точных данных завораживает читателя, "убеждает" его в правдоподобии того, о чем рассказывается.

Абсолютная фантастичность фабулы "уравновешивается" якобы точными и объективными временными рамками происходящего. Так, время происходящих событий в романе "Sphere" маркируется следующим образом. Предистория фабулы такова: главный герой Норман в 1979 г. написал научную программу о преодолении чувства страха в случае контакта с инопланетной цивилизацией. Программа (ULF = Unknown Life Forms) осталась нереализованной. В течение 6 лет Норманн о ней ничего не слышал, "до настоящего момента". Следовательно, "настоящий момент" – это 1985 год (1979 год + 6 лет = 1985 год):

Norman heard nothing about his ULF proposal. He had heard nothing for six years. Until now (11,20).

Подобные темпоральные сигналы-вехи, рассредоточенные по тексту, дают читателю возможность в общих чертах обрисовать временные рамки разворачивания событий. Одни вехи предполагают мысленный отсчет времени назад в прошлое, другие – напротив отсчет в будущее.

В романе "Sphere" от временного плана основных событий темпоральная веха "постройка корабля" (2043 г.) отдалена в будущее более чем на 50 лет, а темпоральная веха "создание программы ULF" (1979 г.) – на 6 лет в прошлое. В результате не очень сложных расчетов в перекрестье временных ориентиров попадает 1985 год (до постройки корабля остается еще 58 лет, после программы ULF уже прошло 6 лет). Локализация нарративного настоящего совпадает с реальным настоящим (роман вышел в 1987 г., действие разворачивается в 1985 г.), т.е. *темпорального сдвига нарративной*

перспективы нет. Однако контрфактичность изображенного мира очевидна. Она возникает за счет темпорального сдвига второго типа: перемещения физического тела во времени (космический корабль из будущего попадает в прошлое). Нарушается объективная закономерность линейного хода времени. Одно и то же событие (постройка корабля) одновременно оказывается *еще не* совершившимся и *уже* совершившимся. Физическое тело (корабль) пребывает сразу в двух временных измерениях – в будущем и в настоящем. Подобное положение дел, недопустимое в реальной картине мира, оказывается вполне допустимым в фантастической картине мира.

Кроме прямых маркеров линейного времени в научно-фантастической литературе весьма важную роль играют опосредованные маркеры, информирующие о времени событий через отсылку к какому-либо событию, личности, детали материальной культуры и т.п. Как и в случае с датами, эти маркеры могут быть реальными, а могут быть вымышленными.

Первые из них можно проиллюстрировать фрагментом из рассказа Р. Брэдли "A Sound of Thunder": героя на машине времени доставляют в доисторическое прошлое для сафари на динозавров. После остановки машины инструктор комментирует, в какое время они прибыли:

Christ isn't born yet," said Travis. "Moses has not gone to the mountain to talk with God. The Pyramids are still in the earth, waiting to be cut out and put up. Alexander, Caesar, Napoleon, Hitler – none of them exists (9,70).

Библейские и исторические личности служат темпоральными маркерами, поскольку их жизнь и деятельность "привязаны" к определенному отрезку человеческой истории. Аналогичным образом работает ссылка на то, что во времени, куда они прибыли, еще нет пирамид, их еще только предстоит возвести.

Для восприятия подобных темпоральных маркеров исторического времени необходимы достаточные запасы культурной памяти читателя. Иногда такой темпоральный маркер отсылает к событиям менее значительным в масштабе общечеловеческой истории. К примеру, рассуждая об опыте контактов человека с внеземным разумом, автор вспоминает о казусе, случившемся в США в 1938 г., когда радиотрансляция романа Г. Уэллса "The War of the Worlds" вызвала настоящую панику среди слушателей, не сумевших распознать научно-фантастический характер транслируемого текста и принявших его за репортаж о реальных событиях:

The only important human experience with extraterrestrials had been Orson Weller's 1938 radio broadcast of "The War of the Worlds". And the human response was unequivocal. People had been terrified (11,18).

Ссылка на реальные события, личности, артефакты создает временную перспективу для ирреальной фабулы, усиливая эффект правдоподобия неправдоподобных ситуаций, персонажей и их действий. Разбавляя в целом контрфактическую реальность какой-либо отдельной реалистической деталью, чертой, автор окрашивает всю картину в псевдореалистические тона. Так, рассуждая об атомной войне, якобы обрушившейся на США, автор замечает, что ей предшествовала холодная война. Исторически реальное событие, т.е. холодная война, начавшееся после II мировой войны в 1945 г. и

длившеся несколько десятилетий, все же не имело такого драматического финала, как это описывает Р. Хайнлайн: военная база, где служил рассказчик, уничтожена, Вашингтон стерт с лица земли, сестра и мать рассказчика погибли при бомбардировке.

*When **the Cold War** boiled over, I was a sergeant-technician at Sandia Weapon Center in New Mexico, stuffing atoms into atombombs. The day Sandia disappeared I was down in Dallas drawing a fresh supply ...*

*I thought National Research laboratory was wiped out when they got Washington ...
My sister and mother got it the day they bombed us (13,14,18,24).*

Маркеры, обозначающие реальные события и вымышленные события (первые выделены жирным курсивом, вторые подчеркиваем), сплетаются в единую событийную ткань предшествования основной фабуле и тем самым обрисовывают темпоральную перспективу романа.

В качестве опосредованных темпоральных маркеров исторического времени могут выступать и полностью вымышленные события или несуществующие артефакты. К примеру, выстраивая сложную и очень масштабную временную перспективу запредельно отдаленного будущего в романе "Foundation", А. Азимов предваряет наррацию о событиях цитатой из якобы существующей энциклопедии *Encyclopedia Galactica*, в которой дана биографическая справка о Гэри Селдоне и характеристика его учения о психоистории. Цитата сопровождается постраничным примечанием, в котором уточняется что цитирование осуществлено по 116 изданию энциклопедии, вышедшему в 1020 году:

*All quotations from the "**Encyclopedia Galactica**" here reproduced are taken from the 116-th Edition, published in 1020 F.E. by the Encyclopedia Galactica Publishing Co., Terminus, with permission of the publishers (8,7).*

Безупречная имитация научного стиля подачи материала задает очень точный камерон последующего научно-фантастического повествования. Хронологическая точность маркирования событий способствует созданию убедительной псевдоисторической перспективы, в которую помещен контрфактический мир романа.

В отличие от линейного времени, время циклическое не проецируется на ось реального времени и не соотносится с периодом написания и/или прочтения научно-фантастического произведения. Этот вид локализации событий соотносится с вращением планеты вокруг своей оси (суточный диапазон: утро-день-вечер-ночь) и вокруг светила (годовой диапазон: зима-весна-лето-осень). Годовой цикл, кроме того, членится на месяцы, месяцы – на недели, недели – на дни, дни на часы, часы на минуты. Вне привязки к календарной дате (число, месяц, год) все вышеперечисленные маркеры замкнуты на внутренний темпоральный универсум изображенного мира.

Так, например, действие в романе Дж. Уиндама "The Day of the Triffids" начинается в 8 утра в среду 8 мая неизвестно какого года. Из-за отсутствия маркировки года соотношение времени наррации и фабульных событий с осью реального времени нет. Однако псевдодата (8 мая среда) устанавливает некую видимость хронологической упорядоченности абсолютно контрфактических событий: а именно, все человечество, кроме главного героя,

ослепело водночасье, люди стали жертвами кровожадных цветов-убийц, которые обрели способность самостоятельно передвигаться. Эти события не могут быть оценены читателями как когда-либо происходившие (план прошлого) или происходящие (план настоящего), следовательно, в рамках фантастических допущений они относятся к гипотетическому, неопределенно далекому будущему.

Как мы констатировали выше, степень допущения в научно-фантастической литературе чрезвычайно высока. К примеру, в циклическом изображенном времени допустимыми оказываются реально несуществующие месяцы:

*The crisis came on a day like many others in the spring **month of Laab** (12,56).*

Выдуманные планеты вращаются вокруг своей оси со скоростью в полтора раза медленнее Земли или в сотни раз быстрее:

*Rotation – **thirty-six-hour day** (16,183);*

*We can deduce the star's period of rotation to be **two minutes, twenty-seven seconds** (14,262).*

Вращение планет, на которых происходят события, вокруг светила (годовой цикл) также маркируется контрфактическими временами года. К примеру, в рассказе "Neutron Star" упоминается время года, когда на искусственной планете дуют ветра с немыслимой скоростью 15 тыс. миль в час, и именно это время года привлекает туристов на планету:

*I stepped outside a little cautiously, but it wasn't the **windy season**. We get the fifteen-hundred-mile-an-hour winds when the planet's axis of rotation runs through its primary. The winds are our planet's only tourist attraction (14,259).*

На другой планете под названием Jinx летом облаков так мало, что выходить из жилища невозможно из-за опасного бело-синего солнечного излучения:

*I remembered a long ago **summer** I spent on Jinx. There were days when unable to go outside because a **dearth of clouds had spread the land with raw blue-white sunlight**, we amused ourselves by ... (14,267).*

Членение годового цикла на времена года не обязательно маркирует только погодно-климатические особенности контрфактического мира. Культурная жизнь человека также соотносится с четырьмя годовыми сезонами. В частности, некоторые периодические издания выходят четырежды в год (зимой, весной, летом, осенью). Традиционность такой хронологической маркировки используется А. Кларком, когда рассказчик в "Jupiter Five" рекомендует не пропустить весенний выпуск журнала "National Austrographic", в котором, якобы будет опубликована его статья о научной экспедиции:

*I promised to write an article for a magazine about that. You might like to keep your eyes on the "National Austrographic" magazine **next spring** (3,44).*

Ссылка на несуществующее периодическое издание, чье название так похоже на широкоизвестный журнал "National Geographic", да к тому же снабженное действительным темпоральным маркером **next spring**, создает эффект достоверности изображенного мира, а также эффект аутентичности общения рассказчика со слушателями (читателями) в нарративном настоящем, за которым последует фабульное будущее ("следующей весной").

Аналізуючи темпоральну структуру науково-фантастических произведень, звертаємо увагу на специфіку використання маркерів циклічного часу суточного діапазона. Згідно наших спостережень, ці маркери нерідко беруть на себе додаткову смисловою навантаження. Крім інформації про час описуваних подій, вони також служать сигналами емоційного напруження. Ворожність, чужорідність оточуючого середовища, в якому перебувають діючі особи даних творів, часто проявляється з більшою інтенсивністю в певний час доби.

Прибувши на чужу планету, експедиція землян спершу відправляє на поверхню роботів, які, незважаючи на темноту, виконують всю підготовчу роботу, а тільки потім, з настанням дня людина може ступити на ворожу територію:

***Before nightfall** the full working force of the robots had set up some machines ... **By dawn** the last machines were set up ... At last it was safe and comfortable for ordinary men to leave the shelter of the ship (16,184-185).*

Тут і далі маркери часу виділені жирним шрифтом, маркери небезпеки – підкреслюються.

Як і на Землі, ніч на інших планетах є періодом страху і небезпеки. Наприклад, на Марсі, як пише Ф.Пол, це час неможливо низької температури, що несе смертельну загрозу людині:

There were caves where the three of us, huddled together might keep each other alive till morning (15,141).

Ніч на планеті Арракис також описується автором в темних тонах, приход ніч в пустелю порівнюється з нападком ястреба на куропатку:

***The night fell upon the desert as the hawk had fallen upon the partridge** (12,30).*

Міфологічне свідомість традиційно трактує ніч (темну частину доби) як час розгулу темних, злих сил, які, однак, змушені відступити і сховатися з приходом дня. Але в науково-фантастическому світі будь-яка частина доби може нести в собі загрозу і підвищену небезпеку для актора. Так, наприклад, полдень на Марсі незвичайно небезпечно через сильні випаровування, що випускаються димлящими під сонцем деревами:

We saw a cluster of smoke trees suddenly quiver and begin to emit their clouds of dense yellow vapour from their branch-tips... The curious gelatinous sulphur compounds had passed into gas with heat. When that happened, it meant that the sun was nearly overhead and you do not stay in the open at high noon (15,133).

Таким чином бачимо, що в науково-фантастическій літературі сигнали циклічного часу (суточного діапазона), крім темпоральної маркування, виконують і специфічну, жанрово-детерміновану функцію створення емоційного напруження.

Використання темпоральних маркерів з додатковою, крім часової маркування, цілеспрямованою відміною також при розв'язанні автором динамічного сюжету, в якому події швидко рухаються до певної часової межі. Тема істотного терміну дуже популярна в прозі жанру action, в детективній прозі, частково реалізується і в науково-фантастических творах. Так, наприклад, герой розповіді "Neutron Star" взявся виконати смертельно небезпечну місію польоту до нейтронної

звезде. Его рассказ об этом полете выглядит как репортаж, в котором указываются все меньшие и меньшие отрезки времени, отделяющие его от почти неминуемой гибели:

Twenty four hours to fall ...

Six hours to go ...

Two hours to go ...

Half an hour to fall ...

The X force was growing as zero hour approached ...

My time was up (14, 261, 267, 269, 271).

Классический финал сюжета в виде смертельной опасности, неумолимо надвигающейся на героев с каждой минутой, а потом и секундой уходящего времени, наблюдаем в романе "Sphere". Экспедиция на дно океана завершена, трое уцелевших члена команды находятся в батискафе, ожидая подъема на поверхность. Однако выясняется, что батискаф опутан взрывными устройствами с часовым механизмом, который приведен в действие. По внутренней связи Норман, главный герой, слышит:

Your attention, please. Tera explosives are now activated. The countdown will begin now. Mark twenty, and counting. A red display flashed 20.00. Then it began counting backward (11,340).

Т.е. через 20 минут раздастся взрыв и все погибнут. Единственное спасение – крохотная субмарина, с помощью которой можно подняться на поверхность, ускользнув от взрывной волны. Последующие 18 страниц текста представляют собой описание стремительно меняющихся сюжетных событий, борьбы, бесконечных препятствий, возникающих перед Норманом, его душевной сумятицы. На протяжении этих страниц с периодичностью от нескольких строк до полутора страниц текста появляются темпоральные сигналы истекающего срока:

Your attention, please. Eighteen minutes, and counting (11,341);

Your attention, please. Seventeen minutes, and counting (11,343).

Чем меньше времени остается у героев, тем чаще в тексте появляются темпоральные сигналы, т.е. тем стремительнее движется сюжетное действие. К примеру сигналы о том, что остается семь, шесть, пять, четыре минуты, располагаются всего на двух страницах. По мере истечения срока меняется и масштаб темпоральных маркеров: кроме минут, теперь учитываются и секунды. События последующих двух минут маркированы только в таком, секундном, масштабе. Героям, наконец, удалось забраться внутрь субмарины:

"Christ, one minute forty. Do you know how to work this thing?" – "Yes" ...

"One minute thirty seconds. How long did you say to the surface?" "Two thirty" ...

"One minute twenty". There was very little sensation of movement

"Forty seconds. We'll never make it" – "We'll make it" (11,357);

"Twenty seconds. Where are we?" – "Six hundred twenty feet ..."

"Ten seconds" Harry said. "Nine ...eight ... Brace yourself!" The explosion rocked the submarine lifting it in a giant upward surge (11,358).

Эффект эмоционального напряжения и приключенческой интриги создается М. Криктоном во многом за счет использования темпоральных сигналов. На наш взгляд, в этом проявляется развлекательная направленность научно-фантастической литературы.

В поисках жанрово-детерминированной специфики использования темпоральных маркеров для создания контрфактической реальности обратимся к опосредованным маркерам циклического времени суточного диапазона. Как известно, согласно традиции ежедневная практика человеческого бытия предполагает трехразовое питание: утром, в середине дня и вечером. Соответственно, упоминание в тексте о завтраке, ланче, обеде/ужине косвенно маркирует наступление соответствующей части суток.

Так, например, героиня романа "Children of Dune" Алия сравнивает крик служанки, зовущей её на завтрак, со звуком корабельного колокола, отбивающего морские склянки, сигнал о времени:

*A female guard called her **to breakfast** ... she would like to silence the outcry from her attendants, **hourglass noise** (12,58).*

Непривычность, странность окружающего героев мира может манифестироваться и через такие опосредованные темпоральные маркеры, как "обед", "ужин" и т.п. К примеру, в рассказе "Beachhead" капитан космического корабля, прибывшего на чужую планету, на традиционной молитве перед ужином вдруг неожиданно для всех произносит слова о смирении перед неизведанным:

*The entire company had gathered **for the meal**. "**Good evening, gentlemen**" he said and sat down. He clasped his hands in front of him and lowered his head **to say the customary words** and when the words did come they were different. "**Dear Father, we are the servants in an unknown land ... Teach us humility and lead us to the knowledge ...**" (16,184).*

Стандартная для протестантской культуры процедура, осуществляемая в определенное время суток и в определенной обстановке (молитва перед совместной трапезой), окрашивается странными и тревожными нотками. Как показывает развитие сюжета, просьба ко Всевышнему **teach us humility** оказалась знаковой. Экспедиция обречена на гибель из-за своего мнимого превосходства над чужой цивилизацией.

Контрфактичность изображенного мира преломляется в темпоральных сигналах суточного диапазона особенно ярко, когда повествуется о повседневном поведении актантов (еда, выпивка) при учете что не все актанты научно-фантастического произведения – люди. В рассказе "Neutron Star" место действия – искусственная планета, населенная людьми и инопланетянами (кукольниками). Главный герой (человек) сидит в полупустом баре, традиционное время выпивки еще не настало и поэтому в заведении мало посетителей. Тот факт, что среди посетителей есть не только люди, но и кукольники (абсолютно фантастического вида двухголовые и трехногие существа) придает фантазмагорический оттенок всей сцене, хотя общая тональность изложения свидетельствует о рутинности изображаемой ситуации:

*I sat alone in the General Products bar. Puppetees were scattered around the bar in twos and threes, with a couple of men for variety. But **the drinking hour** had not yet arrived. The place felt empty (14,264).*

Невозможность определения темпорального статуса приема пищи (завтрак – ланч – обед/ужин) свидетельствует о каком-то сбое суточного цикла (утро-день-вечер-ночь), т.е. об обстановке чуждой и непривычной для человека. Так, герой романа "Foundation" прибыв на Трантор, вся территория которой – это закрытое пространство, не может определить какое сейчас время суток:

*Gaal was not certain whether it was **day** or **night**. He was ashamed to ask ... **The meal** of which he had just partaken had been labeled **luncheon**, but there were so many planets which lived a **standard time-scale** that took no account of the inconvenient **alteration of day and night**. The rate of planetary turnings differed, and he did not know that of **Trantor** (8,12-13).*

То, что еда была названа ланчем не служит герою подсказкой, поскольку все планеты галактики живут по единой для них временной системе (*a standard time-scale*) вне связи с их реальным суточным циклом дня и ночи. Поскольку скорость вращения планет вокруг своей оси разная, то и суточный цикл у них разный (*inconvenient alteration of day and night*), а посему этим обстоятельством просто пренебрегают, унифицируя время под один стандарт.

Подытоживая анализ способов изображения категории времени в научно-фантастических произведениях, отметим, что соответствующие маркеры могут быть прямыми и опосредованными, псевдореалистическими или абсолютно фантастическими. Однако все они нацелены на аутентификацию изображенного квазиреального универсума и выполняют специфическую, жанрово-детерминированную функцию создания вымышленной ирреальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки исторической поэтики / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234-407.
2. Булатецька Л.І. Теорія і теоретизація у лінгвістиці / Булатецька Л.І. – Вінниця: Нова книга. – 2004. – 175 с.
3. Валгина Н.С. Теория текста / Валгина Н.С. – М.: "Логос", 2003. – 278 с.
4. Гаков В.Г. Четыре путешествия на машине времени / Гаков В.Г. – М.: Знание, 1983. – 191 с.
5. Дученко Л.В. Жанрово-лингвистические особенности темпорально-повествовательной структуры художественного текста (на материале англоязычной детективной прозы 20 столетия): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Дученко Лариса Владимировна. – Одесса, 2003. – 195 с.
6. Колегаева И.М. Композиционно речевая структура текста и способы её языкового маркирования / И.М. Колегаева, Е.А. Розанова. – Одесса, 1997. – 145 с.
7. Обелец Ю.А. Темпоральная структура возможных миров художественного текста (на материале англоязычной прозы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Обелец Юлия Анатольевна. – Одесса, 2006. – 189 с.

ИЛЛЮСТРАТИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

8. Asimov, Isaac. The Foundation Trilogy/Foundation. – Hunt Barnard Printing Ltd, 1974. – 189 p.
9. Bradbury, Ray. A Sound of Thunder//Science Fiction: English and American Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – P. 68-80.

10. Clarke, Arthur C. Jupiter Five//Science Fiction: English and American Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – P. 40-68.
11. Crichton, Michael. Sphere. – New York: Ballantine Books, 1988. – 371 p.
12. Herbert, Frank. Children of Dune. – N.Y.: Berkley Publishing Corporation, 1977. – 408 p.
13. Heinlein, Robert A. The Door into Summer. – Fantasy House, Inc., 1956. – 159 p.
14. Niven, Larry. Neutron Star//Science Fiction: English and American Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – P. 257-274.
15. Pohl, Frederic. The Middle of Nowhere//Science Fiction: English and American Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – P. 133-150.
16. Simak, Clifford D. Beachhead//Science Fiction: English and American Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – P. 180-199.
17. Wells, Herbert. The Time Machine // Seven Science Fiction Novels of H.G.Wells. – N.Y.: Dover Publications, 1934. – P.1-77.

**ПРОСОДИЯ ВЕЖЛИВОСТИ И НЕВЕЖЛИВОСТИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ФОРМАЛЬНОМ И НЕФОРМАЛЬНОМ
КОНФЛИКТНОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ДИНАМИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТР**

Статья посвящена выявлению роли динамического параметра интонации в реализации вежливости/невежливости в англоязычном формальном и неформальном конфликтном диалогическом дискурсе. Установлено, что динамический параметр интонации играет важную роль не только в реализации невежливости и частично участвует в реализации вежливости, но и является важнейшим дифференцирующим параметром вежливости и невежливости в англоязычном формальном и неформальном конфликтном диалогическом дискурсе.

***Ключевые слова:** вежливость, невежливость, формальный конфликтный диалогический дискурс, неформальный конфликтный диалогический дискурс, динамический параметр интонации.*

***Пеліван О.К. Просодія ввічливості та невічливості в англomовному формальному та неформальному конфліктному діалогічному дискурсі: динамічний параметр.** Стаття присвячена виявленню ролі динамічного параметра інтонації в реалізації ввічливості/неввічливості в англomовному формальному і неформальному конфліктному діалогічному дискурсі. Встановлено, що динамічний параметр інтонації грає важливу роль не тільки в реалізації невічливості і частково бере участь в реалізації ввічливості, але й є найважливішим диференціувальним параметром ввічливості та невічливості в англomовному формальному і неформальному конфліктному діалогічному дискурсі.*

***Ключові слова:** ввічливість, невічливість, формальний конфліктний діалогічний дискурс, неформальний конфліктний діалогічний дискурс, динамічний параметр інтонації.*

***Pelivan O.K. Prosody of politeness and impoliteness in English formal and non-formal conflict dialogical discourse: dynamic aspect.** The immediate aim of the article is to define the role of the dynamic component of intonation in politeness/impoliteness realization in English-language formal and informal conflict dialogical discourse. It is proved that the dynamic component of intonation plays an important role not only in impoliteness realization and partly participates in politeness realization but also differentiates between politeness and impoliteness in English conflict dialogical discourse.*

***Key words:** politeness, impoliteness, formal conflict dialogical discourse, informal conflict dialogical discourse, the dynamic component of intonation.*

В данной статье представлены результаты экспериментально-фонетического исследования, посвященного изучению динамического параметра интонации в реализации вежливости/невежливости в английском формальном и неформальном конфликтном диалогическом дискурсе.

Объектом данного исследования выступает устный англоязычный конфликтный диалогический дискурс.

Предметом дослідження являються просодическіє засади (динамічний параметр інтонації) реалізації ввічливості/неввічливості в англійському конфліктному діалогічному дискурсі.

Актуальність роботи визначається необхідністю комплексного аналізу лексического складу, синтаксическої структури і, в особеності, просодическої організації усного англійського конфліктного діалогіческогo дискурса.

Прежде чем перейти к описанию результатов исследования, представляется целесообразным остановиться на понимании вежливости в трудах отечественных и зарубежных лингвистов.

Труды отечественных и зарубежных лингвистов охватывают широкий спектр проблем, связанных с пониманием вежливости.

Как предмет лингвистического анализа вежливость подвергалась изучению в работах таких лингвистов как: R. Lakoff (1973); P. Brown, S. Levinson (1987); G. Kasper (1990); G. Leech (1993); Н.И. Формановская (1989); В.И. Карасик (1992), Е.А. Земская (1994); Р. Ратмайр (2003). В их трудах вежливость анализируется либо с точки зрения общих стратегий поведения, либо с точки зрения выявления специфики выражения положительного отношения к человеку на материале частных речевых актов в конкретном языке. Вежливость, по общему убеждению, является демонстрацией уважения к собеседнику. Определение вежливости как хороших манер акцентирует процессуальную сторону (поведенческий, внешний план) названного феномена. Вежливость трактуется как корпус стратегий ухода от конфликтов [13, 197], а также как тип социальной индикации (прагматический подход к вежливости как лингвистическому явлению) [6, 76]. Принципы вежливости предстают как прагматические особенности речи. В теоретическом плане понятие вежливости получило разработку в современной прагматике в рамках теории речевого общения. Одним из принципов, сформулированных Г.П. Грайсом [1, 229], является принцип вежливости, играющий решающую роль в оформлении высказывания и в отборе речевых вариантов выражения этикетных речевых актов.

В наиболее общем плане вежливость можно определить как принцип социального взаимодействия, в основе которого лежит уважение к личности партнера. Следование принципу вежливости накладывает определенные ограничения на поведение членов общества, которые заключаются в том, чтобы учитывать интересы партнера, считаться с его мнением, желаниями, чувствами, облегчать, по возможности, возлагаемые на него задачи. Соблюдение данного принципа, в конечном счете, имеет целью добиться максимальной эффективности социального взаимодействия за счет "соблюдения социального равновесия и дружественных отношений" [1, 230].

В прагматической теории речевого общения вежливость рассматривается как универсальный принцип. Принцип вежливости определяется как особая стратегия речевого поведения, направленная на "предотвращение конфликтных ситуаций", "цель которой – сохранить "лицо" в ситуациях, когда существует угроза его потерять" [1, 230]. Данный стратегический принцип реализуется в практике речевого общения с помощью различных тактических приемов, посредством которых говорящий регулирует свое речевое по-

ведение, исходя из оценки ситуации. Говорящий оценивает риск "потери лица" в заданной обстановке, он решает совершать или нет речевой акт, а если совершать, то какую форму выражения вежливости избрать – открытую, эксплицированную, или скрытую, имплицированную. Принцип вежливости, регулирующий отношения между личностью и обществом, относится к области этикетного поведения. П. Браун и С. Левинсон в своей специальной "теории вежливости" [12] подвергают анализу типы интеракции, стратегии вежливости. Акцент при этом ставится на рассмотрение вежливости как манеры говорения и слушания коммуникантов, т.е. подчеркивается внешняя по отношению к языку, процессуальная сторона коммуникации. В их модели вежливость предстает как компенсирующий акт, предпринимаемый в противовес разрушительному воздействию ликоущемляющего акта (*FTA – face threatening act*).

Вежливость может проявляться в двух аспектах: позитивном и негативном [3; 8; 10; 11]. "Позитивная вежливость служит усилению положительного имиджа адресата: говорящий показывает, что он... с симпатией относится к нему и солидарен с ним... Демонстрация внимания, комплименты,... взаимное подчинение – вот примеры проявления позитивной вежливости. Негативная вежливость выражает дистанцированную позицию, т.е. подчеркивает независимость личности, ее потребность в неприкосновенной территории и основана, главным образом, на стратегии избегания, с помощью которой говорящий дает понять адресату, что он, по возможности, не нарушит границ его территории. Негативная вежливость включает сдержанность, официальность и владение собой; все возможные угрозы для авторитета адресата сглаживаются с помощью извинений и перемены темы" [8, 21].

На наш взгляд, именно негативная вежливость наиболее ярко должна проявляться в исследуемых нами конфликтных диалогах.

Несмотря на большое количество работ, посвященных изучению феномена вежливости, следует отметить, что просодические средства реализации вежливости изучены недостаточно.

Целью данной работы является определить роль динамического параметра интонации в реализации вежливости/невежливости в устных формальных и неформальных **конфликтных** диалогах.

В связи с этим, представляется целесообразным подробнее остановиться на определении конфликта в целом и речевого конфликта в частности. Следует отметить, что феномен конфликта достаточно глубоко изучен в психологии, а на современном этапе исследования межличностной коммуникации представляет огромный интерес и для лингвистов.

По мнению В.С. Третьяковой, конфликт (от лат. *conflictus* – столкновение) – это ситуация, в которой происходит: "1) столкновение 2) двух сторон (участников конфликта) 3) по поводу разногласия интересов, целей, взглядов, 4) в результате которого одна из сторон (S) сознательно и активно действует в ущерб другой (физически или вербально), а вторая сторона (A), осознавая, что указанные действия направлены против его интересов, предпринимает ответные действия против первого участника" [3, 129]. Что же касается речевого конфликта, то он "имеет место тогда, когда одна из сторон в

ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться соответствующими негативными средствами языка и речи. Такие речевые действия говорящего – субъекта речи – определяют речевое поведение другой стороны – адресата: он, осознавая, что указанные речевые действия направлены против его интересов, предпринимает ответные речевые действия подобного рода, выражая отношение к предмету речи или собеседнику. *Эта противонаправленная интеракция и есть речевой конфликт*" [3, 131].

По мнению М.Я. Дымарского, "речекоммуникативный конфликт – это возникшее в ходе речевой коммуникации (коммуникативного контакта) столкновение, противостояние двух сторон (партнеров) коммуникации, которое обнаруживает себя через конфликтные коммуникативные ходы, такие как нанесение адресату коммуникативного и/или психологического ущерба (недоверие, угроза), понижение его статуса (дискредитация, негативная характеристика, оскорбление, высмеивание), противодействие нанесенному ущербу, а также через коммуникативные ходы, в которых наряду с тем или иным неконфликтным заданием содержится конфликтный потенциал за счет употребления особых средств, таких как директивный речевой акт как потенциальный конфликтный коммуникативный ход" [2, 29].

Материалом настоящего исследования послужили саундтреки к 4 англоязычным фильмам. Общий объем материала составил 120 страниц стандартного текста А-4 (254 диалога, 228 минут звучащего текста), из которого был отобран экспериментальный материал для электроакустического анализа (34 минуты звучащего текста, 52 конфликтных диалога).

Для достижения поставленной цели был проведен электроакустический анализ материала исследования, который проводился в лаборатории экспериментальной фонетики ОНУ им. И.И. Мечникова с помощью компьютерной программы PRAAT.

Электроакустическому анализу подвергались следующие динамические характеристики:

- Диапазон интенсивности в диалогическом единстве (ДЕ);
- Пиковое (максимальное) значение интенсивности в ДЕ;
- Локализация пикового значения интенсивности в синтагме (1 ударный слог, шкала, ядро).

Исследование участия динамического компонента интонации в реализации вежливости/невежливости в устных формальных и неформальных конфликтных диалогах включало в себя изучение диапазона интенсивности в исследуемых диалогах с учетом его верхнего и нижнего пределов. Результаты подсчетов представлены на рисунке 1.

Данные рисунка 1 свидетельствуют о том, что самый широкий диапазон интенсивности характерен невежливым неформальным диалогам (35 дБ), вторыми по ширине диапазона являются невежливые формальные диалоги (27 дБ). Вежливые формальные и неформальные диалоги характеризуются более узким диапазоном интенсивности (14 и 25 дБ соответственно), что позволяет утверждать, что диапазон интенсивности играет важную роль, прежде всего, в реализации невежливости в конфликтных формальных и неформальных диалогах.

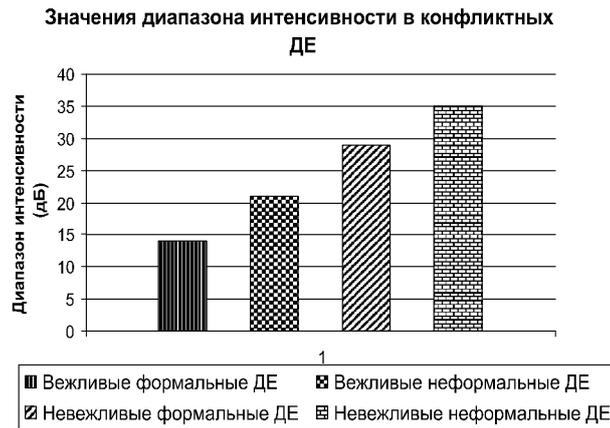

Рис. 1. Значения диапазона интенсивности в исследуемых конфликтных диалогических единицах (в дБ)

Исследование диапазона интенсивности позволило установить, от какого предела интенсивности (верхнего или нижнего) зависит ширина диапазона. Данные электроакустического анализа показали, что в невежливых неформальных диалогах, которым характерен самый широкий диапазон интенсивности (35 дБ), расширение диапазона происходит в 96% случаев за счет верхнего предела и только в 4% – за счет нижнего.

В вежливых неформальных и невежливых формальных диалогах расширение диапазона происходит в большинстве случаев также за счет повышения верхнего предела интенсивности (79% и 82% соответственно) и гораздо реже – за счет снижения нижнего предела (21% и 18% соответственно). Однако, данные таблицы свидетельствуют о том, что в вежливых неформальных и невежливых формальных диалогах процент случаев расширения диапазона интенсивности за счет повышения верхнего предела на порядок ниже, чем в невежливых неформальных диалогах (79%, 82% и 96% соответственно).

В вежливых формальных диалогах в 61% случаев расширение диапазона происходит за счет повышения верхнего предела, а в 39% – за счет снижения нижнего предела.

На следующем этапе исследования были изучены пиковые значения интенсивности. Результаты исследования пиковых значений интенсивности представлены в таблице 1.

Таблица 1

Пиковые значения интенсивности в конфликтных диалогах (в дБ)

Пиковое значение интенсивности в исследуемых ДЕ	Вежливые формальные	Вежливые неформальные	Невежливые формальные	Невежливые неформальные
	68	71	75	78

Результаты подсчетов показали, что пиковые значения интенсивности в невежливых формальных и неформальных диалогах несколько выше (75дБ и 78 дБ соответственно), чем максимальные значения интенсивности в вежливых формальных и неформальных диалогах (68дБ и 71 дБ соответственно). Это дает нам основание утверждать, что максимумы интенсивности в большей степени участвуют в реализации невежливости в формальных и неформальных конфликтных диалогах и частично – в реализации вежливости в вежливом конфликтном диалогическом дискурсе.

На следующем этапе исследования представилось целесообразным изучить локализацию пикового значения интенсивности в синтагме. На наш взгляд, удалось выявить интересные данные, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2

Локализация пикового значения интенсивности в синтагме (в %)

Локализация пикового значения (%)	Вежливые формальные	Вежливые неформальные	Невежливые формальные	Невежливые неформальные
1ударн.	64	34	20	16
Шкала	6	5	3	2
Ядро	30	61	77	82

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что в вежливых формальных диалогах в 64% случаев пиковое значение интенсивности локализуется на 1-м ударном слоге, в 30% – на ядре и в 6% – на шкале.

В вежливых неформальных диалогах максимумы интенсивности расположены в большей степени на ядре (61%), в 34% случаев – на 1-м ударном слоге и в 5% – на шкале.

В невежливых формальных и неформальных диалогах чаще всего максимальные значения интенсивности совпадают с ядром (77% и 82% соответственно), реже – с 1 ударным слогом (20% и 16% соответственно) и всего лишь в 3% и 2% случаев соответственно максимумы интенсивности локализируются на шкале.

С целью определить роль динамического параметра интонации в реализации вежливости/невежливости в формальных и неформальных конфликтных диалогах было выяснено, совпадают ли максимумы интенсивности с эмфатическим центром высказывания. Результаты этого исследования представлены в таблице 3.

В результате подсчетов было установлено, что в невежливых неформальных диалогах наблюдается самый высокий процент совпадения пиковых значений интенсивности с эмфатическим центром (96%), вторыми по частотности являются вежливые неформальные диалоги (87%), за которыми следуют невежливые формальные (84%) и вежливые формальные (82%). Эти данные дают нам основание утверждать, что динамический компонент

интонации играет важную роль в реализации эмфазы, особенно в неформальных невежливых ДЕ, в которых максимумы интенсивности являются **обязательным** параметром в реализации эмфазы.

Таблица 3

**Совпадение эмфатического центра
с пиковыми значениями интенсивности (в %)**

Совпадение эмфатического центра с пиковыми значениями интенсивности (в %)	Вежливые формальн	Вежливые неформал	Невежл формал	Невежлив неформал
	82	87	84	96

Проведенное исследование позволяет констатировать, что динамический компонент интонации в целом и значения максимумов интенсивности в частности играют важную роль в реализации невежливости (особенно в невежливом неформальном дискурсе) и частично участвуют в реализации вежливости (чаще в вежливых **неформальных** конфликтных диалогах). Следовательно, интенсивность (громкость) является информативным параметром для дифференциации вежливости и невежливости в конфликтном диалогическом дискурсе.

Перспективным представляется комплексное исследование всех интонационных параметров (мелодических, динамических и темпоральных), участвующих в реализации и дифференциации конфликтных диалогов различных типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С.217-236.
2. Дымарский М.Я. Где находится порог языкового конфликта? // Аспекты речевой конфликтологии: Сб.ст. под. ред. чл.-корр. Российской Академии образования, проф. Ильенко. – СПб., 1996. – С. 25-34.
3. Земская Е.А. Категория вежливости в контекстах речевых действий // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 131-137.
4. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи / Е.А.Земская, М.В.Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык и его функционирование / Под ред. Е.А.Земской, Д.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1993. – С. 90-136.
5. Земская Е.А. Русская разговорная речь / Е.А. Земская. – М.: Наука, 1973. – 239с.
6. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: ин-т языкознания РАН, Волгоградский пед. ин-т, 1992. – 333с.
7. Ключев Е. В. Фатика как предмет дискуссии // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1996. – С. 212-220.
8. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительные исследования на материале русского языка и русской культуры / Р. Ратмайр. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 272 с.
9. Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 127-140.
10. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения / Н.И.Формановская. – М.: Высшая школа, 1989. – 234с.
11. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge / P. Brown, S. Levinson. – UK: Cambridge University Press, 1987. – 352p.

12. Brown P., Levinson S. Universals in language usage: Politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // Questions and politeness: Strategies in social interaction // Eds. Goody E.N. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – PP. 56-289.

13. Kasper, G. Linguistic Politeness: Current Research Issues / G. Kasper // Journal of Pragmatics, 1990. – № 2. – PP. 193-218.

14. Lakoff, R. Language and Women's Place / R. Lakoff. – New York: Harper & Row, 1975. – PP. 45-79.

15. Leech, G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – London: Longman Publishing Group, 1983. – PP. 131-139.

УДК811.111'23:316.77 (043.3)

Реконвальд Н.В.

ВРЕМЯ В ЧАТ-ДИСКУРСЕ

Статья посвящена изучению темпоральных особенностей чат-коммуникации, ее хронографических и хронометрических параметров. Рассматриваются понятия внутреннего и внешнего времени чат-полилога, интернет-времени, безначального и бесконечного синхронного общения, описаны вкрапления нарративного временного плана.

Ключевые слова: время, чат, темпоральные характеристики чат-дискурса, хронография, хронометрия, нарративное время.

Реконвальд Н.В. Час у чат-дискусі. *Статтю присвячено дослідженню темпоральних особливостей чат-комунікації, її хронографічних та хронометричних параметрів. Розглядаються поняття внутрішнього та зовнішнього часу чат-полілогу, інтернет-часу, безпочаткового та безкінцевого синхронного спілкування, описано вкраплення нарративного часового плану.*

Ключові слова: час, чат, темпоральні характеристики чат-дискурсу, хронографія, хронометрія, нарративний час .

Reconvald N.V. Time in IRC discourse. *The article deals with the study of IRC temporal peculiarities, its chronographic and chronometric parameters. The notions of interior and exterior time of chat-polylogue, Internet-time, no-beginning and no-end synchronous communication are being described. Insertions of narrative time are being studied.*

Keywords: time, IRC (Internet Relay Chat), temporal characteristics of chat-discourse, chronography, chronometry, narrative time.

В данной статье рассматриваются темпоральные особенности чат-общения и их проявление в структурных и языковых особенностях текстовой составляющей чат-дискурса. Очень точным нам представляется разделение В.Г. Гаком времени события на внутреннее (отвечающее на вопрос: Как? – быстро) и внешнее, в котором различается *хронография* (указание на время, дату события), *хронометрия* (определяется длительность события) и *хронология* (устанавливается последовательность событий)) [6, 122-123; 7, 678-679]. Остановимся подробнее на первых двух параметрах внешнего времени, а также на времени внутреннем.

А. Вежбицкая, многие годы работающая над созданием метаязыка, которым можно описать любой концепт, выраженный на любом языке, предлагает набор элементарных, т.е. интуитивно понятных и поэтому неопределяемых концептов, лексикализованных во всех языках мира. В списке из 64 таких единиц к разделу [время] она относит 6 элементарных концептов (их еще называют семантическими примитивами): «КОГДА, ПОСЛЕ, ДО, ДОЛГО, НЕДОЛГО, НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ» [5, 19-21]. Их статус семантических примитивов подтверждается тем, что в нашем исследовании все они оказались полезными при дальнейшем анализе конкретного материала.

Еще одним автором, чьи работы легли в основу теоретической базы нашего исследования, является Н.Д. Арутюнова, в частности, мы опираемся на

ее тезис о том, что «у человека нет органа, специализирующегося на восприятии времени, но у человека есть чувство времени..., которое мобилизует все перцептивные возможности человека» [3, 687-688], а также на тезис, гласящий: «все, что происходит во времени, имеет начало и конец» [2, 9].

В наиболее общем виде *темпоральная* характеристика чат-коммуникации перекликается с планетарным масштабом ее *пространственной* характеристики. При наличии компьютеров, подключенных к интернету, их пользователи могут равно успешно (в техническом смысле) общаться друг с другом, сидя в соседних комнатах или будучи разделенными странами и континентами. Различие онтологических локусов, в которых пребывают чат-коммуниканты (если это разные страны и, особенно, разные континенты), коррелирует с различием хронографического (в терминах В.Г. Гака) времени, в котором чатлане общаются друг с другом. Мы имеем в виду поясное время, соотносимое с географической долготой, на которой расположена страна пребывания каждого чатланина. Как известно, поясное время впервые было введено в США в 1883 г., а после международного соглашения 1884 г. начало постепенно внедряться по всему миру. Поясное время – это «система счета времени, основанная на разделении поверхности Земли на 24 часовых пояса», которые маркируются 24 меридианами. По международному соглашению за начальный меридиан с долготой 0° принят Гринвичский меридиан, «время этого пояса называется всемирным» [19, т. 20, 469].

Виртуальный мир интернета существует в собственном интернет-времени, едином для всего мира 24-часовом режиме измерения времени, которое совпадает с временем по-Гринвичу. В результате все пользователи интернета, в каком бы часовом поясе они ни пребывали, общаются в единой для всех интернет-системе времени. Текущие данные об интернет-времени обязательно высвечиваются на экране монитора. Таким образом, можем провести параллель между временными и пространственными параметрами, специфичными именно для интернет-общения.

Входя в виртуальное пространство интернета (к примеру, в тот или иной виртуальный локус чата, в ту или иную «комнату»), чатланин все же физически остается в своем онтологическом локусе (т.е. в некоторой географически определенной точке Земли). В результате чатланин функционирует одновременно в *нескольких пространственных сетках* координат: в физическом (онтологическом) пространстве, в виртуальном пространстве и в текстовом пространстве. Нечто похожее происходит и в *системе временных координат*. Оставаясь в своем поясном (реальном, онтологическом) времени, пользователь оказывается включенным также в иную систему времени (интернета), более или менее отличную от его реальной. Чем дальше на восток от нулевого меридиана, тем это отличие больше. Так, например, в примере ниже отмечаем забавное недоразумение и словесную пикировку между собеседниками, находящимися в разных часовых поясах. В отрывке чат-полилога, состоящем из 48 коммуникативных шагов, оставлены только реплики, касающиеся темы предстоящего футбольного матча, прочие реплики и ремарки в иллюстрации не приведены:

- (1) <Phate> BOKS are playing today
 (3) <bunnygirl> yeah
 (4) <bunnygirl> i'm staying up to watch the game:)
 (26) <Phate> u're staying up to watch the game?
 (27) <Phate>it's like at 14h30?
 (29) <Phate>or something?
 (31) <Phate>Don't strain yourself now bunnygirl >;P
 (33) <pearly>Phate she is not in sa (= South Africa)
 (34) <Phate> oh
 (35) <pearly> it's gonna be like 2am her time
 (36) <Phate> that makes sense
 (37) <bunnygirl> 2am my time Phate... 4 pm your time
 (38) <adonis>Phate bunnygirl is in NZ dude hehe (= New Zealand)
 (39) <Phate>no wonder
 (40) <Phate>so much falls into place now
 (41) <Phate>understood
 (42) <adonis>hehehe
 (46) <bunnygirl> i don't strain Phate... i eat properly
 (47) <pearly> bwahahah at bunnygirl
 (48) <housedina>rofl bunnygirl (= rolling on the floor laughing) (21).

Речь идет о предстоящем футбольном матче. Чатланка bunnygirl с энтузиазмом заявляет о своем намерении не ложиться спать, чтобы дожидаться матча (реплики № 3, 4). Участник/ца(?) разговора Phate иронизирует, что «не ложиться спать в середине дня» – невелика заслуга и советует bunnygirl излишне не напрягаться (26, 27, 29, 31). Тему подхватывают другие собеседники, объясняя, что bunnygirl живет не в Южной Африке, где будет проходить матч, а в Новой Зеландии, и во время матча у нее будет ночь (33, 35, 38). Bunnygirl уточняет, что разница во времени 14 часов (37), а затем делает словесный выпад в сторону Phate, «невинно» утверждая, что она правильно питается и это не вызывает у нее никаких проблем с желудком, следовательно «напрягаться» ей не приходится (46). Острота оценена по достоинству другими собеседниками (47, 48).

Как видим, реальное время чат-общения для разных участников беседы может отличаться даже по времени суток.

Вместе с тем необходимо отметить следующую темпоральную специфику компьютерной коммуникации on-line: каковы бы ни были различия поясного времени, в котором находятся чатлане, их общение происходит *синхронно*, т.е. все они порождают сообщения и воспринимают их в рамках времени *de dicto* (времени говорения). Ю.А. Обелец называет это время образно и точно: *desk-time* [13]. Переноса предложенный ею термин из области художественной прозы в область компьютерно-опосредованной коммуникации, переведем словосочетание *desk-time* (дословно «время за письменным столом») как «время за компьютером». Именно это временное измерение доминирует в темпоральной структуре чат-общения, что еще раз подтверждает тезис Э. Бенвениста о том, что в глагольной парадигме временных форм, «которая определяется по отношению к центру высказываний –

Его, настоящее время, совпадающее с моментом высказывания, является осевой формой среди глагольных времен» [4, 314].

Как пишет А.Г. Аврамова, «для посетителя чата мысль и ее письменное означивание синхронны, что является категориальной чертой электронного дискурса» [1, 125]. Чатланин охотно комментирует то, что с ним происходит в так называемом «гномическом настоящем, или в точке сейчас» [11, 63], т.е. в тот самый момент, когда он находится за компьютером. К примеру: *у меня мерзнут ноги; я хочу курить; не могу говорить, т.к. родители в комнате*. Он выплескивает в виртуальное пространство свои сиюминутные реакции, состояния: *умираю от смеха; катаюсь по полу от смеха; ухмыляюсь; целую; обнимаю* и т.п.

Некоторые исследователи полагают, что такое сиюминутное содержание чат-высказываний свидетельствует о заинтересованности говорящего исключительно состоянием своего «Я» и о пренебрежении к роли «Ты» в общении. См., например, точку зрения Л.П. Шевяковой о том, что в чатах «большинство реплик имеют целью выразить состояние автора, а не узнать состояние собеседника» [16, 27] и точку зрения И.И. Шабшина: «пользователи заходят в чат с целью «выплеснуть» бурлящие в данный момент эмоции, и в этой ситуации роль собеседника оказывается почти не важна» [15, 13].

Не можем полностью согласиться с такими утверждениями, т.к. вслед за Ван Дейком считаем, что речевые акты (в том числе и в интернет-общении) «являются составной частью *социального взаимодействия* (когда мы одни, мы обычно молчим)» (выделено нами – Н.Р.) [9, 22].

Кроме того, по нашим наблюдениям, все подобные реплики («выплески» сиюминутных эмоций, ощущений), как правило, вызывают столь же сиюминутную реакцию собеседников. Если же этого не происходит, чатланин может обеспокоиться и попытаться привлечь к себе дополнительное внимание:

⟨Starfire⟩ *am I still connected?*

⟨Max_Terrible⟩ *Yes, you are.*

⟨Starfire⟩ *pls say I am!*

⟨Max_Terrible⟩ *yes u here*

⟨Starfire⟩ *yay :) (20).*

Как показывает этот весьма типичный пример, чатланину важна немедленная обратная связь, подтверждение того, что его слышат, на него (его реплики) реагируют *здесь и сейчас*. Очевидно, что *desk-time*-измерение сетевого общения постоянно находится в фокусе внимания чат-коммуникантов.

Вкрапления нарративного временного плана в рассказах о событиях прошлого, безусловно, встречаются в чат-коммуникации. Однако они нечасты, невелики по объему и «распылены» по текстовому массиву. Так, например, маленькая смешная история о том, как ребенок проглотил монетку, реализуется в 7 репликах, на пространстве объемом 20 коммуникативных шагов. (В примере оставлены только реплики, развивающие тему проглоченной монетки):

(1) ⟨Trooper09⟩ *one of my kids swallowed a penny once*

(2)

- (3)
 (4)
 (5) *«Darlin» dang what did you do Trooper*
 (6)
 (7)
 (8)
 (9) *«Trooper09» had to keep digging for a week or so, to make sure it passed*
 (10) *«hokew» gross*
 (11)
 (12)
 (13) *«Trooper09» yep, but necessary*
 (14)
 (15)
 (16)
 (17) *«oops» penny saved is a penny earned*
 (18)
 (19)
 (20) *«Darlin» lol* (22).

«Осколки» нарратива сплетаются в ненавязчивой взаимно приятной болтовне, происходящей здесь и сейчас и вряд ли интересной кому-либо вне этой конкретной ситуации. Совершенно очевидно, что ценность подобного общения заключается не в его информационной насыщенности, но в атмосфере психологического комфорта, в которую окунаются чат-собеседники. Еще Б. Малиновский, вводя в научный узус термин *фатическое, контактоустанавливающее общение*, отмечал, что «язык не функционирует здесь как средство передачи мысли <...> ситуация такого общения заключается в атмосфере общительности и в факте личных контактов людей, болтающих без всякой цели» [Цит. по: 4, 319]. В результате такой необязательной атмосферы чат-общение имеет крайне пестрый, слабоупорядоченный тематический рисунок. Вслед за Е.А. Земской назовем его «тематической полифонией», или «политематичностью» [10, 235]. По наблюдениям Н.Т. Озеровой именно такова особенность разговорной речи, в частности, непринужденного семейного диалога, который «служит функции самовыражения. Каждый участник такого диалога удовлетворяет свою потребность в коммуникации, желая рассказать о своих делах» [14, 302]. Чат-общение максимально располагает к самовыражению, при этом «желание *рассказать* о своих *делах*», о котором упоминает Н.Г. Озерова и которое возможно доминирует в семейном (персональном, face-to-face) общении, здесь заменяется желанием в первую очередь, выплеснуть свои эмоции и получить встречную волну эмоций (преимущественно положительных).

Особую ценность такое общение приобретает также благодаря своей «всевременной» доступности. Ч. Харрис комментирует данное обстоятельство следующим образом: «чат – это постоянно действующая группа поддержки, доступная ежедневно, 24 часа в сутки; это глобальный интерактивный форум, который пересекает часовые пояса и географические границы, и поэтому в любое время в нем есть кто-то, кто желает общаться» [17, 87].

Е.Н. Галичкина підкриває, що «общение посредством компьютера не имеет четких временных ограничений, т.е. оно может происходить в любое время дня и ночи» [8, 57].

Итак, *хронографически* (по В.Г. Гаку) время чат-общения не ограничено и может проходить в любой день, в любое время суток. Следовательно, семантический примитив КОГДА в пределах чат-коммуникации получает свое информационное наполнение, с одной стороны, – ВСЕГДА, В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ, а с другой стороны, – СЕЙЧАС, В МОМЕНТ РЕЧИ.

*Хронометрически*¹ время определяется как длительность события, этому показателю соответствуют семантические примитивы (из перечня А. Вежбицкой) ДОЛГО, НЕДОЛГО, НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ. Для чат-коммуникации данный показатель следует разделить на: 1) длительность функционирования соответствующего чата в целом и 2) длительность речевой партии отдельного участника чата.

1) Первый показатель стремиться к бесконечности. У каждого чата, естественно, есть начало, момент его появления в интернет-пространстве. Дальнейшее же его функционирование внешне не лимитировано и зависит от популярности, востребованности тематики, которая в нем обычно обсуждается, от тональности общения, от технических возможностей и т.п. Теоретически рассуждая, чат может функционировать бесконечно. В действительности он функционирует до тех пор, пока есть пользователи, готовые общаться именно в этом чате. Если интерес к нему утрачен, и чатлане перестали «посещать» его, чат прекращает свое существование. Принцип «спрос рождает предложение» здесь работает с максимальной эффективностью. С момента появления того или иного чата в интернете он не прерывает свое существование ни на минуту: он открыт для доступа чатлан все 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, 365 дней в году. В этом аспекте правомерно утверждать, что обязательность начала и конца (по Н.Д. Арутюновой) элиминируется. Точнее, у чата есть *абсолютное* начало и *абсолютный* конец, однако между этими крайними точками чат-общение в рамках конкретного виртуального локуса («комнаты») безначально и бесконечно, имеет не дискретный, но волновой характер, что проявляется большим или меньшим числом участников, находящихся в соответствующий момент в «комнате». Но даже в случае (довольно редком) полного отсутствия чатлан в «комнате» доступ в нее остается открытым в любой момент.

2) Второй показатель хронометрического времени касается длительности чат-общения каждого отдельного чатланина. Здесь оппозиция «начало : : конец» проявляется ярко. Длительность пребывания чатланина в «комнате» может колебаться от нескольких десятков секунд до значительных отрезков времени, что зависит от вкусов, занятости, психологических осо-

¹ Подтверждая правомерность термина хронометрия, приведем следующее высказывание Б. Уорфа «объективированное время кладет перед нашим мысленным взором нечто похожее на ленту или свиток, расчерченный на равные промежутки, каждый из которых предположительно заполнен своим содержанием» [18, 79], т.е. время мыслится как субстанция, имеющая количественные параметры [там же].

бенностей пользователя. Наша выборка включает протоколы наблюдений над непрерывным чат-общением максимально в течение 40 минут эфирного времени. Протоколы фиксируют, что среди чатлан обычно находятся 1-2 собеседника, которые общались с посетителями чата в течение всех 40 минут. Длительность пребывания в «комнате» «молчащих» чатлан вообще трудно учитывается. Однако их присутствие в «комнате» (маркированное наличием ника в соответствующем окне) наделяет их коммуникативной ролью адресата. Существует даже точка зрения, что речевое взаимодействие следует трактовать как полилог, «независимо от наличия/отсутствия вербального вклада коммуниканта, идентифицированного как слушатель» [12, 109]. Иными словами, латентная составляющая коммуникативных партий чатлан также является компонентом чат-общения.

Общий вывод относительно хронометрических параметров чат-общения таков: в целом это безначальное и бесконечное синхронное общение, сформированное из многочисленных коммуникативных партий чатлан, каждая из которых может длиться ДОЛГО или НЕДОЛГО, но в любом случае имеет эксплицитно маркированные начало и конец.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврамова А.Г. Электронный дискурс в зеркале оппозиции «устный/письменный» // Вестник Московского государственного университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 3. – С. 119-126.
2. Арутюнова Н.Д. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. редактор Арутюнова Н.Д. – М.: Индрик, 2002. – С. 3-18.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. / Второе издание, исправленное. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
5. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
6. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. – М.: Индрик, 1997. – С.122-130.
7. Гак В.Г. Языковое преобразование. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
8. Галичкина Е.Н. Характеристики компьютерного дискурса // Вестник ОГУ. – 2004. – №10. – С. 55-59.
9. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
10. Земская Е.А. Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога // Разновидности городской речи. – М.: Наука, 1988. – С.234-240.
11. Ключев Е.В. Речевая коммуникация: Учебное пособие для университетов и институтов. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320с.
12. Козирева М.С. Діалогічна дискурсивна взаємодія за участю слухача // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – № 726. – Харків: Константа, 2006. – С.109-111.
13. Обелець Ю.А. Темпоральна структура можливих світів художнього тексту (на матеріалі англomовної прози): автореферат дис. ... канд. філол. наук: спеціальність – 10.02.04. – Одеса, 2006. – 21 с.
14. Озерова Н.Г. Жанры разговорной речи (на материале русского и украинского языков) // Мова. Людина. Світ. До 70-річчя М. Кочергана. Збірник наукових статей. – К.: КНЛУ, 2006. – С. 299-303.
15. Шабшин И.И. Психологические особенности и феномены коммуникации в Интернете. Электронный ресурс: http://www.zhurnal.lib.ru/s/shabshin_i_i/internet.html 2005.

16. Шевякова Л.П. Основные формы общения в Интернете и их особенности. Электронный ресурс: http://www.anthropology.ru/ru/texts/shevyakova/educval_0.5html 2007.
17. Harris Ch. An Internet Education (A Guide to Doing Research on the Internet). – Fullerton: CSU, 1996. – 166 p.
18. Whorf B. A Linguistic Consideration of Thinking in Primitive Communities // Language, Thought and Reality / Ed. by J.B. Carroll. – New York: Wiley, 1956. – 126 p.
19. Большая советская энциклопедия в 30-ти томах / Издание третье. – М.: Советская энциклопедия, 1973.
20. www.chat27.co.za/27naughtychat.php 2007
21. www.chat27.co.za/chat.php/blackforest_chat 2007
22. www.nativechat.com/native-american 2007

УДК 811.111+81'37+81'373

Светочева С.Н.

НАИМЕНОВАНИЕ И СЕМАНТИКА БОГА THOR ‘ТОР’ И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ (на материале «Старших Эдд» и английских текстов)

В статье рассмотрены семантические особенности германского бога Тора на материале скандинавских песен «Старших Эдд» и английских текстов. Анализ этого мифологического материала позволяет детально раскрыть образ, происхождение и функционирование бога Тора.

Ключевые слова: семантические признаки, германское божество Тор, диахрония, этимология, лексический анализ.

Светочева С.Н. Наймення та семантика бога THOR ‘ТОР’ і його походження.
У статті розглянуто семантичні особливості германського бога Тора на матеріалі «Старших Едд» і англійських текстів. Аналіз цього міфологічного матеріалу дозволяє детально розкрити образ, походження і функціонування бога Тора.

Ключові слова: семантичні ознаки, германське божество Тор, діахронія, етимологія, лексичний аналіз.

Svetochева S. N. The name and semantics of the God THOR and his origin. *The article studies semantic peculiarities of the German god Thor on the basis of “Poetic Edda” and English texts. The analysis of this mythological material allows to expose the image, origin and business of the god Thor.*

Key words: semantic peculiarities, German god Thor, diachrony, etymology, lexical analysis.

В течение длительного времени не ослабевает внимание к исследованиям в области диахронической германистики, в частности в области семантики. Проблема развития семантики и структуры слова еще недостаточно изучена и требует тщательного исследования. В настоящее время ею занимаются В.Д. Калиущенко (Калиущенко, 2003), Л.Н. Ягупова (Ягупова, 2007), В.В. Левицкий (Левицкий, 2008), В.Г. Таранец (Таранец, 2009), А.Д. Огуй (Огуй, 1998) и другие.

Начало изучению германской мифологии положил Я. Гримм. Как представитель романтической теории Я. Гримм полагал, что германские боги являются высшим проявлением религиозного творчества народа, а германские подземные духи, карлы, эльфы, великаны и прочие – дальнейшим уродливым развитием высшей идеи – божества. В работе В. Шварца (Schwartz, 1862) было обнаружено, что так называемая низшая мифология (охватывающая карлов, великанов и эльфов) генетически является более древним образованием, чем так называемая высшая мифология, включающая богов. Немецкий ученый В. Манхардт (Mannhardt, 1875-77) предпринял попытку связать мифологические представления германцев и других народов с производственной жизнью человека. В работах Ж. Дюмезиля (Dumezil, 1959) обосновывается

положение о структуре германской мифологии как отражении социальной структуры общеиндоевропейского периода.

Учёными совершенно игнорируется общеизвестный факт о бесклассовой структуре древнегерманского общества начала нашей эры, неоднократно подтверждённый не только античными свидетельствами, но и многочисленными историческими и археологическими исследованиями. Действительно, в современной науке назрела потребность переосмысления имеющихся результатов и выводов, которые зачастую превратились в мифы, кочующие из одного исследования в другое. И это учитывая тот факт, что древние германцы постоянно находятся в сфере интересов учёных. Причины долгого существования подобных суждений следует искать в чрезвычайной сложности получения достоверных сведений о происхождении древних германцев, их социальном и хозяйственном устройстве, религии и культуре. Их ранняя история нам мало известна. Тацит (Тацит, 1886) свидетельствует о почитании германцами Меркурия, Марса, Геркулеса и Исиды, подразумевая при этом, вероятно, Водана, Тиу, Донара и, возможно, Фрейю или Фрию. Один из аргументов для первых трёх отождествлений – совпадение посвящённых им дней недели. Меркурию, по словам Тацита, приносятся человеческие жертвы. Это вполне соответствует скандинавским представлениям о культе Одина. Обозначение Донара римским именем Геркулеса подходит для Тора, так как последний представлен в мифах богатырём, защищающим человеческий мир от чудовищ. Исходя из римских наименований германских и кельтских богов и некоторых других параллелей, Тиу, Водана и Донара можно сопоставить с кельтскими богами Нуаду, Лугом и Огма; Донар, по-видимому, тождествен кельтскому громовнику Таранису. По своей основной функции, отражённой в имени, Донар – типичный индоевропейский громовник, сопоставимый с индийским Индрой, Тивас, этимологически и генетически соответствует индоевропейскому Дьяусу. Очевидным является родство теонимов в различных языках, объясняющееся едиными истоками их происхождения, однако семантическая сторона германских названий богов не исчерпывает себя только сопоставительными признаками, а требует всестороннего изучения их семантики на материале древнейших письменных свидетельств. Считаем, что при таком подходе возможны раскрытие сути каждого теонима и реконструкция его природы зарождения.

Все вышеуказанное свидетельствует об **актуальности** данного исследования.

Целью исследования является изучение семантической значимости германского бога Тора и происхождения его имени.

Объектом данной статьи послужило изучение семантики бога Тора на материале «Старших Эдд» и английских текстов. **Предметом** исследования является изучение германских божеств и их функционирование в различных германских текстах.

Материалом наблюдения являются скандинавские песни «Старших Эдд», отражающие особенности прагерманского языка, и английские тексты.

В «Старших Эддах», наряду с главным божеством Одином, очень часто упоминается бог Тор. Мы его встречаем в различных ситуациях, благодаря которым раскрываются его функции.

Тор (Донар) является сыном главного германского бога Одина (Вуотана), но по своим функциям он отличается от Одина. Донар выступает как тождественный ему, иногда даже более древний бог, почитавшийся еще до Вуотана. Как Юпитер, Тор является прародителем многих народов, бог скал, гор, болот [14, 58]. Тор, подобно ведическому Индре, является богом грома, полным хаотической энергии и неизмеримой силы. И если царственные особы считали своим покровителем Одина, то простым людям приятнее было искать дружбы с Тором. Он связан с природой, грозой. Тор снабжал землю дождем, метал грозы. В нем обнаруживается что-то народное, крестьянское, невоспитанное [там же]. Он выполняет также и другие функции: Тор представлен, как защитник богов-асов, Асгардта и Мидгардта, бог закона и войны. Он выполняет, таким образом, и воинскую функцию в защите «своих» от «чужих», людей от великанов и чудовищ, как бы моделируя при этом вооружённый народ, в отличие от Одина – покровителя воинской дружины. Излюбленная тема так называемых щитовых драп (стихотворений, в которых описываются картины, воспроизведённые на дорогом щите, подаренном конунгом скальду) скальдов – описание так называемой «рыбной ловли» Тора, то есть его борьбы с мировым змеем «Рыбная ловля». Тор упоминается и в эддической поэзии и прозе.

Тор часто ездит на Восток, воюет там с великанами. По семантическому значению его можно определить как 'второй' после Одина. В то время, когда функции Одина – бога Неба изменились, он вместе с Тором стали олицетворять соответственно Солнце и Гром [11, 147].

Рассмотрим семантику бога Тора на материале отдельных текстов.

В некоторых песнях «Старших Эдд» употребляется лексема *dana-*, раскрывающая образ бога Тора. Она связана с семантикой 'вода', эта основа встречается в одной из эдд ("Hymiskviða"). В ней ведётся разговор между Тором и Гюмиром, где бог просит его помочь с наживкой для рыбалки. Тор ему отвечает:

1) *Hverf þú til hjarðar, ef þú hug trúir, brjótr berg Dana, beitur sækja* (Elder Edda, Hymiskviða). 'Иди к стаду, если ты имеешь сердце, Громытель гор – Дана и ищи приманку'.

В данной эдде Тор (*Dana*) выступает богом-громовержцем. Также этим именем называли бога на Востоке, там же жил и Гюмир (*Hymir*). Эта форма была употреблена в разговоре с богом Даном.

Значение 'бог-грозы' встретилось 22 раза, Тор выступает и под другими наименованиями, в частности, он является защитником – богом асов.

2) *Ek var austr ok jötna barðak brúðir bölvísar, er til bjargs gengu; mikil myndi ætt jötna, ef allir lifði vætr myndi manna und Miðgarði* (Elder Edda, Hárbarðsljóð). 'На востоке я был, там истреблял я злобных жен турсов, в горы бежавших; когда б то не сделал, разросся бы род их и в Мидгарде люди жить не смогли б.'

3) *Var ek á Vallandi ok vígum fylgðak, atta ek jöfrum, en aldri sættak; Óðinn á jarla, þá er í val falla, en Þórr á þrælakyn* (Elder Edda, Hárbarðsljóð). 'Я в Валланде был, в битвах участвовал, князей подстрекал, не склонял их к миру; у Одина – ярлы, павшие в битвах, у Тора – рабы'.

Один же был в Валланде, ожидая боя (*Var ek á Vallandi ok vígum fylgðak*). Тор в данных ситуациях выступает также защитником богов-асов Асгардта и Мидгардта.

4) *Þórr á afl ærit, en ekki hjarta; af hræzlu ok hugbleyði þér var í hanzka troðit ok þóttisk-a þú þá Þórr vera; hvárki þú þá þorðir fyr hræzlu þinni hnjósa né físa, svá at Fjalarr heyrði* (Elder Edda, Hárbarðsljóð). 'У Тора сил вдоволь, да смелости мало; со страху ты раз залез в рукавицу, забыв, кто ты есть; от страха чихать и греметь ты не смел, – не услышал бы Фьялар'.

Гарбард (Один) упрекает Тора в трусливости, подмечает, что он со страху залез в рукавицу и сидел там тихо, он не может называть себя Тором. В злости последний отвечает ему, что он убил бы Гарбарда, да пролив является помехой. Гарбард поинтересовался, почему он стремился за пролив и что он там делал

5) *Ek var austr ok ána varðak, þá er mik sóttu þeir Svárangs synir, grjóti þeir mik börðu, gagni urðu þó lítt fegnir, þó urðu þeir mik fyrri fríðar at biðja* (Elder Edda, Hárbarðsljóð). 'На востоке я был, поток охранял, со мною схватились Сваранга дети; камни кидали, да нечем кичиться им – первыми стали мира просить'.

6) *Þórr einn þar vá þrunginn móði, - hann sjaldan sitr - er hann slíkt of frekn. Á gengusk eiðar, orð ok særi, mál öll meginlig er á meðal fóru* (Elder Edda, Völuspa). 'Разгневанный Тор один начал битву – не усидит он, узнав о подобном! – крепкие были поправаны клятвы, тот договор, что досель соблюдался.'

В эдде "Völuspa" бог Тор употребляется в значении бога войны, закона и права. Согласно этой эдде, в последней битве перед концом мира (Рагнарёк) Тор сражается с Ермунгандом, убивает его и после этого, успев сделать девять шагов, сам умирает от его ядовитых укусов. Борьба громовника со змеем, драконом – классический сюжет в индоевропейской мифологии. Он добивается справедливости своими действиями. В бою он очень хорошо владеет каменным молотом (дсканд. *Mjólnir*, похожее на рус. Молния), который после удара возвращается снова к своему хозяину, и Тор может использовать его бесконечно, которым Тор побивает ётунов (великанов). Молот – специфическое оружие Тора, как копьё Одина, меч Тюра. Великаны стремятся похитить молот (или добиться того, чтобы Тор прибыл в их страну без молота и пояса силы). В основе – мотив

похищения громового инструмента демонами, известный также финскому и эстонскому фольклору.

7) *Reiðr var þá Vingþórr er hann vaknaði ok síns hamars of saknati, skegg nam at hrista, skör nam at dýja, réð Jarðar burr um at þreifask* (Elder Edda, Þrymskviða). ‘Винг-Тор от сна разъяренный встал; увидел, что Мьёлльнир молот пропал, бородою взмахнул, волосами затряс, сын Ёрд повсюду искать стал и шарить.’

Неотъемлемым атрибутом Тора является молот. В песне (“Þrymskviða”) говорится о том, что, проснувшись, Тор обнаружил пропажу молота. Он был очень разгневан, что молот у него украл Трюм. Асы и их жены собрались на совет, совещались, как им добыть молот, который был спрятан под землей. Наконец они нашли выход, решили преподнести Трюму Тора в брачном уборе вместо Фрейи – самой желанной богини. В итоге молот был возвращен Тору.

В этой же песне Тор выступает предводителем:

8) *Dró djarfliga dáðrakkr Þórr orm eitrfáan upp at borði; hamri kníði háfjall skarar ofljótt ofan ulfs hnitbróður* (Elder Edda, Hymiskviða). ‘Тор-победитель к борту ладьи вытащил смело пестрого змея, молотом бить стал он по мерзкой вершине волос родича Волка.’

В песне “Hárbarðsljóð” мы наблюдаем беседу перевозчика, на самом деле Одина с Тором. Из этой беседы очевидно противоречие этих двух богов. Один насмехается над Тором, представляющего скотоводов и земледельцев, к которым верхние чины относились неуважительно и с пренебрежением, в то время как Один представляет воинов. Исследования свидетельствуют о том, что в древности среди германцев были пастухи и земледельцы. Но со временем все больше и больше стали преобладать скотоводы, из которых сформировались воины [11, 150].

9) *berbeinn þú stendr ok hefr brautinga gervi, þatki, at þú hafir brœkr þínar* (Elder Edda, Hárbarðsljóð). ‘Едва ли тремя ты дворами владеешь, если ты бос и одет как бродяга: даже нет и штанов!’

Впрочем, как отмечал Я. Гримм, в образе Тора есть «нечто народное, крестьянское» [14, 61].

Таблица 1

Семантические варианты лексемы *Þórr* и их частота в текстах «Старшей Эдды»

№ п/п	Семантические варианты	Абсолютная частота	Относительная частота (в %)
1.	бог-громовержец	22	26,1
2.	защитник богов-асов	20	23,8
3.	бог войны и закона	18	21,5
4.	бог предводитель	15	17,9
5.	бог плодородия	9	10,7
	Всего:	84	100,0

Как показал наш анализ, в текстах «Старших Эдд» бог Тор выступает под разными именами. В нашем исследовании проанализировано 16 текстов «Старших Эдд» (всего 20764 словоформ), название бога *Pórr* встретилось в 84 случаях. Но бог Тор употребляется и под другими именами, среди них: *Asabrag, Asathor, Atli, Björn, Donar, Eindridi, Ennilang, Hardveur, Hlorridi, Jupiter, Óku-Thor, Rym, Sonnung, Thunor, Veud, Veur, Vingnir, Vingthor, Zeus*.

Что касается английских текстов, бог Тор в них встречается крайне редко. Рассмотрим одно из английских известных стихотворений «Вызов Тора» (The Challenge of Thor) в 165 словоформ Генри Уодсворт Лонгфелло, написанное в 1863 г., где упоминается имя бога Тора.

1) *I am the God Thor, I am the War God, I am the Thunderer! Here in my Northland, My fastness and fortress, Reign I forever!* 'Я бог Тор, Я бог войны, Я Громовержец! Здесь в Северных Землях – Моя ловкость и крепость – Восцарствую вечно!'

В данном случае бог Тор имеет форму *Thor* и называет себя богом войны (*War God*), богом громовержцем (*Thunderer*), правителем (*Reign I forever*).

2) *Here amid icebergs Rule I the nations; This is my hammer, Miçlner the mighty; Giants and sorcerers Cannot withstand it!...Force rules the world still, Has ruled it, shall rule it; Meekness is weakness, Strength is triumphant, Over the whole earth Still is it Thor's-Day!* 'Здесь среди айсбергов; Правлю нацией; Это мой молот, Мьёлльнир могучий; Великаны и колдуны, не в силах противостоять ему!... Сила правит миром все ещё, правила и будет править им; Смиренность – слабость, Сила торжествует; Над всей землёй правит День Тора!'

Таблица 2

Семантические варианты лексемы Thor и их частота в английских текстах

№ п/п	Семантические варианты	Абсолютная частота	Относительная частота (в %)
1.	бог правитель	2	50,0
2.	бог войны, закона, права	1	25,0
3.	бог-громовержец	1	25,0
	Всего:	4	100,0

В этой ситуации Тор называет своим днем *четверг (Thor's-Day)*. Четверг – день Грома и Молний. Сила действительно сегодня правит, и сила, чтобы выдержать и использовать мощь, чтобы достигнуть правды – сущность четверга. Защитный талисман, такой как Молот Тора, который сегодня носят множество язычников, защита против физических опасностей, он хранит простых людей и благословенный этим Молотом, наделён Геркулесовой силой, способной vorочать горы; это во власти Тора.

Итак, бог Тор функционирует в значении ‘бога-громовержца’, ‘бога войны, закона и права’ и ‘бога правителя’.

Этимология теонима Тор, на наш взгляд, достаточно ясна. Поскольку это общегерманский бог, его имя присутствует во всех германских языках. По форме имя имеет вид: дсканд. *Porr*, более древнее (поэт.) *Punarr*, дангл. *Bunor*, дсакс. *Thunar*, двн. *Donar* [20, 618]. Его имя встречается в названии ‘четверга’: нем. *Donnerstag*, шв., дат. *Torsdag*, дсканд. *Pórsdagr*.

Авторы словаря Дуден считают, что имя бога Тора происходит от имени нем. *Donner* ‘гром’, этот же корень в лат. *tonâre* ‘гремять’, динд. *tányati* ‘гремит, шумит, грохочет’. Во всех индоевропейских языках зафиксировано звукоподражание с корнем **[s] ten-* [19, 133].

Связь с дождем встречаем и в древних формах имени Тора. Мифологические словари приводят прагерманскую форму *Thunaraz*, которая, вероятно, является родственной с Один и вышла из *Wōdanaz*. Семантическое родство объясняется тем, что согласно германской мифологии Тор был сыном Одина. Ономастика давности свидетельствует именно о таком формальном родстве, соответствующей единой линии происхождения. Возвращаясь к имени *Wōdanaz*, необходимо отметить в нем составляющие *Wō-da-naz*, где конечное – *az* представляет собой германский суффикс деятеля, а первые составляющие являются разнокоренными, у них значения: ‘Вселенная’ и ‘Вода’, в целом ‘Всемирная вода’. Двухосновность, имеющаяся в германских формах: дсканд. *vatn* ‘вода’, исл., норв. *vatn*, шв. *vatten*, дат. *vand*, гот. *Watô*, герм. **watar/watan-* ‘вода’ [20, 648], которые вышли из ие. **ued/uod-*. Этот корень зафиксирован в германских языках с основой на *-n* и на *-r* (гетероклитическое склонение), инфикс *-n* – более позднего происхождения. Герм. корни восходят к варианту **uod-* [18].

Из предыдущего можно сделать вывод, что в германо-скандинавской и английской мифологии Тор выполняет функции бога-громовержца, защитника богов-асов, бога войны, закона и права, бога предводителя и бога плодородия. Он бог скал, гор, болот. Анализ семантики слова Тор свидетельствует, что первоначально форма была связана с грозой, вернее с дождем, с водой. Именно такую древнюю мотивацию находим в народном фольклоре германцев, которые обращались к Тору, чтобы он послал на поля дождь. В своих действиях, как изображают многочисленные эдды, Тор выступает типичным представителем крестьянства как внешне, так и в своих действиях и ментальности.

В перспективе неоспоримый интерес представляет изучение функциональных особенностей и семантического значения других наименований божества Тор, рассмотренных в древних текстах, включая «Старшие Эдды» и другие английские тексты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2 т./Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – Т.1. – 428 с., Т. – 2. – 440-1348 с.

2. Калиущенко В. Д. Словообразовательные универсалии // Проблемы теории и истории славянского словообразования : зб. наук. праць. / Калиущенко В. Д. – Минск: МГЛУ, 2003. – 24-25 с.
3. Левицкий В. В. Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского праязыка. Опыт количественного анализа этимологического словаря: Монография. / Виктор Васильевич Левицкий. – Черновцы: Рута, 2008. – 232 с.
4. Огуй О. Д. Полісемія в синхронії, діахронії та панхронії: Системно-квантативні аспекти полісемії в німецькій мові та мовах Європи. / Огуй О.Д. – Чернівці: Золоты литаври, 1998. – 370 с.
5. Стеблин-Каменский М. И. Старшая Эдда // Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. / М. И. Стеблин-Каменский – М.-Л., 1963. – 255 с.
6. Стрижак О. С. Назви Дніпра і так звана «Богиня Дана» // Мовознавство. – 1971. – №5. – С. 65-74.
7. Сучасні проблеми та перспективи дослідження романських та германських мов та літератур: матеріали VIII Міжвузівської конференції молодих учених. (Донецьк, 27-28 січня 2010 р.) / Ред. колегія В.Д. Калиущенко (відп. ред.), М.Г. Сенів, В.Є. Приседська, А.О. Іванов. – Донецьк, ДонНУ, 2010. – 258 с.
8. Таранець В. Г. Арії. Слов'яни. Руси. Походження давньоєвропейських мов. Монографія / Валентин Григорович Таранець. – Одеса: ОРІДУ НАДУ, 2004. – 296 с.
9. Таранець В. Г. Діахронія мови : Збірка статей / Валентин Григорович Таранець; за заг. ред. проф. Л. М. Голубенко. – Одеса : Друкарський дім, 2008. – 232 с.
10. Таранець В. Г. Походження поняття числа і його мовної реалізації (до витоків індоевропейської прамови). Вид. 2, перероб. і доп.: Монографія. / Валентин Григорович Таранець. – Одеса: АстроПринт, 1999. – 116 с.
11. Таранець В. Г. Трипільський субстрат: Походження давньоєвропейських мов: Монографія / Валентин Григорович Таранець. – Одеса: ОРІДУ НАДУ, 2009. – 276 с.
12. Тацит К. Сочинения. Том 1. / Корнелий Тацит. Агрикола. Германия. История. – С. – Птб., 1886.
13. Ягупова Л. М. Мовно-географічна варіативність системи середньовісньонімецьких префіксальних іменників. Монографія (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження. – Т. 4) / Лариса Миколаївна Ягупова. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – 605 с.
14. Grimm J. Deutsche Mythologie / J. Grimm - Berlin: Verlag M. Schroder, 1934. – 61p.
15. Dumezil G. Les dieux des Germains. / G. Dumezil. – P., 1959.
16. Mannhardt W. Wald und Feldkulte / W. Mannhardt. Bd 1-2. – B., 1875-77.
17. Schwartz F. L. W. Der heutige Volksglaube und das alte Heidentum. / F.L.W. Schwartz. – B., 1862.
18. Левицкий В. В. Этимологический словарь германских языков: в 2 т. / В. В. Левицкий. – Винница: Нова Книга, 2010. – Т. 1. – 616 с.
19. Der Duden: in 12 Bd-n : das Standardwerk zur deutschen Sprache / [hrsg. von der Dudenredaktion]. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. – Bd. 7 : Herkunftswörterbuch: Etymologie der deutschen Sprache. – [2., völlig neu bearb. u. erw. Aufl.]. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag. – 839 S.
20. Vries J. de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch / Jan de Vries. – 2. Aufl.– Brill; Leiden; Boston; Köln, 2000. – 689 S.
21. Старшая Эдда. – Режим доступа: <http://norse.ulver.com/edda/>.

УДК 811.111:82-83 (043.3)

Федотова М.А.

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ, ОБУСЛОВЛЕННЫХ ВОЙНОЙ

В работе рассматриваются лингво-культурологические проблемы, встающие перед человеком как языковой личностью в процессе межкультурной коммуникации во время военных действий. Данное исследование подтвердило исходную гипотезу о влиянии чужой культуры на языковую картину мира индивидуума и коммуникативные сложности, связанные с различием взглядов, обычаев и традиций разных народов.

Ключевые слова: культура, межкультурная коммуникация, коммуникативный код, языковая личность, безэквивалентная лексика.

Федотова М.А. Особливості лінгво-культурологічних контактів, зумовлених війною. У роботі розглядаються лінгво-культурологічні проблеми, що постають перед людиною як мовною особистістю в процесі міжкультурної комунікації під час війни. Виконане дослідження підтвердило вихідну гіпотезу щодо впливу чужої культури на мовну картину світу індивідууму та комунікативних складнощів, що пов'язані з різністю поглядів, звичаїв та традицій різних народів.

Ключові слова: культура, міжкультурна комунікація, комунікативний код, мовна особистість, безеквівалентна лексика.

Fedotova M.A. Peculiarities of linguo-cultural contacts during hostilities. The paper is focused on the linguo-cultural problems that a person as a linguistic personality faces in the process of cross-cultural communication at war. The research makes it possible to speak about the influence of alien culture on the mental picture of the world of an individual and the complications in the process of communication caused by differences between customs and traditions of different ethnicities.

Key words: culture, cross-cultural communication, communicative code, lingual personality, non-equivalent lexis.

Процессы глобализации, все более охватывающие мир, вызывают в нем неоднозначную реакцию в связи с неопределенностью, сомнительностью, непредсказуемостью или даже неприемлемостью их результатов. С одной стороны, разные континенты теряют свою обособленность и связываются финансовыми, технологическими, политическими связями, что способствует мировому прогрессу. С другой стороны, легкость пересечения границ приводит к небывалому распространению опасных заболеваний, монополизации международного капитала, расширению сферы действия террористических и военных сил.

Войны сопутствовали развитию человечества на протяжении всей его истории. Ни одна эпоха не обходилась без них, мелких междоусобных или за мировое господство. Естественно, чем масштабнее военные действия, чем большие силы и территории в них вовлечены, тем большее количество разных рас, этносов, культур и языков подвергаются непосредственному

или опосредованному влиянию войны. В художественной литературе всех стран теме войны посвящены сотни произведений.

Как правило, они положительно представляют одну сторону военного конфликта – "наших", т.е. тех, чью сторону и точку зрения выражает автор. "Не наши" – чужие, враги, оккупанты, захватчики находятся на противоположном конце шкалы ценностей, и главная задача автора состоит в том, чтобы возвеличить "своих" и резко снизить образ "чужих"¹.

Материалом предлагаемой статьи послужили англоязычные художественные произведения, посвященные теме Второй Мировой войны, место действия которых – Греция. Это романы Луиса де Берньера "Мандолина капитана Корелли" [18] и Джеймса Олдриджа "Дело чести" [16] и "Морской орел" [17].

Их героями являются иностранцы, попавшие в Грецию в рядах армий своих стран. Причем, если в "Деле чести" и "Морском орле" герои англичане и австралийцы находятся в составе союзнических войск, освобождающих Грецию, то в "Мандолине капитана Корелли" главный герой – представитель оккупационной итальянской армии. Однако, несмотря на эту политически принципиальную разницу, все названные герои имеют общую проблему, связанную с незнанием греческого языка, традиций и обычаев местного населения, т.к. "общение как знаковое взаимодействие коммуникантов <...> возможно лишь в том случае, если у коммуникантов существует общность знаний о реальном мире (энциклопедические знания) и о средствах общения (языковые знания) [8, 4].

Солдат иностранной армии, оказавшись в чужой стране, неизбежно попадает под влияние ее культуры. В связи с тем, что культура представляет собой как определенную форму общественного бытия людей, так и форму присвоения личностью коллективного опыта [1, 289], индивидуум, познавая ранее неизвестные ему факты, дополняет свои представления о мире, т.е. его картина мира обогащается новыми знаниями.

Как известно, языковое сознание реципиента может быть описано через его тезаурус и представлено в виде фильтра, через который пропускается всякая поступающая к нему информация [3, 201]. Последняя оседает там в виде концептов, "основных ячеек культуры в ментальном мире человека" [7, 51], после чего индивидуум может свободно оперировать ими.

Однако в случае, когда новый концепт еще недостаточно хорошо закреплен в ментальном мире языковой личности, использование его вербального выражения может быть затруднено. Например, персонаж забывает необходимое слово:

Burke was trying to remember the Greek word for water, but was still too tired, and the woman's knee was weighing in the small of his back (17, 23).

Еще пример:

He tried all the Greek he knew on the waiter but it didn't get them anywhere, so they went out (16, 98).

¹ В этом смысле интересно сравнить художественную прозу России и Франции, посвященную Наполеоновским войнам, или литературу Испании и Великобритании о судьбе Великой Армады.

Лакуны в тезаурусе приводят к использованию невербальных средств общения. Например, вернувшись домой, гречанка Пелагия, главная героиня романа "Мандолина капитана Корелли", встречает там итальянского офицера, пытающегося расквартировать офицеров штаба в домах местных жителей:

*The plump officer **smiled expansively, raised his arms in a gesture that signified, 'I would explain if I could, but I don't speak Greek,' and said, 'Ah,' in a manner that signified, 'How delightful to see you, since you are so pretty, and I am embarrassed to be in your kitchen, but what else can I do?'*** (18, 199).

Коммуникация с носителями чужой культуры – это самый быстрый способ "внесения той или иной коррекции в образ мира собеседника" [6, 272]. Безусловно, для успешной коммуникации необходимым фактором является владение коммуникативным кодом, т.е. языком обеими сторонами. Эффективность и глубина усвоения чужого языка иностранцем подчиняются действию ряда факторов, как объективных (таких, например, как длительность пребывания в стране, принадлежность языков к одной или разным языковым семьям), так и субъективных (цель пребывания, психофизические характеристики личности и пр.) Иными словами несовпадение "реального мира, членимого и интерпретируемого посредством человеческого восприятия в виде картин языка, творимого или сформированного человеком с точки зрения его физического и духовного (идеального) взаимодействия с окружающей средой" [4, 14] обуславливает возможность и наличие коммуникативных неудач при общении иностранцев. Их возникновение связано с тем, что "всякий акт продуцирования речи или ее понимания, всякий акт семантизации не замыкается в пределах актуализованных смыслов произнесенных или написанных слов, но требует обращения к так называемым знаниям о мире" [5, 165].

Следовательно, языковая личность, не являющаяся носителем языка, на котором осуществляется коммуникация, и не обладающая достаточными знаниями о представляемом им мире, не может быть полноценным участником коммуникации, получая и передавая информацию либо в усеченном, либо в искаженном виде: "Кросслингвальные различия в дискурсе могут повлиять не только на понимание речи, но и на ее продуцирование" [14, 49].

*They stood around him. He thought carefully, and worked out the order of the thing more than before, and told them of it. **In English** it was not so apparent as a scheme as it was **in Greek**. Even he himself understood that* (17, 178).

В одной из своих работ Э. Сепир утверждал: "Окружающий мир в значительной части бессознательно строится на языковых устоях этнической группы. Не существует двух достаточно одинаковых языков, чтобы обозначить одну и ту же социальную реальность" [15, 32]. Иными словами, знания собственно вербального кода (т.е. языка) и правил его использования оказывается недостаточно для успешного общения с носителем языка, необходимо еще овладеть внекодовыми знаниями, т.е., тем, что принадлежит невербальным кодам культуры того лингвистического сообщества, для которого используется язык является родным [2, 7].

В чужом пространстве нельзя "по умолчанию" (М. Минский) восстановить весь фрейм по одной детали (слоту), ибо для восстановления нужна ис-

ходная сущность, которой не в своей концептосфере нет. Сказанное справедливо для всех аспектов человеческого существования, включая психические и эмоциональные: "Существуют значительные индивидуальные и культурные различия в переживании эмоций, <...> различия в существенных глубинных когнитивных основах эмоциональных реакций" [9, 314-318].

Англоязычные персонажи Олдриджа окружены дружественно настроенными греками, капитан Корелли – их враг, но в обоих случаях возникает общая проблема неадекватности коммуникативного процесса. Иными словами, в любых обстоятельствах у человека существует необходимость общения и познания окружающего его мира, пусть даже чужого и враждебного. Поэтому межкультурное общение представляет собой в высшей степени оппозитивный диалог сознаний. В процессе межкультурного диалога происходят коллизии двух национальных сознаний: в конфликт вступают "свои" и "чужие" когнитивные, эмотивные и аксиологические установки [10]. В процессе общения и познания происходит взаимопроникновение культур¹.

Как упоминалось выше, основным компонентом процесса успешной коммуникации является понимание сказанного, которое не повторяет, не дублирует высказывание говорящего, но создает свое представление, свое содержание. "И говорящий, и понимающий при этом не остаются каждый в своем собственном мире; напротив, они сходятся в новом, третьем мире – мире общения, вступают в активные диалогические отношения. При этом понимание никогда не представляет собой завершенного статического состояния ума. Оно всегда имеет характер процесса проникновения – неполного и частичного" [11, 377]. Именно от степени и качества проникновения зависит, насколько успешной будет коммуникация. Необходимым фактором в данном случае является владение всеми участниками общим коммуникативным кодом, выступающим "в виде системы общих когнитивных процессов, которые служат индивидууму для внесения в коммуникацию ясности для окружающих и самого себя" [13, 204].

Различие культур и мировоззрений выражено автором "Мандолины" в главе "Соппротивление". Пользуясь тем, что итальянцы, использующие латиницу при передаче письменной речи, даже зрительно не воспринимают греческий, при передаче которого используется собственный греческий алфавит (названный автором почему-то кириллицей), жители острова делают на стенах всевозможные надписи, выражающие их возмущение присутствием оккупационных войск на своей территории:

All over the island there was a burgeoning of graffiti that took merry or malicious advantage of the fact that the Italians could not decipher the Cyrillic script <...> Ergo, conditions were ideal for the nocturnal splashing of white paint in huge letters on all available walls, especially as the quirks of an individual's handwriting could render the letters even more completely inscrutable (18, 197).

¹ При этом безусловным остается тот факт, что во время противостояния каждый народ старается сохранить свою культуру, обычаи и традиции незабываемыми, в то время как при поражении одной из сторон, другая сторона пытается насадить свою культуру и обычаи побежденной стороне.

Иностранцами, находящимися в чужой стране, относительно легко усваивается безэквивалентная лексика. Напр., лексемы, называющие предметы национальной одежды, блюда национальной кухни, национальные танцы, музыкальные инструменты и т.п., не требуют особой ментальной операции по сопоставлению обозначаемого концепта с тем, что уже имеется в индивидуальной концептосфере иностранца, по той простой причине, что указанные лексемы представлены в его языке лакунами, и необходимость концептуальной "подгонки" отпадает сама собой.

Как это парадоксально ни звучит, но наибольшие концептуальные соответствия показывает "безэквивалентная" лексика, которая входит в чужой язык в качестве транслитерированных/переведенных варваризмов. Например, в романе Дж. Олдриджа "Морской орел" партизаны-греки волнуются по поводу приближающегося шторма, употребляя слово *mel-tem*, непонятное их англоязычным товарищам по оружию:

"Perhaps it is the mel-tem," he said.

"I don't care what it is," Stone told him. "If this can take it"<...>

"The mel-tem is the summer gale. Look." And he pointed again (17, 63).

<...>"That must have been a typhoon," Burke said of the storm.

"It was the mel-tem," Nisus said (Ibid, 75).

Получив объяснение, и Стоун, и Берк включают *mel-tem* в свой словарь в единстве его лингво-концептуальных признаков. Иными словами, можно утверждать, что чем больше в слове (словосочетании) выражена его национальная (этническая) специфика, тем более полно иностранец воспринимает чужой концепт, т.к. его восприятию не мешает "внутренняя интерференция", т.е. частичные семантические соответствия лексических эквивалентов. Следовательно, именно безэквивалентный сегмент чужого словаря, обязательно требующий специального разъяснения для не владеющего им участника межкультурной коммуникации, не надеющегося в этом случае на возможность "частичного понимания", не грозит коммуникантам опасностью коммуникативной неудачи.

Иное дело – та огромная часть словаря, которая называется эквивалентной лексикой. Коммуникативные осложнения, вызванные языковыми расхождениями, особенно наглядны при сопоставлении лексем, предположительно (или исходно) называющих один референт, но пришедших, в процессе исторического развития, к собственным семантическим структурам к различающимся в двух языках семным составам. Здесь приходится усваивать не только новый элемент языка, но и вписывать его в новую когнитивную сферу. Напр. греческое *kapheneion* многократно встречается в проанализированных текстах (Fa= 35), по форме напоминает интернационализм *cafe*, однако, его семантико-культурологическое наполнение не имеет одно / однозначного соответствия с указанным и общепринятым эквивалентом, ибо *kapheneion* для греков – это своего рода клуб, где собираются только мужчины, которые читают газеты, обсуждают новости, активно курят, и только между прочим пьют кофе. Поэтому поступок Пелагии, которая вошла в кафе в поисках отца – это нарушение общественных устоев, что непонятно иностранцу, привыкшему к иному отношению к посетителям кафе и назначению последнего:

Pelagia appeared at the door of the kapheneion, beckoning urgently to her father, and embarrassed by the knowledge that the presence of a female anywhere near to such a place was a worse sacrilege than spitting on the tomb of a saint (18, 64).

Таким образом, мы видим, что наличие эквивалентной лексики в двух языках отнюдь не означает облегченной межъязыковой коммуникации, ибо *одна* лексема означает два *разных* концепта в двух культурах. Действительно, "языки категоризуют естественный и артефактный мир очень последовательно. Они представляют собой развернутые системы классификации (таксономии), которые сообщают, в каком направлении изучать частные виды/обычаи культурной жизни" [12, 26].

Подытоживая сказанное, отметим, что иностранцы, оказавшиеся на чужой территории в результате военных действий, помимо физических, психологических, политических, экономических проблем, которые рассматривают историки, социологи и авторы военных хроник и романов, неизбежно сталкиваются и с проблемами лингво-культурологическими, которые серьезно усугубляют затрудненность или делают невозможной коммуникацию двух сторон и которыми еще предстоит заняться лингвистам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в XXI век./ В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации./ Д.Б. Гудков. – М.: ИТДГК "Гнозис", 2003. – 288 с.
3. Дридзе Т.М. Семиотический уровень как существенная характеристика реципиента / Т.М. Дридзе // Смысловое восприятие речевого общения. – М.: Наука, 1976. – С. 198-211.
4. Зеленько А.С. До питання про становлення лінгвістичного детермінізму (від структурної до когнітивної семантики)/ А.С. Зеленько. – Луганськ: Альма Матер, 1999. – 203 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность./ Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 263 с.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. / А.А. Леонтьев. – М.: Лань, 2003. – 287с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений./ В.А. Маслова. – М.: Издательский центр "Академия", 2001. – 208 с.
8. Общение. Текст. Высказывание. / под ред. Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. – М., 1977. – 287с.
9. Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз// Язык и интеллект / Сост. В.В. Петров. – М.: Прогресс, 1996. – С. 314-384.
10. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология./ Ю.А. Сорокин. – Самара: Русский лицей, 1994. – 191с.
11. Уайтхед А. Избранные работы по философии./ А. Уайтхед. – М.: Прогресс 1990. – 603 с.
12. Duranti A. Linguistic Anthropology./ A. Duranti. – Cambridge: Cambr. UP, 1997. – 398 p.
13. Knoblauch C. Sprache und Sprechfähigkeit: Sprachpsychologische Konzepte./ C. Knoblauch. – Tübingen, 1994. – 253 s.
14. Odlin T. Language Transfer./ T. Odlin. – Cambridge: Cambr. UP, 1989. – 161 p.
15. Sapir E. The Status of Linguistics as a Science. /E. Sapir// Collected works in two volumes. – Dordrecht, 1969. – Vol. I. – P. 27-61.

ИЛЛЮСТРАТИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

16. Aldridge, James. Signed with their Honour./ James Aldridge. – Boston: Little, Brown and Company, 1942. – 392 p.
17. Aldridge, James. The Sea Eagle./ James Aldridge. – K.: Dnipro Publishers, 1973. – 280p.
18. Bemieres, Louis de. Captain Corelli's Mandolin./ Louis de Bemieres. – L.: Vintage, 1999. – 534 p.

УДК 811.111'373

Цобенко О.В.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНЕ ПОЛЕ "ЮВЕЛІРНІ ПРИКРАСИ" В АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ

Стаття присвячена дослідженню лексико-семантичного поля "ювелірні прикраси" на матеріалі англomовних тлумачних словників. У роботі визначено поняття лексико-семантичного поля та проаналізована семантична структура англomовних номінацій ювелірних прикрас.

Ключові слова: лексико-семантичне поле, семантична структура, номінація.

Цобенко О.В. Лексико-семантическое поле "ювелирные украшения" в английском языке. *Статья посвящена исследованию лексико-семантического поля "ювелирные украшения" на материале англоязычных толковых словарей. В работе определено понятие лексико-семантического поля и проанализирована семантическая структура англоязычных номинаций ювелирных украшений.*

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, семантическая структура, номинация.

Tsobenko O.V. Lexical semantic field "jewellery" in the English language. *The article is dedicated to the investigation of the lexical semantic field "jewellery" on the basis of English explanatory dictionaries. The notion of lexical semantic field is determined and semantic structure of English jewellery nominations is being analyzed in the article.*

Key words: lexical semantic field, semantic structure, nomination.

Одним із пріоритетних завдань сучасної семасіології є вивчення лексичного складу мови за лексико-семантичними полями та визначення семантичної структури лексеми і лексико-семантичного варіанта [2, 72].

Незважаючи на численні роботи, присвячені розглядові даного питання на матеріалі різноманітних груп лексики, недостатньо дослідженою залишається так звана конкретна лексика, до якої належать і номінації ювелірних прикрас.

Метою даного дослідження є аналіз семантичних особливостей словникових дефініцій конститuentів лексико-семантичного поля (далі – ЛСП) "ювелірні прикраси" в англійській мові.

Під ЛСП розуміємо парадигмальне об'єднання лексичних одиниць певної частини мови за спільністю інтегрального компонента значення або ж архісеми [2, 281]. Отже, одним із критеріїв виділення того чи іншого поля є наявність спільної семантичної ознаки, яка об'єднує всі одиниці поля та як правило виражається лексемою з узагальнюючим значенням [4, 380], у ролі якої у нашому випадку виступає лексема *jewellery*.

Матеріалом семасіологічного дослідження англomовних номінацій ювелірних прикрас слугували наступні тлумачні словники англійської мови: *The American Heritage Dictionary of the English Language*, *New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language* та *Webster's New World College Dictionary*. Для складання якомога повнішої картотеки у дослідженні використано

стовувалися також енциклопедичні словники ювелірної справи, а саме: *An Illustrated Dictionary of Jewelry and Glossary of Jewelry-Related Terms*.

За матеріалом зазначених тлумачних словників англійської мови загалом було зафіксовано 65 номінативних одиниць, які позначають ювелірні прикраси (до складу вибірки включалися лише ті семми, які містять сему на позначення прикрас). Це складає лише 22 %, тобто менше четвертої частини, від наявних 300 одиниць у енциклопедичних джерелах. Таке співвідношення свідчить про те, що енциклопедії реєструють набагато більше номінацій за рахунок того, що у них існує чітка і детальна диференціація поняттєвого поля, що відбивається у розмаїтті значень лексичних одиниць, які називають ювелірні прикраси, в той час, як на рівні повсякденного спілкування всі ці значення підлягають істотному узагальненню. В умовах непрофесійного спілкування мовці віддають перевагу номінативним одиницям, які відповідають базовим назвам класів об'єктів, тобто лексичним одиницям з нейтральним рівнем конкретності й семантичної маркованості.

За допомогою методу компонентного аналізу було проаналізовано структуру значення досліджуваних номінативних одиниць на основі їх словникових дефініцій.

Насамперед, розглянемо словникове визначення назви досліджуваного лексико-семантичного поля *jewellery* у тлумачному та енциклопедичному словниках:

"jewelry – personal ornaments made of precious or base metals and precious or imitation stones" (9);

"jewellery – a form of personal adornment (its main purpose is to look appealing) (5).

Як бачимо, визначення даних лексикографічних джерел є подібними, оскільки у них зазначаються головні ознаки ювелірних прикрас, а саме: це те, що носить на тілі людини для того, щоб зробити її зовнішність більш привабливою (як *ornament* так і *adornment* мають у своїх визначеннях сему *to add beauty*).

Всі зафіксовані елементарні компоненти лексичного значення відносяться до *денотативних сем*, тобто тих, які на противагу конотаційним позбавлені суб'єктивних відтінків (оцінки, функціонально-стилістичної забарвленості тощо) [1, 89], тобто відображають реальні характеристики даного класу об'єктів.

Серед розглянутих денотативних сем виділяємо два типи, а саме: інтегральну сему та диференційні семи.

Інтегральна сема відносить досліджувані номінації до певного класу предметів (ювелірних прикрас) та зафіксована у всіх досліджених словникових дефініціях. Проте, репрезентується вона декількома способами, зокрема за допомогою наступних лексичних одиниць: *a piece of jewellery, decorative, ornament, ornamental*, які в свою чергу відсилають до тлумачення архілексеми *jewellery*, наприклад:

"pendant – something suspended from something else, especially an ornament or piece of jewelry attached to a necklace or bracelet" (6);

"brooch – a relatively large decorative pin or clasp" (9);

"locket – a small, hinged, ornamental case of gold, silver, etc., for holding a picture, lock of hair, etc.: it is usually worn suspended from a necklace or chain" (8);

"earring – an ornament worn on or pendent from the ear, especially the earlobe" (8).

Другим способом репрезентації архісеми у розглянутих визначеннях є віднесення певної номінації до даного класу об'єктів через зазначення функції, наприклад:

"necklace – a string of beads, jewels, etc. or a chain of gold, silver, etc., worn around the neck as an ornament" (6).

Слід зазначити, що віднесення предметів опису до певного номінативного класу є однією з особливостей тлумачних словників, які орієнтовані на так званого "наївного" носія мови, оскільки це полегшує сприйняття тлумачення слів користувачам, апелюючи до їхнього власного досвіду і показуючи функціональний зв'язок цих предметів із дійсністю [3, 47].

Останнім способом репрезентації архісеми у словникових визначеннях є віднесення досліджуваних номінацій до аналізованого номінативного класу за допомогою гіперонімів:

"girandole – a pendant or earring with small stones grouped around a larger one" (9);

"choker – a necklace that fits closely around the neck" (6).

В свою чергу, у словникових тлумаченнях зазначених гіперонімів обов'язково присутня архісема належності до ювелірних прикрас.

Що ж стосується **диференційних сем**, виокремлених у процесі аналізу, то вони у свою чергу поділяються на декілька груп. За тим, що вони відображають, виділяємо описові та відносні семи.

Описові семи відображають власні характеристики ювелірних прикрас, такі як зовнішній вигляд та матеріал, з якого вони вироблені. Перша із вказаних сем – **сема зовнішнього вигляду** – містить дві гіпосеми, а саме: *гіпосему розміру* та *гіпосему форми* прикраси. Домінуючою ознакою ювелірних прикрас, відображеною у словникових тлумаченнях, є їхня форма, яка зазначена більш ніж у половині визначень. Дана гіпосема репрезентується за допомогою таких лексичних одиниць, як *shaped like / in the shape of*, як, наприклад, у тлумаченнях наступних різновидів булавки та персня:

"bodkin – an ornamental hairpin shaped like a stiletto" (9);

"marquise – a ring with jewels set in the shape of a pointed oval" (8);

Іноді ця сема знаходить своє вираження за допомогою прикметників, які позначають форму, як у визначенні сережок-кілець:

"hoop – a circular, ringlike earring" (9).

Більш складний та специфічний дизайн деяких прикрас знаходить своє вираження у розгорнутому описові їхньої форми, наприклад:

"gimmel – a ring formed of two or more interlocked circlets" (8).

Отже, спосіб та розлогість опису форми ювелірних виробів у словникових визначеннях залежить від специфіки дизайну даних прикрас.

Друга складова семи зовнішнього вигляду у структурі значення англомовних номінацій ювелірних прикрас позначає їхній розмір. Дана гіпосема в основному знаходить своє вираження за допомогою прикметників *large / small*

і її наявність у складі словникових дефініцій також залежить від особливостей вигляду тієї чи іншої прикраси у порівнянні з іншими:

"cameo – a small medallion with a profiled head in relief" (8);

"sleeper – chiefly British: a small earring or stud worn to keep the hole of a pierced ear from closing" (9);

"barrette – a small clasp for holding the hair in place" (6);

"locket – a small, hinged, ornamental case of gold, silver, etc., for holding a picture, lock of hair, etc.: it is usually worn suspended from a necklace or chain" (8).

Серед описових сем у структурі значення досліджуваних номінативних одиниць виділяємо також **сему матеріалу**, яка зазвичай відображає те, з чого зроблена та чи інша прикраса.

Як і попередня сема зовнішнього вигляду ювелірних прикрас, зазначена сема матеріалу містить дві гіпосеми. Одна з них репрезентує традиційний матеріал для виготовлення ювелірних виробів – коштовне каміння та дорогоцінні метали і є домінуючою серед проаналізованих словникових визначень (31 % із 35 %), наприклад:

"wedding ring – a ring, typically a band of gold, platinum, etc., given by the groom to the bride during a wedding ceremony; also, such a ring often given to the groom by the bride" (8);

"crown – an ornamental circlet or head covering, often made of precious metal set with jewels and worn as a symbol of sovereignty" (6).

У випадку із дефініцією англійського найменування біжутерії зустрічаємо зазначення використання недорогих металів та імітацій коштовного каміння на противагу справжнім ювелірним виробам:

"costume jewelry – jewelry made from inexpensive metals and imitation or semiprecious stones" (8).

Проведений компонентний аналіз словникових визначень номінацій ювелірних прикрас в англійській мові виявив домінування відносних сем у структурі значення досліджуваних одиниць.

Відносні семи відображують зв'язки ювелірних виробів із іншими об'єктами (як правило, особами, що їх носять) у просторових, суб'єктних та функціональних відношеннях. Отже, виділяємо сему місця носіння прикраси, сему способу носіння, сему використання ювелірного виробу та сему суб'єкта носіння.

Перші із зазначених компонентів значення досліджуваних одиниць – **сема місце носіння** та **сема спосіб носіння** відображають просторові відношення ювелірних прикрас. Сема місця носіння є досить поширеною у словникових тлумаченнях та зустрічається майже у 40 % дефініцій.

Проаналізовані словникові визначення досліджуваних назв при зазначенні місця носіння певної прикраси вказують на відповідну частину тіла людини – ший, руки, пальці тощо. Наприклад:

"bracelet – an ornamental band or chain worn around the wrist" (8);

"anklet – something (as an ornament) worn around the ankle" (6);

"tiara – an ornamental, often jeweled, crownlike semicircle worn on the head by women on formal occasions" (6);

"ring – a small circular band, generally made of precious metal and often set with jewels, worn on the finger" (9).

Що ж стосується семи способу носіння, то це значення знаходить своє вираження за допомогою прислівників чи дієприслівників та зустрічається порівняно рідко у досліджених дефініціях (11%), наприклад:

"earring – a ring or other small ornament for the lobe of the ear, either passed through a hole pierced in the lobe or fastened with a screw or clip" (9).

Наступною семою, розглянутою у дослідженні є **сема суб'єкту носіння**, яка називає людину чи групу людей, яким притаманно носити певні прикраси. Оскільки більшість ювелірних виробів призначена для носіння жінками, це не могло не відобразитися у словникових визначеннях відповідних номінацій. Так, зокрема, подібну сему зустрічаємо у наступних прикладах:

"barrette – a small bar or clasp for holding a girl's or woman's hair in place" (6);

"scatter pin – a woman's small decorative brooch often worn in groups of two or three" (9).

Як бачимо, ця сема частіше зустрічається у тлумаченнях різних шпильок для волосся, оскільки вони є суто жіночими прикрасами. Цікавим є те, що у дефініціях прикрас, які носяться як чоловіками, так і жінками (персні, сережки, браслети тощо), ця сема відсутня.

У визначенні весільної обручки зазначається, що молодята обмінюються такими каблучками під час весільної церемонії:

"wedding ring – a ring of metal (as gold) given by the groom to the bride during the wedding service; also : a similar ring given by the bride to the groom in a double-ring service" (9).

Деякі із прикрас є регаліями очільників різних церков, що також відображено у словникових дефініціях відповідних номінацій, як, наприклад, у визначенні папської тіари:

"tiara – 1. a 3-tiered crown worn by the Pope" (8).

Остання із відносних сем, зафіксованих у структурі значення досліджуваного номінативних одиниць, є **сема використання** ювелірних прикрас. Зазначимо, що аналізована сема використання є найчастотнішою із всіх виокремлених сем та зустрічається у більш ніж половині із словникових дефініцій ювелірних прикрас. Вона у свою чергу містить декілька складових – гіпосем, що відображають певну сферу призначення прикрас.

Перша із них – гіпосема функції прикрашання виконує роль інтегральної ознаки, за якою певна номінація відноситься до класу ювелірних прикрас, наприклад:

"chain – a set of links, often of precious metal and with pendants attached, worn as an ornament or symbol of office" (8).

Друга із виділених гіпосем відображає суто функціональне призначення прикраси як елементу одягу, зовнішнього вигляду людини тощо. Серед прикладів наведемо наступні визначення:

"hatpin – a long, ornamental pin for fastening a woman's hat to her hair" (9);

"fibula – an often ornamented clasp or brooch used in ancient Greece and Rome to fasten clothing" (6).

Остання гіпосема, що міститься у семі використання, відображає символічне призначення ювелірних виробів. Сюди зараховуємо зазначення використання прикрас у якості оберіга:

"charm – a small ornament worn on a bracelet or chain to ward off evil or ensure good fortune" (9).

До цієї групи номінацій належать також ті найменування, у словникових визначеннях яких наводяться соціальні функції, що їх знаменує та чи інша прикраса. Так, корона *crown* є символом правителя країни, а корона перів *coronet* позначає, що її носій є людиною аристократичного походження, хоча і рангом нижче, ніж король:

"crown – a circlet or headdress, often of gold and jewels, worn by a monarch as an emblem of sovereignty" (6);

"coronet – a small crown worn by princes and princesses and by other nobles below the rank of sovereign" (9);

Гіпосема символічного призначення міститься у дефініціях таких прикрас, як перстень та його різновиди, наприклад:

"ring – a small, circular band of metal, etc., esp. of precious metal, often set with gems, for wearing on the finger as an ornament or a symbol of betrothal, marriage, etc." (9);

"claddagh – an Irish design (as on a ring) of two hands holding a crowned heart that symbolizes friendship, loyalty, and love" (9).

Отже, компонентний аналіз досліджуваних словникових дефініцій показав, що до структури значення англійських номінацій ювелірних прикрас входять описові та відносні семи. Перші відображають розмір, форму ювелірних прикрас та матеріалу, з якого вони виготовлені. Другі позначають місце носіння прикраси, спосіб її носіння, суб'єкта носіння та використання.

Подальше дослідження ЛСП "ювелірні прикраси" є перспективним з точки зору аналізу етимології його конститuentів та їхнього функціонування у мовленні.

ЛІТЕРАТУРА

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1984. – 148 с.
2. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: Підручник. / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2008. – 712 с.
3. Фрумкина Р.М. Психолінгвістика. – М.: Academia, 2001. – 317 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., дополненное – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002. – 709 с.
5. An Illustrated Dictionary of Jewellery // <http://www.allaboutjewels.com>
6. The American Heritage Dictionary of the English Language. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1976. – 1550 p.
7. Glossary of Jewelry-Related terms // <http://www.en.wikipedia.org>
8. New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language. – Danbury, 1993. – 1216 p.
9. Webster's New World College Dictionary. – Cleveland: Wiley Publishing, Inc., 2010. – 1536 p.

УДК 811.111'367.

Янко Н.А.

ПРАГМАТИЧНА АДАПТАЦІЯ АНГЛОМОВНОГО ПЕРЕКЛАДУ ПОВІСТІ БРАТІВ ВАЙНЕРІВ "ГОРОД ПРИНЯЛ!..."

В статті розглядається проблема прагматичної адаптації перекладу художнього тексту і те, як вона вирішена в англomовному перекладі повісті Вайнерів "Город принял!...". Йдеться про прагматичну адаптацію та прагматично обумовлену адаптацію.

Ключові слова: мета комунікації, прагматичне надзавдання, прагматична адаптація, прагматично обумовлена адаптація, адекватність, еквівалентність.

Янко Н.А. Прагматическая адаптация англоязычного перевода повести братьев Вайнеров "Город принял!...". В статье рассматривается проблема прагматической адаптации перевода художественного текста и то, как она проявляется на материале англоязычного перевода повести Вайнеров "Город принял!...". Дифференцируются прагматическая адаптация и прагматически обусловленная адаптация.

Ключевые слова: цель коммуникации, прагматическое сверхзадание, прагматическая адаптация, прагматически обусловленная адаптация, адекватность, эквивалентность.

Yanko N.A. Pragmatic adaption of the English translation of the Vainers' novelette "Twenty-four hours with the Moscow police". The article tackles pragmatic aspect of translating: the problem of pragmatic adaptation. It shows the ways pragmatic adaptation is achieved in the English translation of the Vainers' novelette "Twenty-four hours with the Moscow police". Two types of pragmatic adaptation are distinguished: pragmatic proper and pragmatically determined adaptation.

Key words: communicative aim, pragmatic supertask, pragmatic adaptation, pragmatically determined adaptation, adequacy, equivalence.

Оскільки будь-який вислів створюється з метою досягнення певного комунікативного ефекту, то прагматичний потенціал складає найважливішу частину вислову. З цього випливає висновок про те, що відтворення прагматики оригіналу в тексті перекладу є для перекладача завданням надзвичайної ваги. Характер прагматичного впливу визначається трьома основними факторами. По-перше, це зміст вислову. По-друге, сприйняття повідомлення, що залежить від властивостей знаків, з яких складається вислів. По-третє, прагматичний вплив також залежить від характеристик рецептора, який сприймає повідомлення [3, 138]. Коли йдеться про переклад повідомлення іноземною мовою, то ми розуміємо, що не всі властивості знаків будуть співпадати і характеристики рецептора теж будуть відрізнятися. Це викликає необхідність відповідних перетворень.

Повість "Город принял!..." перекладено Джоном Гаррісоном. Можливо, саме сильний прагматичний потенціал твору і зацікавив перекладача.

Поняття адаптації перекладу було введено Ю. Найдю в рамках його теорії формальної та динамічної еквівалентності. У разі досягнення формальної

еквівалентності перекладач ставить за мету передачу інформації, а в основі поняття динамічної еквівалентності на меті є викликати певний тип поведінки у рецептора перекладу [4]. Відповідно ступінь адаптації тексту, що перекладається, буде варіюватися від мінімального у першому випадку до максимального у другому [1, 303].

При дотриманні формальної еквівалентності увага концентрується на самому повідомленні; як на його формі, так і на змісті. Подібний переклад Ю. Найда називає *перекладом глоссою* [4]. В такому разі рецептор перекладу умовно переноситься в культуру іншого етносу, для якого створено оригінальний текст.

Якщо перекладач ставить за мету досягнення динамічного типу еквівалентності перекладу, рецептор перекладу не переноситься в чужу для нього культуру, а завдяки адаптації він залишається в контексті його власної культури. Динамічний тип вважається найбільш близьким природнім еквівалентом вихідного вислову, який, завдяки змінам, відтворює головне – мету комунікації. Перекладач намагається створити динамічний зв'язок між текстом перекладу і його рецептором подібний до того, який існує між автором оригінального тексту та його рецептором.

Термін "адаптація" в теорії перекладу означає не тільки зміни в описі предметної ситуації, але також і зміну самої предметної ситуації. Адаптація викликана не стільки міжмовною, скільки міжкультурною асиметрією. Розрізняють два види прагматичних перетворень: прагматичну та прагматично обумовлену адаптацію [1].

За умови прагматичної адаптації перекладач свідомо змінює комунікативний ефект, на який сподівається автор оригінального тексту. Прагматично ж обумовлене перетворення має на меті досягнення комунікативного ефекту передбачуваного автором первинного тексту.

Найважливішою особливістю прагматично обумовлених трансформацій є те, що зміни стосуються окремих елементів змісту, при збереженні змісту в цілому. Саме прагматично обумовлені трансформації надають цілісне сприйняття оригінального тексту і обумовлюють трансформації на семантичному та синтаксичному рівнях. На семантичному рівні такі перетворення застосовуються при перекладі ідіоматичних висловів, а також реалій та жаргонної лексики.

Твори Аркадія та Георгія Вайнерів є яскраво прагматично цілеспрямованими і прагматичне надзавдання вбачається в досягненні розуміння радянським суспільством 70-х та 80-х років ХХ століття відданості міліції справі захисту громадян від чисельних негараздів, часто з ризиком для життя міліціонерів, створення у громадян почуття захищеності. Це прагматичне надзавдання неважко зрозуміти, якщо звернути увагу на окличний знак заголовку твору та знати, що будні радянської міліції становлять домінуючу тему творчості братів Вайнерів. Спокійне життя міста прийнято як професійна відповідальність героїв повісті і його безпека гарантована. Головна комунікативна мета достатньо зрозуміло представлена вже в самому заголовку. Автори мали на увазі показати, як забезпечувався спокій Москви, так забезпечувався і надійний спокій усієї країни, і кожен громадянин мав підстави вважа-

ти себе захищеним. Саме таку ідею оригінальний текст доносить до свого рецептора.

Іншу річ, в цьому випадку, становить переклад. У рецептора перекладу даний текст не може створити відчуття його власної захищеності, тому що той мешкає зовсім в інших соціально-політичних, економічних та соціокультурних умовах. Із цього випливає, що перекладач мусить змінити комунікативну мету. Зміна комунікативної мети помітна вже в перекладі заголовку, який стає більш прозорим та нейтральним за стилістикою свого змісту, а саме: *"Twenty-four hours with the Moscow police"*. Загально відомо, що заголовок твору представляє його зміст у згорнутому вигляді. Виправданою здається заміна реалії *"militia"* на *"police"*, оскільки перша могла б спричинити психологічний бар'єр у сприйнятті змісту, підкреслюючи контрастивність громадського устрою та традицій, і створювала б певну недовіру, посіяну ще в період "холодної війни".

Прагматичне надзавдання перекладу цього твору полягає в тому, щоб інформувати своїх співвітчизників про характер буденних негараздів членів іншої соціально-політичної спільноти, надати змогу порівняти, вірогідно, на користь своєї політичної та соціально-економічної системи і саме таким чином створити у рецептора перекладу відчуття його власної захищеності.

Таке прагматичне надзавдання перекладу наводить на думку про те, що в цьому разі ми маємо справу з *прагматичною адаптацією*, бо перекладач змінює комунікативну мету і це стосується усього тексту оригіналу. Наявна також і *прагматично обумовлена адаптація*. Це, в першу чергу, стосується відтворення у перекладі реалій, фразеологічних одиниць та жаргонної лексики, які ми розглянемо нижче.

За своєю прагматичною орієнтацією текст повісті братів Вайнерів відноситься до типу текстів, прагматична адекватність яких, за Нойбертом, може бути досягнута, але існують певні обмеження [Цит за: 2, 70]. Він є створеним для російськомовного читача, але має загальнолюдське значення. Цей твір розкриває складність роботи та самопожертву тих, хто стоїть на сторожі громадського спокою. Оскільки рецептором перекладу є англомовний громадянин зовсім іншого суспільного устрою, то без прагматичної адаптації не можна обійтись, не послаблюючи комунікативного ефекту.

Надзвичайно напружений ритм життя тих, хто так самовіддано підтримує громадській спокій, підкреслюється у різних ситуаціях. Вдало зробили це автори описом вранішнього життя кінцевих станцій метро куди стікається весь, працюючий в центрі, люд. Автори передали це таким чином:

...вылетел из жерла туннеля (с ревом и нутряным гулом) поезд, завизжали слитно тормоза, пахло горелой резиной, и теплый машинный ветер мазнул плотно по лицу, стоя на платформе толпа сжалась на миг и сразу же рванулась в расползшиеся двери, меня крутанул короткий людской бурун, втиснул в вагон, и не стало ни воли, ни самостоятельности, – нес узким вагонным проходом распадающийся по свободным местам пассажирский спрессованный поток, пока я не оказалась у незанятого места на диване... (7, 336).

Блискуче справився з цим перекладач передаючи стихійну силу людського потоку, а саме:

The train roared out of the tunnel, its breaks screaming; it smelt of burnt rubber, and pushed a warm mechanical wind ahead of itself, which hit me square on the face. The crowd on the platform bunched together for a moment in anticipation and immediately burst into the doors as they moved apart; a human wave swept me up and squeezed me into the carriage; I ceased to have a will of my own; I was carried down the narrow passage way by this tightly compressed stream, which discharged its human cargo in empty seats along the way, until I too found myself deposited next to an empty seat (8, 14).

Порівнюючи наведені уривки оригіналу і перекладу ми бачимо, що перекладач вдався до багатьох змін, застосовуючи широкий арсенал перекладацьких трансформацій різного типу. Синтаксичні трансформації поділу речення та зміна порядку його членів є найбільш помітними, заміна інверсії підмета "поїзд" на прямий порядок слів "*the train roared out of...*". Деякі вилучення "*из жерла*", "*нутряним гулом*", "*коротким*", "*вагонным*" не спричиняють помітних втрат. Навпаки, додавання "*in anticipation*" та заміна образів на більш яскраві "*сжалась*" на "*bunched*" та "*распадающийся по свободным местам*" на "*which discharged its human cargo...*", посилюють відчуття напруженості та стихійності натовпу.

Як було зазначено вище, прагматично обумовлені перетворення мають місце при відтворенні реалій, фразеологічних одиниць (ФО) та жаргонної лексики. Далі наводимо аналіз прикладів, які ілюструють, як саме перекладач вирішує ці непрості перекладацькі завдання.

Що стосується відтворення реалій, то в багатьох випадках вони, як реалії, не знайшли відтворення, а були замінені словами загальної семантики, представленої в гіперонімах, наприклад:

"Сумку взяла, паспорт на месте, деньги, чемодан здесь, авоську захватила, зонтик в руке, ключи – вроде все в порядке"(7, 335). *"My handbag, money, case, shopping bag, umbrella in hand, keys, that's all"* (8, 11).

Як бачимо, реалія "*авоська*" залишилась неперекладеною і була замінена лексичною одиницею більш широкої семантики "*shopping bag*". Хоча обидва слова значно відрізняються одне від одного, вони мають одне і те ж функціональне призначення. Тому, таку заміну можна розглядати як правомірну. Однак, відомий інший відповідник російському слову "*авоська*", яким є "*string-bag*" у словосполученні "...*babushkas with their string-bags*" [5, 234].

Оскільки прагматична адаптація перекладу виступає необхідною умовою досягнення комунікативної мети у відношенні до рецептора іншомовної спільноти, то другорядна інформація, яка не має відповідних ситуацій у мові перекладу, може вилучатись без втрат комунікативного змісту. Наприклад:

Короб "уазика" только покачался на ресорах и замер (7, 361); *The police van only swung slightly on its springs and then stood absolutely still* (8, 61).

Акронім "*уазик*" від абрєвіатури моделі автомобіля для іншомовного читача не має особливої ваги, і тому його вилучення є цілком виправданим. При цьому відтворюється найважливіша інформація про його функціональне призначення "*police van*". Інший приклад:

Лейтенант Куприков Игорь Сергеевич, 1953 года рождения, член ВЛКСМ; доставлен в больницу "Медсантруд" в тяжелом состоянии... (7, 416); Lieutenant Igor Sergeevich Kuprikov, born in 1953, has been taken to hospital and is now under intensive care... (8, 166).

Перекладач застосовує семантичний розвиток і замість "в тяжёлом состоянии" вводить більш важливу інформацію, яка впливає з одиниці оригіналу: "...and is now under intensive care...", а словосполучення "член ВЛКСМ" не перекладено зовсім, бо англomовного читача це мало цікавить. Такі приклади не поодинокі. В наступному випадку ми теж спостерігаємо вилучення лексичної одиниці, назви установи, а її функція передається описово.

Сообща тогда в "Мосфундаментстрой" пусть они разберутся... (7, 417). Then contact those in charge of the building project, let them sort it out... (8, 169).

Цілий ряд інших радянських реалій теж передається описово, наприклад: "опорный пункт охраны порядка" перекладено як "local police station" (8, 169) (при цьому значення установи повністю нівелюється).

Дуже вдало відтворено реалію "медвытрезвитель":

Сейчас я соединяю вас с дежурным медвытрезвителем... (7, 417). I'll put you through to the officer in charge of the sobering-up station... (8, 169).

Відомо, що фразеологічні одиниці, які не мають відповідника у цільовій мові, теж становлять труднощі в процесі перекладу. Наприклад:

"Эх, кончу милицейскую спецшколу – меня в МУР возьмут, как пить дать" (7, 368). "Ah, when I finish the Police Academy, they'll be lining up to enlist me at the Criminal Investigation Department" (8, 75).

ФО "как пить дать" виключено, але, оскільки вона є інтенсифікатором, перекладач вжив інший адекватний інтенсифікатор "they'll be lining up to enlist me". Реалію "МУР" також перекладено з частковим перетворенням: вилучено "Московский", але це виправдано, адже ситуативний контекст вказує, що установа знаходиться в Москві. Інша реалія в цьому прикладі "спецшкола" перекладена відповідником "Academy". Однак переклад є адекватним, оскільки вжите дієслово "finish", безпомилково вказує на освітній рівень, який відповідає освітньому рівню терміна "спецшкола".

В перекладі наступного речення "Пока суть да дело, полдня рабочего – кошке под хвост!" (7, 406) "A whole day has gone to the dogs..." (8, 92) бачимо різний підхід до відтворення двох ФО, а саме: 1) вилучення; 2) заміна образу як результат заміни самої предметної ситуації. Перший ФО "пока суть да дело" є вилученим, а ФО "кошке под хвост" має своїм відповідником "...has gone to the dogs...". При цьому вилучено окличний знак, який, однак, компенсовано: замість "полдня" вжито "a whole day".

Неабиякої майстерності від перекладача потребує еквівалентне відтворення жаргонної лексики порушників закону та міліцейського професійного сленгу міліції. Автор перекладу з цим у більшості випадків впорався блискуче. Наприклад:

Местечко у нас небольшое, кабы такой "ловкач" появился бы, его бы живо на запчасти разобрали... (7, 383); We come from a small town, if an artful dodger like this turned up in our town, he'd be torn limb from limb and used for spare parts (8, 104).

Насиченим такою лексикою є і наступний приклад:

Когда мы с Тихоновым сдавали госэкзамены в университете, то не могли дождаться дня начала работы – настоящей работы с пистолетом, удостоверением, при форме и "исполнении служебных...", с опасными рецидивистами, ворами "в законе", с "малинами" и "хазами", с обысками, погонями и засадами (7, 348); When we took the graduation exams with Tikhonov while still at university, we couldn't wait to start work – real work, with a pistol, a certificate, a uniform and instructions "to carry out our duty", against dangerous criminals, embarking in searches, chases and ambushes against them, lurking in their dens and secret hiding places (8, 106).

Переклад цього уривку характеризується високим рівнем еквівалентності, при якому відтворюється не тільки мета комунікації, вказівка на ситуацію та її опис, а також відмічається співпадіння синтаксичних структур та лексичних одиниць. А жаргонні одиниці "с малинами" і "хазами" перекладено хоча і описово, але стилістично близьким способом.

Інколи адаптація перекладу може відбуватися з будь-яких інших міркувань. Наприклад, коли йдеться про викрадення кліток з експериментальними кролями з науково-дослідного інституту, не перекладено цілий абзац, його просто вилучено:

...кажется нащупывается ход: несколько дней назад в институт приехал иностранец, господин Гуттенморген, представитель фирмы, устанавливающей в лаборатории новое оборудование. Некоторые вспоминают, что он интересовался разработками лаборатории, с любопытством оглядывал клетки крольчатника. После окончания работы был устроен скромный товарищеский ужин, в ходе которого господин Гуттенморген обменялся с одним из младших научных сотрудников галстуками – в знак мира и дружбы (7, 369).

Не виключено, що автор перекладу сприйняв зміст цього параграфу як відголосок періоду холодної війни і вилучив його, щоб не викликати потенційну недовіру у рецепторів перекладу до змісту усього твору, тим паче, що версія підозри пана Гуттенморгена виявилася невірною.

Сюжетна лінія творів такої жанрової тематики традиційно будується на двох полюсах, які протидіють один одному. Перекладач мусить якнайповніше відтворити комунікативну прагматику кожного з них, що не є легким завданням. Тут треба також передати специфіку реалій іншої спільноти, жаргонної лексики злочинців, професійного сленгу міліції, фразеологічних одиниць таким чином, щоб рецептор перекладу міг уявити собі події, що описуються з достатньою ясністю. Нерідко перекладачеві доводиться вдаватися до прагматичної обумовленої адаптації.

Ілюстрацією того, як це зроблено у перекладі, може бути наступний приклад:

За шесть лет я по горло накушался переперченной, пересоленной, прокисшей каши, которая и есть существо игры в "казаки-разбойники" (7, 425).

For six years I have survived on the burnt, oversalted subsistence diet that is the essence of our game of "cops and robbers" (8, 185).

Фразеологізм "по горло" перекладена засобом семантичного розвитку "I have survived on...", а реалія, яка представляє собою назву дитячої гри "каза-

ки-разбойники" відтворена також назвою англomовної дитячої гри "cops and robbers". А стосовно "переперченной, пересоленной, прокисшей каши" перекладач застосував прагматичну обумовлену адаптацію і не відтворив ці лексичні одиниці, вилучивши і замінивши їх більш нейтральним "subsistence diet".

Прагматичне надзавдання повісті розкривається авторами оригіналу в детальному описі доби чергування героїв повісті в головному міліцейському штабі Москви, а також в тому, як вони реагують на надзвичайні ситуації, та в описі їхніх особистих проблем. В переважній більшості перекладач знаходить близькі відповідники як за лексичним, так і за стилістичним змістом, наприклад:

1) – Опергруппу на выезд (7, 348);

– Op-group to the ready (8, 36).

2) – Дай указание в сто девятое отделение и поставь на контроль в Ленинградском районуправлении (7, 354);

– Alert station one hundred and nine and ring up the Leningrad district to co-ordinate their actions (8, 46).

В цьому прикладі прагматика перекладу сильнішає завдяки семантичній трансформації модуляції (семантичного розвитку):

Дай указания → alert; поставь на контроль → ring up to co-ordinate their actions.

3) – Мчится по улицам наш желто-синий кораблик, похрипывая сиреной, "дворники" сбрасывают со стекла дождевые капли (7, 360);

– Our yellow-blue car tore through the streets, the siren screaming. The windscreen wipers hurled the raindrops off the windscreen (8, 58).

В цьому прикладі спостерігаємо стилістичну заміну метафори "кораблик" на нейтральне "car" з одного боку, і, навпаки, відносно нейтральне "мчится по улицам" на більш яскраво забарвлене "tore through the streets", з іншого. Крім того, має місце синтаксична трансформація поділу складносурядного російськомовного речення на два простих англomоних, що додає динамізму ситуації. Дієприслівниковий зворот "похрипывая сиреной" має своїм відповідником абсолютну прислівникову конструкцію "the siren screaming". Заміна "похрипывая" на "screaming" посилює напруженість ситуації, яка описується.

Надзвичайно цікавим є приклад, так званої, "speech characterization", (того, як особливості мовлення тим чи іншим чином характеризують персонаж) і те, як Дж. Гаррісон відтворив це в перекладі. За сюжетом слідчий офіцер С. Скуратов запитує англійською мовою потерпілу дружину співробітника американського посольства (яка звернулася з причини зникнення діамантів) і запитання подано в тексті російською транслітерацією: Хау ду бриллиентс лук? (7, 421). Лексична помилка вживання "бриллиентс" замість "даймондс" вказує на те, що офіцер недостатньо володіє англійською мовою. Мовлення характеристика С. Скуратова прекрасно відтворена в перекладі, але в інший спосіб: "How is diamonds look?" (8, 177). Ми бачимо, що у перекладі недостатнє володіння англійською мовою підкреслюється невірним вживанням службового дієслова "to be" у формі "is" замість іншого дієслова "to do", ще й неузгодженістю форм категорії числа підмета і присудка. Таким чином, відтворюється недостатній рівень володіння англійською мовою.

На наш погляд, проаналізовані уривки, як і ті, що залишились за межами даної статті, свідчать про те, що прагматична адаптація повісті Вайнера А.А., Вайнера Г.А. "Город принял!..." поєднує в собі два типи: безпосередньо прагматичну адаптацію та прагматично обумовлену адаптацію. Останній вид стосується перш за все перекладу реалій, фразеологічних одиниць та жаргонної лексики. Автор перекладу Джон Гаррісон, завдяки високій перекладацькій майстерності навіть у найскладніших випадках, зміг досягти високого рівня еквівалентності, зберегти прагматичну спрямованість та образність.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода.- М.: Изд-во МГУ, 2004. – 303 с.
2. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. – М.: "ЧеРо", "Юрайт", 2000.-132 с.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.:ЭТС, 2000.-188 с.
4. Найда Ю. К науке переводить //Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.,1978. – С. 11-32.
5. John Finder. The Moscow Club.- N.Y.,1992. – 547 p.
6. Nida E. Towards a Science of Translating. Special reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating. – Leiden, 1964. -166 p.
7. Вайнер А.А., Вайнер Г.А. "Город принял!..." (В книге братьев Вайнер "Эра милосердия". Роман. "Город принял!..." . Повесть.) – М.: Моск. рабочий, 1988.- 464 с.
8. Arkadi Vainer, Georgi Vainer. Twenty-Four Hours with the Moscow Police. Translated by John Harrison. – Moscow: Raduga Publishers , 1990. – 255 p.

PHONETISCHE INTEGRATION VON ANGLIZISMEN IN GESPROCHENEM DEUTSCH

Dieser Artikel ist dem Problem der phonetischen Integration englischer Entlehnungen in gesprochenem Deutsch gewidmet. Der Einfluss vom Englischen auf das Deutsche war ein Anlass für Diskussionen über die Notwendigkeit der Übernahme fremdsprachlichen Lehnwortes oder den Schaden, den dieses der deutschen Sprache zufügen könnte. Denn die Assimilation dieser Fremdwörter ist einige neue sprachliche Konstituenten einzuführen und damit Normabweichungen hervorzurufen.

Stichwörter: Fremdwort, Anglizismus, Integration, Anthropolinguistik, Sprachsystem, Koartikulation, Mass Medien.

Азарова І.І. Фонетична інтеграція англіцизмів у звучній німецькій мові. У даній статті розглядається проблема фонетичної інтеграції англіцизмів у процесі онімечування. Вплив англійської мови на німецьку є предметом дискусій у сучасному мовознавстві: чи мають можливість іншомовні слова сприяти виникненню нових елементів у системі мови, що в свою чергу може призвести до нормативних змін, чи вони є яскравим прикладом переможного впливу властивих мові-реципієнту внутрішніх законів.

Ключові слова: іншомовне слово, англіцизм, інтеграція, антрополінгвістика, система мови, коартикуляція, ЗМІ.

Asarova I.I. Phonetic integration of the Anglicism in the spoken German. The article is devoted to the problem of the phonetic integration of the English foreign words during the adaptation process. The influence of English onto the German is one of the most discussed questions in the modern linguistics: either the foreign words could cause the appearance of new constituents and normative changes in the language system or they are great examples of the intrinsic laws peculiar to the recipient language.

Keywords: foreign word, Anglicism, integration, anthropolinguistics, language system, coarticulation, mass Medias.

Die Sprache ist lebendig, ständig in Bewegung, wie die Welt, in der wir leben. Schon L.W. Čerba sprach von der Notwendigkeit der Untersuchung des lebendigen Sprechens und seiner tatsächlichen Gesetzmäßigkeiten im Redeverhalten der Menschen [7]. Ausgangspunkt kann nur das konkrete Sprechen sein, schlussfolgerte Coseriu deshalb: „...müssen wir von Primären der Sprache d.h. vom Sprechen ausgehen, und die Kompetenz jeweils im Sprechen identifizieren“[9, 63]. Und V. Agel meinte es gebe die Langue als linguistischen Gegenstand genau sowenig wie die Kompetenz. „Denn linguistisch erklärt werden soll und kann nicht die Langue oder Kompetenz, sondern nur das konkrete Sprechen“[8, 78].

Der menschliche Faktor lässt sich in der Anthropolinguistik als ein Pol im allgemeinen Kontinuum von Sprache und Kommunikation feststellen. Aus anthropolinguistischer Sicht kommt es in der Sprachwissenschaft über die Grenzen des linguistischen Isolationismus hinaus zur Neuorientierung – zur kommunikativ-pragmatischen Wende [1; 4].

Der Einfluss anderer Sprachen auf das Deutsche war ein Anlass für Diskussionen über die Notwendigkeit der Übernahme fremdsprachlichen

Lehngutes oder den Schaden, den dieses der deutschen Sprache zufügen könnte. Dabei waren die Einstellungen zu den jeweiligen Gebersprachen sehr unterschiedlich.

Veränderte Lebenswelten verlangen neue Wörter, um angemessen kommunizieren zu können. Die rasante Entwicklung im Bereich der Computertechnologie und Netzwerkkultur belegt diese Dynamik eindrucksvoll. Die Geburt des Internets, das mit dem Web 2.0 seine Pubertät erreicht, eröffnet vielfältige Möglichkeiten der Kommunikation und des Communitybuildings und verändert den Lebensstil der Menschen.

Einen wesentlichen Faktor für normativ relevante Veränderungen im Sprachgebrauch stellt die aufgekommene mediale Vielfalt dar, die zunächst die Variationsbreite öffentlicher Sprechsprachlichkeit in Medien wie Rundfunk und Fernsehen neben die traditionelle Schriftsprachigkeit der Printmedien gestellt wurde. Zwar haben sich auch auf dieser Ebene in den letzten Jahrzehnten wesentliche Entwicklungen ergeben, eine einschneidende Veränderung im kommunikativen Alltag ist zweifellos durch die Entwicklung der neuen Medien mit den dazugehörigen Texttypen eingetreten. Hier wird man mit neuen Texttypen (z.B. Blog) und Vertextungsformen (z.B. Hypertext) ebenso konfrontiert wie mit einem erhöhten Grad an Öffentlichkeit früher anders situierter Texttypen (z.B. Brief vs. E-Mail) und Kodierungsweisen (z.B. Emoticons). Zudem wird hiermit nun auch individuell multimodales Kommunizieren ermöglicht (z.B. mms; skype). Die anfänglichen Hypothesen der Sprachwissenschaft zu diesem Thema waren wohl zu einfach und auf der Folie der Tradition (aus dem Blickwinkel von *digital non-natives*) gesehen. Derzeit sind generelle Aussagen zu diesem Punkt nur schwer möglich [10].

Die auffälligsten Veränderungen sind einigermaßen Folgen fremdsprachigen Einflusses, mehr Sorgen als akute Anglizismen macht aber offenbar die Frage, wie sich – insbesondere im beruflichen Bereich – das Verhältnis zwischen dem internationalen Englisch und Sprachen wie dem Deutschen insgesamt entwickeln wird. Die Verbreitung von Anglizismen ist regional in Deutschland und in den angrenzenden deutschsprachigen Ländern verschieden, so hat sich Broiler z. B. nur im Osten Deutschlands durchgesetzt, während es im Österreichischen im Bereich der Fußballterminologie eine Vielzahl von Begriffen gibt, die im Deutschen nicht vorkommen [2]. Anglizismen kommen nach Busse und Görlach hauptsächlich in zwei Registern vor: dem technischen, also der Bezeichnung von industriellen Prozessen und Produkten sowie in der Umgangssprache und dort besonders in der Werbe- und Jugendsprache. Eine statistische Auswertung, wie viele Anglizismen zu einem bestimmten Zeitpunkt im Deutschen tatsächlich vorhanden waren, liegt laut Busse und Görlach nicht vor. Nicht alle Anglizismen, die einmal entliehen wurden, bleiben auch im Wortschatz des Deutschen bestehen. Sie können aus verschiedenen Gründen wieder verloren gehen oder werden mit einer anderen Bedeutung oder als Modeerscheinung erneut entlehnt [13].

Immer wieder werden alte Wörter aus dem Sprachgebrauch verdrängt. Wenn das gewohnte Inventar der Sprache nicht mehr ausreicht, entstehen neue Wörter. Oft werden diese aus dem Englischen übernommen, denn im englischsprachigen Raum haben viele maßgebliche Technologie- und Lifestyleveränderungen ihren Ursprung. Z. B. Wörter wie *skypen* oder *Blogosphäre* beschreiben Phänomene, die vor zehn Jahren noch nicht

existierten, aus dem modernen Alltag aber nicht mehr wegzudenken sind. Sprache ist im Fluss.

Die Studien zu Anglizismen beschäftigen sich oftmals mit deren Verbreitung und Gebrauch in Medien wie Zeitschriften und Fernsehen, so z. B. Zindler, Carstensen, Meyer, Fink und Zürn [10, 14, 15]. Busse bemerkt, dass Untersuchungen, „...die sich mit den theoretischen oder praktischen Problemen der Aussprache von Anglizismen im Deutschen beschäftigen“ bisher nicht sehr zahlreich sind [7].

In den letzten Jahren lassen sich in der Linguistik immer öfter Rufe nach einer „performativen Wende“ („performative turn“) feststellen [1]. Die Kompetenz ist das was der (idealisierte) Sprecher implizit über die Sprache weiß, die Performanz das, was der (konkrete) Sprecher aktuell mit der Sprache tut; entsprechend meint die Langue das interne System der Einzelsprache, die Parole die Verwendung dieses Systems durch den Sprecher in konkreten Kontexten und Situationen [9].

Die Notwendigkeit der Untersuchung von phonetischen Erscheinungen wird von vielen Wissenschaftlern betont, denn das Sprachsystem hat einen unstabilen und dynamischen Charakter und wird von ständigen inneren systemhaften Prozessen gekennzeichnet. Die phonetische Variabilität ist mit dem Problem des Zusammenwirkens von Norm und deren Realisation in der Sprechwirklichkeit eng verbunden und kann zur allmählichen Veränderung des Phonemsystems einer Sprache führen.

In der deutschen Alltagssprache und in den Fachsprachen kommen häufig fremde Namen und Bezeichnungen vor, die den Regularitäten und Merkmalen des Deutschen nicht entsprechen und daher spontan oder durch eine Standardisierung geregelt an das Deutsche angepasst werden müssen. Mitunter ist durch jahrzehntenlangen Gebrauch fremder Wörter ihre Herkunft gar nicht mehr oder kaum noch erkennbar. Fremde Merkmale können sich in der Schreibung bzw. in den Graphem-Phonem-Beziehungen, in der Rhythmik und in der Lautung einschließlich der Koartikulation zeigen. Während die deutschen Monophthonge in Paaren von Kurzvokal und Langvokal auftreten, hat das Englische an Stelle von manchen Langvokalen entweder Diphthonge ([eɪ], [əʊ]) oder Langvokale mit einem anderen Lautwert als im Deutschen ([ɑ:], [ɔ:], [u:]). Die deutschen gerundeten Vorderzungenvokale [y:], [ʏ], [ø:] und [œ] fehlen im Englischen gänzlich.

Da es im deutschen Sprachraum - im Gegensatz etwa zum englischen oder französischen Sprachraum – üblich ist, die Aussprache fremder Namen und Bezeichnungen der originalen Form mehr oder weniger stark anzugleichen, müssen Standardisierungen für die Substitution fremder Merkmale vorgenommen werden, damit nicht jeder Sprecher seine eigene Variante verwendet.

Und nach der Meinung von R.Wenk bilden dabei eine Ausnahme wohl Wörter aus dem Englischen, da diese Sprache als internationale Verkehrssprache so weit verbreitet ist, dass die originäre Aussprache zumindest annähernd gefordert werden kann. Unter „Eindeutschung“ soll also eine starke Anpassung der fremdsprachigen Merkmale an die Merkmale des Deutschen verstanden werden. Daneben wird es für den ambitionierten Sprecher und in den bestimmten Sprechsituationen aber immer auch eine originalnahe Aussprache geben [17].

R. Wenk meint, dass im deutschen Alltagswortschatz eingebürgerte fremde Wörter sowie solche fremden Wörter, die häufig gebraucht werden, der Eindeutschung fest unterliegen. Originalnah werden solche fremden Wörter zu sprechen sein, die im aktuellen Tagesgeschehen mehr oder weniger plötzlich oder sporadisch auftauchen oder aus Fachsprachen stammen [17].

Für die Eindeutschung von Qualität und Quantität des Vokalismus haben sich bereits Regularitäten herausgebildet, die eine Standardisierung zu berücksichtigen hat, die aber, wenn sie zu unannehmbaren Resultaten führen, auch durchbrochen werden müssen. In ihren Werken meinen U. Hirschfeld und E. Stock, dass sich Quantität und Qualität der Vokale bei der Eindeutschung aus der Silbenstruktur und der Akzentuierung ergeben [10].

Ausspracheschwierigkeiten können auf verschiedene Ursachen zurückgeführt werden. Zunächst sind die für den Sprecher fremden Ausspracheregeln zu nennen. Sie können zu einer falschen Interpretation der orthographischen Form eines Wortes und damit zu einer eingedeutschten Aussprache in Form einer *spelling pronunciation* nach den deutschen Ausspracheregeln führen.

Jede Sprache hat eine besondere Artikulationsbasis, die ihr einen charakteristischen Klang verleiht und von Nicht-Muttersprachlern nur selten erlernt wird. Das Englische zeichnet sich gegenüber dem Deutschen durch folgende Punkte aus (nach Arnold und Hansen, 1996)

- Der Kieferwinkel ist im Allgemeinen etwas größer;
- Der Unterkiefer ist leicht vorgeschoben, die Lippenaktivität ist schwächer, d.h. die Lippen befinden sich in einer eher neutralen Haltung, werden kaum vorgestülpt, wenig gespreizt und nur mäßig gerundet;
- Die Zungenspitze wird beim Anlegen an die Alveolen zurückgezogen und verbreitert;
- Die Artikulationsspannung ist im Mittel geringer [11].

Dies führt dazu, dass auch bei korrekter Anwendung der fremdsprachigen Ausspracheregeln Fehler entstehen können: ähnliche Laute werden wie im Deutschen realisiert, so dass feine phonetische Unterschiede verloren gehen (wenn z. B. angenommen wird, dass [i:] BE und [i:] DE identisch seien). Darüber hinaus können Phoneme, die dem Deutschen unbekannt sind, durch ähnliche deutsche oder auch fremde, ersetzt werden (z. B. [θ] durch [s]). Auffällige Unterschiede bestehen weiterhin in dem Phonem /r/, das im Englischen im Anlaut als alveolarer Approximant realisiert wird, im Deutschen meist als Reibe-R seltener als uvularer Frikativ. Postvokalisch in der Koda einer Silbe wird /r/ im BE als Schwa oder gar nicht realisiert, im Deutschen wird das [ɹ] nach Langvokalen zu [ɛ] vokalisiert, nach Kurzvokalen tritt eine der konsonantischen Varianten auf, aber meist auch hier kann es zur Vokalisierung kommen.

Ältere Lehnwörter werden meist vollkommen integriert, während Sprecher bei neueren Anglizismen oder solchen mit einer sehr speziellen Bedeutung eher dazu tendieren, die englische Aussprache soweit als möglich zu erhalten, so dass auch periphere Phoneme wie [eɪ] und [oʊ] akzeptiert werden. Mit der größeren Verbreitung von Englischkenntnissen wurden auch einige Ausspracherealisationen von Entlehnungen wieder an ihre ursprüngliche Form

angenähert, z.B. *Clown*: [klo:n]→ [klaʝn]. Einige weniger offensichtliche Unterschiede blieben aber erhalten wie bei *Keks* oder *Bowle*.

Tabelle 1

Beispiellexem	Originalaussprache (Longman, 2008)	Eindeutschung	Kodifizierte Norm (DAW, 2010)
Act	[ækt]	Glottisschlageinsatz	[ʔekt]
Snooker	[ˈsnu:kə]	Substituierung des [ə] durch [e]	[snˈu:kɐ]
Turn	[tɜ:n]	Substituierung des Mittelzungenvokals durch den labialisierten Vorderzungenvokal + Auftreten der vokalischen Realisation des /r/	[tœ:ʁn]
City	[sɪtɪ]	Substituierung eines ungespannten Vokalphonems durch einen gespannten im Auslaut	[sɪti:]
Smart	[sma:t]	Auftreten der vokalischen Realisation des /r/	[sma:ʁt]
Story	[ˈstɔ:ri]	Substituierung eines ungespannten Vokalphonems durch einen gespannten	[stˈɔʁi:]
Discount	[ˈdɪskaʊnt]	Akzentwechsel durch divergierende Fußbildung	[dɪskˈaʊnt]
Debugging	[di:ˈbʌgɪŋ]	Quantitative Reduktion eines langen Vokalphonems	[dɪbˈagɪŋ]
Appeal	[əˈpi:l]	Substituierung von Schwa durch Vollvokal mit Glottisschlageinsatz	[ʔɛˈpi:l]

*DAW- *Deutsche Aussprache Wörterbuch*, 2010.

** *Longman - Pronunciation Dictionary*, 2008.

Jedoch ist davon auszugehen, dass bei der Integration von Anglizismen andere Intentionen eine Rolle spielen als bei der Aussprache des Englischen beispielweise im Schulunterricht. Es ist daher wahrscheinlich, dass Ersetzung durch native Laute vermehrt stattfinden und dass Orthographie die Aussprache noch stärker beeinflusst.

Aber in diesem Artikel lassen wir die Orthographie des Lehngutes außer Acht und gehen von rein phonologisch bedingten Ersetzungen aus. In der

folgenden Tabelle wurden die Vorgänge bei der Eindeutschung der Anglizismen in der kodifizierten Norm in Bezug auf den Vokalismus dargestellt.

Es kommt nur selten vor, dass die lautliche Seite der Fremdwörter mit der Ausgangssprache identisch ist, sonst wäre sie an das Vokalsystem der Zielsprache völlig angepasst. Oftmals kann jedoch nicht genau bestimmt werden, welcher deutsche Laut einem fremden Laut am ähnlichsten ist, so dass mehrere Substitutionen in Betracht kommen können. Es soll darauf hingewiesen sein, dass die kontrastive Analyse für unsere Untersuchung wichtige Anhaltspunkte liefert, welche Laute des Englischen den deutschen Sprechern perzeptiv-artikulatorische Schwierigkeiten bereiten und dadurch verursacht werden können.

LITERATURVERZEICHNIS

1. Бахтин М.М. Антропологическая концепция языка и коммуникации. – М.: Наука, 2010. – 255 с.
2. Любимова Н.А. Фонетическая интерференция. – Л.: ЛГУ, 1985. – 283 с.
3. Наумов В.В. Фонетическая структура заимствований в современном немецком языке. – Куйбышев: КГУ, 1987. – 72 с.
4. Седов К.Ф. Нейролингвистика. – М.: Наука, 2009. – 249 с.
5. Силукова А.А., Светозарова Н.Д. Фонетическое освоение новейших английских заимствований немецким языком // Лингвистическая полифония. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С.530-540.
6. Торсуев Г.П. Константность и вариативность в фонетической системе. – М.: Наука, 1977. – 130 с.
7. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским. – М.: Высшая школа, 1974. – 261 с.
8. Agel V. Ist der Gegenstand der Sprachwissenschaft die Sprache? // Wende. Metalinguistik im Wandel.
9. Haugen E. Bilingualism in the Americas: A bibliography and research guide. Publications of the American dialect society. – No. 36. – Alabama: University of Alabama Press, 1956. – P. 67-72.
10. Hirschfeld U., Stock E. Zur Aussprachekodifikation eingedeutscher russischer Namen und Wörter // Лингвистическая полифония. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 333-345.
11. Langner H.C. Die Schreibung englischer Entlehnungen im Deutschen. – Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, Bd.23, 1995. – 305 S.
12. Meinhold G. Phonologische Ebenen in der deutschen Standardaussprache // Deutsch als Fremdsprache. – München/Berlin: Langenscheidt Verlag. – Heft 5. – 1986. – S.288-293.
13. Schmitz H.-G. Amideutsch oder deutsch? – Zur Geschichte und Aktualität der Fremdwortfrage // Germanistisches Jahrbuch der GUS „Das Wort“. – Berlin, 2002. – S. 135-165.
14. Sweet H. Primer of Phonetics. – Oxford, 1906. – 294 p.
15. Der Grosse Duden, Das Aussprachewörterbuch. Bd.6. (4. Aufl.) – Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2005. – 798 S.
16. Deutsches Aussprachewörterbuch. – Berlin -New York: Walter de Gruyter, 2009. – 985 S.
17. Longman, Pronunciation Dictionary. J.C. Wells (3rd edition). – Edinburgh: Pearson Longman, 2008. – 922 p.

POLITISCHER RAP ALS SUBGENRE DER DEUTSCHEN HIP-HOP-SZENE (sprachliche und soziokulturelle Aspekte)

Голубенко Л.М., Діденко М.О. Політичний реп як підстиль німецької хіп-хоп культури (мовні та соціокультурні аспекти). У статті визначені основні лінгвістичні й соціокультурні характеристики мови німецького репа, а також мовні й тематичні відмінності його підстилей (на прикладі політичного репа).

Ключові слова: хіп-хоп культура, політичний реп, підстиль.

Голубенко Л.Н., Диденко М.А. Политический рэп как подстиль немецкой хип-хоп культуры (языковые и социокультурные аспекты). В статье определены основные лингвистические и социокультурные характеристики языка немецкого рэпа, а также языковые и тематические различия его подстилей (на примере политического рэпа).

Ключевые слова: хип-хоп культура, политический рэп, подстиль.

Golubenko L.N., Didenko M.A. Political rap as substyle of german hip-hop subculture (language and sociocultural aspects). The article deals with basic linguistic and sociocultural peculiarities of the language of German rap, alongside with its thematic substyles (based on political rap).

Keywords: hip-hop subculture, political rap, substyle.

Sprache der Auflehnung, Sprache der kreativsten Subkultur, Herausforderung für den Staat. Alle diese Bezeichnungen gelten der deutschen Hip-Hop-Sprache, mit der sich der vorliegende Artikel befasst, dessen Ziel die linguistische und soziokulturelle Beschreibung der gegenwärtigen deutschen Hip-Hop-Sprache, funktionale, inhaltliche Unterschiede und sprachliche Merkmale verschiedener Subgenres und insbesondere die des Polit-Raps sind. Wegen großer Beliebtheit vom deutschen Hip-Hop bei den Jugendlichen erschienen in der letzten Zeit viele Arbeiten zu diesem Thema, die jedoch das Phänomen Hip-Hop unter verschiedenen Aspekten erforscht haben: diskursanalytische Untersuchung von Hip-Hop in der medialen Öffentlichkeit [5], Performativität von Identitäten im Hip-Hop [8], soziologische Untersuchung der Bedeutung von Hip-Hop [13], Rekonstruktion der Kommunalität in den Rap-Texten [10], Geschichte von Hip-Hop [12], der von J. Androutsopoulos herausgegebene Sammelband mit Forschungsarbeiten zu verschiedenen Bereichen des Hip-Hop [1], besonders häufig allerdings zu Fragen, die sich mit der Rezeption von Hip-Hop durch jugendliche MigrantInnen beschäftigen

Rap und Hip-Hop boomen derzeit enorm bei der Jugend. Jeder dritte Jugendliche kennt *AGGROBERLIN* und *ERSGUTERJUNGE*. Der US-amerikanische Ausdruck aus der Rapmusik "Swag" wurde durch den österreichischen Rapper Money Boy bekannt und zum "Jugendwort des Jahres 2011" gekürt [9]. Kein Wunder, denn mit derben Sprüchen, bunten Graffiti und coolen Klamotten trifft Hip-Hop den Nerv der Zeit. Hip-Hop ist eine vielfältige Jugendkultur, die auf soziale Missstände verweist und Jugendlichen eine

Projektionsfläche bietet für die kritische Auseinandersetzung mit den eigenen Problemen. Zum wichtigsten Element dieser Kultur gehört ihre Sprache, die durch Rappen demonstriert wird. Deutsche Rapmusik ist für ihre Fans einerseits Provokation, andererseits auch Entspannung, gemeinschaftsstiftendes Element und Mittel zur Alltagsbewältigung. In der Auseinandersetzung mit den Problemen von Jugendlichen aus verschiedenen sozialen Milieus mit unterschiedlichem kulturellem Hintergrund hat sie sogar eine integrative Funktion. Sprache bzw. das Rappen hat in der Hip-Hop-Szene also einen ganz eigenen, sehr zentralen Stellenwert. Die eigenwilligen, widerspenstigen, ästhetisch innovativen, oft subversiven, höchst originellen Wortbilder zeigen stärker als in anderen Szenen die Einstellung der Hip-Hopper zu der Welt. Sie behaupten sogar: „*Wir haben die (deutsche) Sprache revolutioniert und erwarten dafür Respekt.*“ [7, 400].

Als Deutscher Hip-Hop wird Hip-Hop-Musik bezeichnet, die in Deutschland produziert wird [1, 6]. Nicht immer sind seine Protagonisten aus Deutschland oder rappen in deutscher Sprache. Aktiv waren deutsche Hip-Hopper seit Mitte der 1980er-Jahre, als der Hip-Hop noch eine reine Untergrundbewegung war, sehr politisch und musikalisch rau (*Cora E.* und *Advanced Chemistry*). Erst durch Die *Fantastischen Vier* und dann das *Rödelheim Hartreim Projekt* wurde deutscher Hip-Hop und Rap ein Thema für die Charts und Öffentlichkeit. Obwohl die *Fantastischen Vier* vielfach als „Poprapper“ geschmäht wurden, stellte ihre Musik für viele den ersten Kontakt mit Hip-Hop in der eigenen Sprache dar und leistete in diesem Sinne Pionierarbeit. Die Erfolge der Hamburger Szene bauten darauf auf, durch sie wurde der Ton erheblich lockerer (*Fettes Brot*, *Absolute Beginner*, *Dynamite Deluxe*, *Samy Deluxe* und *Fünf Sterne deluxe*). Um 2000 waren es vor allem sie, die auf breiter Linie den Durchbruch in die Charts schafften. Andere Rapper etablierten sich in den 1990er Jahren lokal in ihren Städten und mit *Sabrina Setlur* und anderen auch immer wieder deutschlandweit in den Charts. Zu Beginn des neuen Jahrtausends wurde der Battle-Rap immer erfolgreicher. Vor allem Rapper wie *Azad*, *Kool Savas*, *Samy Deluxe* und einige andere Interpreten repräsentieren die Battle-Rap-Szene. Sie bringen explizite Texte in die Charts und ebnen den Weg für weitere Battlerapper. Seit 2001 ließen die Künstler des Berliner Labels *Aggro Berlin* mit einem eher härteren Stil aufhorchen, der sich fast antipodisch zum entspannten Stil der Hamburger Szene verhält. Zuletzt erreichten wieder vermehrt in Deutschland lebende Immigranten Einfluss auf die deutsche Hip-Hop-Szene, die Themen wie Arbeitslosigkeit, Chancenlosigkeit der Jugend, Rassismus aber auch Straßen- und Drogenkriminalität artikulieren. Die sozialen Brennpunkte, die häufig in den Texten thematisiert werden, werden dabei öfters als „*Ghetto*“ bezeichnet. Kritisiert werden ihre teilweise sexistischen, homophoben, gewaltverharmlosenden oder antisemitischen Texte. So entzündete sich etwa im Jahr 2007 eine öffentliche Diskussion, ob der Rapper *Bushido* zu einem Festival gegen Gewalt zwischen Jugendlichen eingeladen werden dürfe [5, 21]. Weitere kommerziell erfolgreiche Rapper sind neben den etablierten *Fantastischen Vier* oder *Fettes Brot* vor allem *Sido*, *Bushido*, *Fler*, *Eko Fresh* und *Jan Delay*.

Die 30-jährige Geschichte des deutschen Hip-Hops weist also die Vielfalt der Richtungen auf, die sich jedoch sowohl thematisch als auch sprachlich

voneinander unterscheiden. Es geht um eine sehr heterogene Subkultur, die eine differenziertere Betrachtung erfordert.

Old-School/Party-Rap

„*Old School*“ steht, wie der Name erahnen lässt, für die sogenannte „alte Schule“ und stellt die Anfänge von Hip-Hop-Musik dar, die früher auf Partys gespielt wurde. Die DJs legten die Beats auf und die MC's animierten das Publikum zum Mitfeiern und zum Tanzen. Im deutschsprachigen Raum fallen weitaus weniger Gruppen unter den Begriff *old school*, da die Anfänge des Hip-Hops in den 1980er Jahren in Europa weder Mainstream waren, noch von einer größeren Bewegung getragen wurden. Bands wie *Advanced Chemistry*, *Stieber Twins*, *LSD* oder *Cora E.* werden häufig in diesem Zusammenhang genannt. Zu den sprachlichen Merkmalen dieser Richtung gehören einfache Texte, mit ungefähr gleich langen Zeilen. Das lässt sich dadurch erklären, dass die Texte nicht auf die poetischen Verzierungen orientiert wurden, sondern auf gute Laune und positive Stimmung. Zu den wichtigsten Themen gehörten Freundschaft, Spaß, Partys, das eigene Leben, das soziale Umfeld, Gefühle und Erlebnisse. Zurzeit wird Old School-Rap wieder auf Partys gespielt, daher kommt die neue Bezeichnung *Party-Rap*.

Battle-Rap

Das Subgenre des Battle-Rap entstand in der Anfangszeit der Hip-Hop-Kultur an der Ostküste der USA. Dabei stehen sich zwei Kontrahenten auf einer Bühne gegenüber. Zu einer vom DJ vorgegebenen Musik liefern sich beide ein Wortgefecht. Im Mittelpunkt steht dabei neben der verbalen Herabsetzung (*dissen*) des Gegenübers vor allem das Ziel, die Anerkennung (*respect*) des Publikums zu gewinnen. Die Liedtexte richten sich dabei zumeist gegen einen Einzelnen oder eine Gruppe musikalischer Kontrahenten (System ritueller Beschimpfungen). Nicht immer wird der Adressat explizit erwähnt, sondern erschließt sich Szenekundigen aus dem Kontext. Die verbalen Attacken sind häufig sexuell konnotiert (*Wir haben die Szene gefickt*) und stellen die Rap-Fähigkeiten (*skills*) sowie die Glaubwürdigkeit (*realness*) des Gegners innerhalb der Szene in Frage. Dies geht oft einher mit der Überhöhung der eigenen Person durch die Demonstration von monetärer und sexueller Potenz. Indem Frauen herabsetzend als „*Bitches*“ bzw. „*Nutten*“ bezeichnet werden, wird ein Stereotyp von Männlichkeit zum Ausdruck gebracht, das dem Klischee des Machismo entspricht (ähnlich dem Porno-Rap).

Battle-Rap im ursprünglichen Kontext unterlag bestimmten formalen Regeln, die beispielsweise persönliche und familiäre Beleidigungen ausschlossen. Mit der Entstehung der „*neuen Härte*“ werden diese Regeln immer öfter verletzt. Trotzdem gehören diese vom Wettstreit geprägten Sprachspiele zum symbolischen Kapital der Rapmusik und werden in dieser Funktion auch zur Verhandlungsgrundlage innerhalb der Rap-Szene, daher greifen fast alle Interpreten ab und zu zu dieser Richtung.

Gangsta-Rap

Der so genannte „Gangster Rap“ feiert seit 2000 im deutschsprachigen Raum große Erfolge. Mit seinem Mainstreamerfolg weckte *Kool Savas* das Bedürfnis nach echter Härte, einer Brutalität der Sprache, die sich mit der Brutalität des Lebens deckt. Gangsta-Rap ist Musik von der Straße mit Geschichten über illegale Aktivitäten, Drogenhandel, Zuhälterei usw. Im

Unterschied zu anderen Bereichen der Rapmusik spielt die kritische Auseinandersetzung mit der diffizilen Situation jedoch nur eine untergeordnete Rolle. Ganz im Gegenteil werden oftmals das Umfeld und die damit verbundenen Lebensumstände idealisiert. Häufig finden sich in diesem Subgenre gewaltbefürwortende, sexistische und homophobe Texte sowie eine positive Darstellung von Drogenkonsum und -handel. Mit den Lyrics sind oftmals sozial schwächere Gruppen angesprochen, die sich mit dem Leben auf der Straße identifizieren können. Gerade dieses Subgenre der Rapmusik ist geprägt von Stereotypen und Klischees. Dem Ideal einer harten Männlichkeit entsprechend, präsentieren sich die Musiker als von ihren Lebensumständen geprägte Einzelkämpfer. Deutlich wird dies vor allem in der gebräuchlichen Selbstbezeichnung als „Soldat“. In Deutschland repräsentieren unter anderem Künstler wie *AZAD*, *Bushido*, *Sido*, *B-Tight*, *FLER* oder *Tony-D* den Streerap, wie der Gangsta-Rap oft genannt wird.

Pimp-Rap/Porno-Rap

Diese Richtung („Pimp“, engl. „Zuhälter“) ist ein Zweig von Gangsta-Rap und durch eine explizite, tendenziell pornografische Sprache gekennzeichnet. Sexismen finden sich in den Texten besonders häufig (*Amar kriegt öfter einen geblasen als ein Heißluftballon*). Selbst die Künstlernamen zeigen die Zugehörigkeit dieser Interpreten zu dieser Richtung: *King Orgasmus One*, *Frauenarzt*. Daher geht es hier vermehrt um Sex, Frauen, teure Autos, Partys, Juwelen und alle anderen materialistischen Werten, die das Ego des Mannes beflügeln können. Die Frau bekommt nur eine Aufgabe – Liebessklavin des Rappers zu sein.

Message-Rap (Politik-Rap/Conscious–Rap)

Unter der Bezeichnung Message-Rap versteht man die Rap-Richtung, die Texte mit einer 'Botschaft' enthalten. Da sie aber eher politisch oder sozialkritisch orientiert sind, werden entsprechend zwei Richtungen ausgesondert: *Conscious-Rap* spricht verschiedene soziale und *Politik-Rap* – politische Themen an. Dazu gehören Ausländerfeindlichkeit, Religion, Kultur, Wirtschaft, Kampf ums Überleben, Lebenssituationen, Lebensphilosophien, Alltagsproblematiken, Liebe, Freude, Leid, Trauer, Wut, die ganze Bandbreite erlebter Gefühle, Geschichtliches und Lehrreiches (*Advanced Chemistry*, *Brothers Keepers*, *Chaoze One*, *Die Firma*, *Curse*, *Afrob*, *Freundeskreis*).

Trotz dieser breiten Palette an verschiedenen Subgenres ist wie oben erwähnt ein herausragendes Merkmal der Hip-Hop-Kultur und Rapmusik die ihr eigene Sprache, die von Dynamik und Hybridität bestimmt ist. Nach Androutsopoulos [1, 120] stehen die Rap-Texte der gesprochenen Alltagssprache nah, in der die innere und äußere Mehrsprachigkeit einfließt, also Regionalsprachen, soziale Dialekte, Migrantensprachen und nicht-muttersprachliche Varietäten der Landessprache eingebunden werden. Die hybriden Sprachcodes bestehen zum großen Teil aus Anglizismen, die für einen Außenstehenden meistens rätselhaft und unverständlich klingen (in 60 Prozent der von Androutsopoulos 50 untersuchten deutschen Rap-Songs ist Englisch enthalten [1, 132]). Unter zahlreichen Anglizismen ist die größte Gruppe die von hiphopspezifischen Lexemen (*dissen*, *rappen*, *MC*, *flow*, *beef*, *skit*, *snippet*). Ihr folgen wertende Personenbezeichnungen (*Star*, *Bitch*) und Adjektive (*whack*, *fresh*, *tight*). Platz drei belegen Bezeichnungen für die Rap-Gemeinschaft (*Homies*, *Crew*, *Gang*). Von der Beliebtheit der Anglizismen in

der Rapsprache zeugen Mischkomposita, die ein fester Bestandteil dieser Texte wurde (*Bitch-Haus, Rapper-Stil*). Als wichtigste Gründe zur Verwendung der Anglizismen in der Rapsprache sind folgende zu nennen: Streben nach Authentizität (zeigt die Nähe zum amerikanischen Ursprung und sorgt für die Authentizität), Stärkung des Wir-Gefühls und Abgrenzung von anderen Gruppen, zusätzliche Möglichkeiten für Reimvarietäten (Reimbildung und Wortspiele). Dabei hat es sich herausgestellt, dass verschiedene Subgenres der Rapmusik unterschiedliche Häufigkeit von Anglizismen aufweisen. Während Battle-Rap und Gangsta-Rap einen sehr hohen Anteil der Anglizismen besitzen (behandeln Themen, die direkt die Hip-Hop-Kultur betreffen), ist der Anteil an Anglizismen im Message-Rap sehr gering (es geht hier um ernste, politische und gesellschaftskritische Themen).

Neben lexikalischen Entlehnungen und Sprachmischungen sind kreative Neologismen (*Wanksta, Whigger, alsomit, Sinnhalt*) und differente Verwendung von Lexemen von großer Bedeutung, weil das auch Wir-Gefühl schafft und für Abgrenzung sorgt. Zum festen Bestandteil der Hip-Hop-Sprache gehören Vulgarismen (tabuisierte Wörter), die in zwei Gruppen zu gliedern sind: Fäkalsprache (*Arsch, Scheiße, kacken, shit*) und Sexualwortschatz (*Dick, ficken, Schwanz, Pussy*). Vulgarismen sind vor allem im Gangsta-Rap und Pimp-Rap zu finden, was mit der Popularität der „neuen deutschen Härte“ erklärt werden können. Wie in dem Fall mit dem Anglizismen-Gebrauch, zeigt der Message-Rap keinen hohen Anteil an Vulgarismen und unterscheidet sich dadurch von anderen Subgenres.

Eine große Rolle für die Identitätskonstruktionen und Polarisierungen spielen in der Hip-Hop-Kultur Personenbezeichnungen und somit soziale Kategorisierungen und Bewertung. Die am meisten gebräuchlichsten Personenbezeichnungen sind Kollektiva, Schimpfwörter und Geschlechtsbezeichnungen (*Clique, Crew, Schlampen, Bitches, Schwuchtel, Kanaken* usw.). Positive Darstellung der eigenen und negative der fremden Gruppe sind hier äußerst wichtig.

Wie viele Subkultursprachen weist auch die des Hip-Hop konnotative Verschiebung (Umdeutung) von Lexemen auf (*Alter, Nigga, fett, Ghetto*) und große Zahl der Wertadjektive (sowohl positive für die eigene Gruppe: *fett, dick, krass, burner*, als auch für die fremde: *whack, arm, schwul*), die zur Autostereotypisierung beitragen.

Neben dem Szene-Jargon ist vor allem Metaphorik und Vergleiche, die in den Rap-Texten in ihrer vollen Bandbreite, von subtil bis plakativ, zu finden sind und als eine wichtige Überlegung bei der Textentstehung gilt (*Geh und sei lieber wieder der King auf deinem Schulhof, Meine Stimme heißt so wie ein Wachhund, Deutscher Rap ist ein Zirkus voller Clowns*).

Sprachwissenschaftlich interessant wird der Rap-Song vor allem dadurch, dass die Rap-Texte ihren Sinn nicht nur durch die Inhalte, sondern auch durch Aspekte der Formulierung wie Reim, Intonation und flow, Wortspiele, Metaphern und intertextuelle Referenzen erhalten.

Trotz gemeinsamer Merkmale und besonderer Codes ist der gebräuchliche Fach- und Szenewortschatz ständigen Weiterentwicklungen unterworfen und die Intensität des Sprachstils ist stark von der jeweiligen Umgebung, Situation und Thema, aber vor allem der Funktion des Subgenres abhängig. Die Breite der Themen reicht von verbaler Pornographie, Menschenverachtung,

Entwürdigung und Entwertung bis Sehnsucht nach Geborgenheit, Anerkennung und Liebe, Schmerz über die Verkehrtheit, die Aussichtslosigkeit, die Ungerechtigkeit, die Kälte.

So unterscheidet sich der Politik-Rap durch Sprache (weniger Anglizismen, Vulgarismen, häufigere Vermischung verschiedener Sprachen, z.B. *Microphone Mafia*) und andere (politisch relevante) Inhalte. Unter politischem Rap sind gesellschaftskritische Texte zu verstehen, die die Menschen zum Denken über ihr Handeln anregen sollen. Im Unterschied zu den meisten Rap-Subgenres, wo weibliche Rapper im Verhältnis zu ihren männlichen Kollegen kaum eine Rolle spielen (Hip-Hop gilt als Prototyp einer wertkonservativen, männlich strukturierten Jugendkultur. Respekt vor Autoritäten, Leistung und Fairness, aber teilweise auch Aggression, Gewalt und Sexismus sind – wenn auch nicht prägend – Bestandteil dieser männlichen Welt, vgl. [5]), sind im Polit-Rap auch Frauen auf der Bühne (*Zora, Fever MC, Brixx*).

Wie z.B. *Cora E.* mit dem Lied "Schlüsselkind", in dem sie ihre Kindheit zum Handlungsgegenstand macht. Sie erzählt, wie sie als Scheidungskind, Einsamkeit erfährt und wie sie aufgrund dessen den Drogen zuwendet, aber auch wie sie durch den Hip Hop wieder eine neue Perspektive bekam.

Politischer Rap ist aber seinen Themen und Sprache nach nicht einheitlich. Es gibt Rapper, die radikal sind und zur Rebellion aufrufen (wie z.B. *Holger Burner: Ich will Uzis verteilen von Hamburg bis München - Mit dem Aufruf die Chefs aller Banken zu lynchen*). Viele davon gehören zu der linken Szene. Mit ihren Liedern machen sie auf Missstände in der Gesellschaft aufmerksam und animieren dazu aktiv zu werden. Auf dem anderen Pol ist die rechte Rap-Fraktion (Nazi-Rap). Rechte haben den Rap auch als Mittel entdeckt, ihre Werte unter das Volk zu bringen (*Honor, DZK, Fler, Bock: Wir fühlen uns wie Fremde im eigenen Land, aber der Widerstand beginnt*).

Fast alle Texte sind nach einem Muster geschaffen. Sie sind auf einen Personenkreis gezielt, den das, was die Rapper zu sagen haben, angeht, dabei entsteht das Wir-Gefühl. Oft wird eine positive Bezugsfigur (z.B. *Hamburg* bei *Absolute Beginner: Das ist meine Stadt, schön und abgefuckt*) oder ein Bösewicht (*Schilli-Schill Bäng Bäng* von *Absolute Beginner*) ausgewählt, die den Realitätsbezug schaffen.

Abschließend lässt sich sagen, dass entgegen aller Entwicklungen, die der Hip-Hop gemacht hat, hat der Oldschool-Geist á la "knowledge is king" in vielen Köpfen der Hip-Hop-Szene überlebt, wovon der Politik-Rap deutlich zeugt.

LITERATURVERZEICHNIS

1. Androutsopoulos J. (2003). HipHop. Globale Kultur – lokale Praktiken. – Bielefeld: Transkript, 2003. – 333 S.
2. Dufresne D Rap Revolution. Geschichte – Gruppen – Bewegung. – Zürich / Mainz: Schwinn, 1997. – 310 S.
3. George N. XXX. Drei Jahrzehnte HipHop. – Freiburg: Orange-Press, 2002. – 344 S.
4. Janke K; Niehues S. Echt abgedreht. Die Jugend der 90-er Jahre. – München: Seiler, 1995. – 563 S.
5. Klein G., Friedrich M. Is this real? Die Kultur des HipHop. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2008. – 224 S.
6. Krekow S. Das Hip Hop Lexikon. – Berlin: Schwarzkopf & Schwarzkopf, 1999. – 194 S.
7. Loh H., Güngör M. Fear of a Kanak Planet. HipHop zwischen Weltkultur und Nazi-Rap. – Höfen: Hannibal, 2002. – 628 S.

8. Menrath S. Represent what ...Performativität von Identitäten im HipHop. – Hamburg: Argument-Verl., 2001. – 178 S.
9. Müller R. [Elektronий ресурс]. Режим доступу <http://web.de/magazine/lifestyle/leben/14290012-swag-ist-jugendwort-des-jahres.html#.A1000145>
10. Streek J. HipHop-Identität. In: Soziale Welten und kommunikative Stile. Festschrift für Werner Kallmeyer zum 60. Geburtstag. Hrsg. v. Inken Keim & Wilfried Schütte. – Tübingen: Narr, 2002. – S. 537- 557.
11. Toop D. Rap Attack. African Jive bis Global Hip Hop. – Höfen: Hannibal, 2000. – 357 S.
12. Verlan S; Loh H. 20 Jahre HipHop in Deutschland. – Höfen: Hannibal, 2002. – 702 S.
13. Weller V. HipHop in São Paulo und Berlin. Ästhetische Praxis und Ausgrenzungsverfahren junger Schwarzer und Migranten. – Opladen: Leske und Budrich, 2003. – 220 S.

VOKALEINSATZREALISIERUNGEN IN DER DEUTSCHEN STANDARDAUSSPRACHE

Гришина Т.В. Реалізація вокалізму в німецькому вимовному стандарті. У запропонованій статті представлений систематичний аналіз реалізації німецького вокалізму у німецькому вимовному стандарті. Особливу увагу зосереджено на проблемі функціонування та високому ступені варіативності глотального приступу голосних фонем в ініціальній позиції, де виявлено істотні розходження між кодифікованою нормою й німецьким автентичним мовленням.

Ключові слова: вокалізм, глотальний приступ голосних, німецький вимовний стандарт, кодифікована норма, автентичне мовлення.

Гришина Т.В. Реализация вокализма в немецком произносительном стандарте. В статье представлен систематический анализ реализации немецкого вокализма в немецком произносительном стандарте. Особенное внимание сосредоточено на проблеме функционирования и высоком уровне вариативности глоттального приступа гласных фонем в инициальной позиции, где выявлены значительные расхождения между кодифицированной нормой и немецкой аутентичной речью.

Ключевые слова: вокализм, глоттальный приступ гласных, немецкий произносительный стандарт, кодифицированная норма, аутентичная речь.

Grishina T.V. Realization of the vowel system in German pronunciation standard. The article is focused on the systemic research of realization and functioning of a specific feature of the German vowel system – the glottal stop that reveals a high degree of variation in the realization within both the limits of a codified norm and sounding speech of broadcasters. Wide variation in realization of the junctural vowels glottal stop is established both in words of German origin and borrowings that demonstrate the constant changes of the German vowel system.

Key words: glottal stop, standard German, variation, German vowel system, prepared reading, status of the glottal stop.

Die deutsche Sprache ist international relativ verbreitet: In mehreren Ländern besitzt sie den Rang einer Amtssprache, d.h. sie wird in staatlichen Institutionen offiziell verwendet. Allein angesichts dieser Verbreitung ist offensichtlich, dass die deutsche Sprache kein homogenes Gebilde sein kann. Sie weist vielmehr eine Fülle von Varietäten auf. Varietäten werden als Bestandteile von Sprachen verstanden, und zwar im Sinne von kohärenten Systemen, die Teilgrößen einer Sprache sind.

Das heute gesprochene Deutsch existiert in drei nationalstaatlichen Formen: als Schweizer Deutsch, als österreichisches Deutsch und als bundesrepublikanisches Deutsch. Die Standardsprache dieser drei Länder unterscheidet sich nicht nur auf der Ebene der Aussprache, sondern auch auf den Ebenen des Wortschatzes und der Syntax. Für diese Bereiche existieren Sprachkonventionen, welche die Verwendung der Varianten regulieren.

Im neuesten Deutschen Aussprachewörterbuch geht man davon aus, dass die deutsche, die österreichische und die schweizerische Varietät der Standardsprache prinzipiell gleichrangig sind, wenn auch der in Deutschland gesprochenen Standardsprache aufgrund der ungleich größeren Sprecherzahl und der Verwendung der Standardsprache als gesprochene Alltagssprache

sowie der wirtschaftlichen Dominanz in der Praxis die wichtigste Rolle zukommt [2, 261]. Die folgenden Hinweise orientieren sich an dem in der BRD gesprochenen Deutsch, das eine historisch gewachsene große Variantenvielfalt aufweist.

In einem auf kommunikative Kompetenz orientierten Unterricht soll die Verstehensleistung der Lerner verbessert werden, die auf reale Kommunikation mit Muttersprachlern besser vorbereitet werden sollen. Da Hören und Sprechen miteinander in Wechselwirkung stehen, könnten die dargebotenen Hinweise und Übungen zur Entwicklung nicht nur des auditiven Vermögens, sondern auch zur Verbesserung der produktiven Fertigkeiten der lautlichen Seite der gesprochenen Sprache bei Lernern beitragen. Der theoretische Teil ist in den vorliegenden methodischen Hinweisen mit praktischen Übungen zur Hör- und Ausspracheschulung verbunden.

Die Standardaussprache ist eine überregionale, landschaftlich nicht beeinflusste Varietät. Ein Sprecher spricht Standarddeutsch, wenn nicht erkennbar ist, aus welcher Sprachlandschaft Deutschlands er kommt. Der Begriff „Standardsprache“ bezeichnet folglich keine realisierbare Ideallautung, sondern wird als realer Teil der Sprechwirklichkeit betrachtet.

Die Standardaussprache – früher auch als „Bühnenaussprache“ und später als „allgemeine Hochlautung“ bezeichnet – steht in enger Beziehung zum standardsprachlichen (früher „hochsprachlichen“) Gebrauch von Wortschatz, Grammatik und Schreibung. Sie ist eine mündliche Form der Standardvarietät in der BRD, verfügt in geographischer und sozialer Hinsicht über eine weite Geltung und wird insbesondere durch die elektronischen Medien verbreitet. Die Standardaussprache kann von jedem Muttersprachler verstanden werden und hat sich als funktionstüchtig und kommunikationsgünstig erwiesen. Sie besitzt ein hohes Prestige, da sie besonders in öffentlichen und /oder offiziellen Situationen genutzt bzw. erwartet wird.

Darüber hinaus wird die Standardaussprache vielfach auch in nicht öffentlichen Situationen gebraucht, und zwar sowohl beim reproduzierenden Sprechen, Vorlesen, als auch beim freien Sprechen. Dieser breiten Verwendungsfähigkeit entspricht ihre stilistische Vielfalt. Die phonostilistischen Differenzierungen zeigen sich vor allem in unterschiedlichen Graden der Artikulationspräzision. Dialektale oder regional gefärbte umgangssprachliche Realisationen gehören jedoch nicht zur Standardaussprache [2, 6].

Im Deutschunterricht ist es ein anerkanntes Ziel, die Lerner zur mündlichen Kommunikation in der Fremdsprache zu befähigen. Für eine ungehinderte Face-to-Face Kommunikation bedarf es eines Ausspracheunterrichts, der sich nicht damit begnügt, sich primär an der Schrift oder an einer von Muttersprachlern nicht realisierbaren Ideallautung zu orientieren, sondern viel mehr an der lebendigen Sprechrealität.

Seit der kommunikativen Wende wird mündliche Kommunikation als eigenständiger Arbeitsbereich des Deutschunterrichts in den Lehr- und Bildungsplänen ausgewiesen. Gesprochene Sprache widerspiegelt die tatsächliche Sprechwirklichkeit, wobei die lautsprachliche Kommunikation im Vordergrund steht. In diesem Zusammenhang soll betont werden, dass

gesprochene Sprache nicht durch die Brille der geschriebenen Sprache beurteilt und bewertet werden soll.

Die Eigentümlichkeit der deutschen Artikulationsbasis äußert sich im eigenartigen Beginn der anlautenden Vokale. Die Art des Ansetzens der Stimmlippen zur Schwingungstätigkeit wird als Einsatz bezeichnet. Unter dem Einsatz der anlautenden Vokale versteht man die Art, wie die Stimmlippen aus der Ruhestellung zur Phonation gebracht werden [5, 28], anders gesagt, das Zusammentreten der Stimmlippen zur Stimmgebung (Phonation) wird *Stimmeinsatz* genannt.

Für die *deutsche* Standardausssprache ist die Verwendung des vokalischen Einsatzes *mit Glottisschlag* bei anlautenden Vokalen charakteristisch, der zu den wichtigsten Merkmalen des deutschen Vokalsystems gehört. Ein wichtiger Unterschied zwischen der Standardausssprache in Österreich und in der Schweiz einerseits und in Deutschland andererseits liegt in der Realisierung des Glottisschlages vor anlautendem Vokal. Während in Deutschland der Glottisschlag im absoluten Wortanlaut (*[ʔamt]*), nach Präfixen (*[bəʔamtə]*) und in Zusammensetzungen (*[ʔɔstʔamt]*) gesprochen wird, wird er in Österreich und in der Schweiz normalerweise nicht realisiert, d.h. mit sogenanntem weichen Einsatz (*[amt]*, *[bəʔamtə]*, *[ʔɔstamt]*).

Das Ausbleiben des Glottisschlages kann eine Verschiebung der Sprechsilbengrenze nach sich ziehen, mit der Folge, dass der Unterschied zwischen z.B. „die heiße Nacht“ und „die heißen Acht“ verschmilzt. Allerdings sollte betont werden, dass sowohl in Österreich, als auch in der Schweiz der Glottisschlag realisiert wird, wenn eine vokalisches anlautende Silbe stark akzentuiert wird. Die Realisation des coup de glotte bezieht sich in erster Linie auf formelle, öffentliche und halböffentliche Situationen. So ist sie die Sprachform der geschulten Berufssprecher: Nachrichtensprecher, Ansager und Moderatoren in Rundfunk und Fernsehen [2, 262].

Beim Glottisschlageinsatz (auch fester, neuer, harter, starker Einsatz, Glottisplosiv, Knacklaut, Stimmritzenverschlusslaut, coup de glotte, glottal stop usw. genannt) werden die Stimmlippen von der Atemstellung zunächst zum Vollverschluss der Glottis zusammengeführt. Erst wenn dieser Verschluss gelöst worden ist, entströmt die subglottal gestaute Luft und versetzt die Stimmlippen in Schwingungen. Bei der Lösung des Verschlusses ist ein leichtes Knackgeräusch, der Glottisschlag, hörbar. Artikulatorisch handelt es sich beim Glottisschlag somit um einen Glottisplosiv. Er verfügt im Deutschen über kein eigenes orthographisches Zeichen und ist phonologisch nicht relevant, abgesehen von einigen Fällen: *be[ʔ]inhaltēn* – *Bein haltēn*, *Spiegel[ʔ]ei* – *Spiegelei*. In Bezug auf den Vokaleinsatz mit Glottisschlag lassen sich uneinheitliche Deutungen und Ansichten feststellen.

Der Glottisschlageinsatz besteht darin, dass das Wort, das mit einem Vokal beginnt, mit den vorhergehenden Wörtern nicht in eine ununterbrochene schallende Wortgruppe verschmilzt, wie das z.B. in den indoeuropäischen Sprachen der Fall ist. Der feste Einsatz geht von der Vollverschlussstellung aus; durch Sprengung der aneinanderliegenden Stimmlippen beginnt die Schwingungsphase. Dieser Einsatz wird als die häufigste Form im absoluten oder silbischen Anlaut bei Vokalen gesprochen.

Der coup de glotte wird von manchen Phonetikern als laryngaler Konsonant angesehen, der ein *Geräusch* darstellt [ʔ], das bei der Ausströmung der Atemluft durch die Glottis gebildet wird. Dieser Kehlverschluss ist im Deutschen immer mit anlautenden Vokalen verbunden. Im Duden-Aussprachewörterbuch wird angenommen, der Stimmritzenverschlusslaut sei kein selbständiger Sprachlaut, er habe im Deutschen keinen Lautwert, diene als aphonematisches *Grenzsignal*, das den Wortanfang vor Vokal und die Fuge in Präfixbildungen und zusammengesetzten Wörtern signalisiert [3: 43], d.h. die anlautenden Vokale müssen neu eingesetzt werden.

U. Müller nennt den Vokaleinsatz mit Glottisschlag „Glottisschlageinsatz“ oder „Neueinsatz“, der bei anlautenden Vokalen auftritt [7, 49], das bedeutet, dass der Gebrauch des Glottisschlages im Wort- oder Silbenanlaut überwiegt [5, 28]. Nach dem Wörterbuch der deutschen Aussprache wird der Neueinsatz in sehr vielen Fällen auch durch den Gebrauch des Glottisschlages (coup de glotte) verdeutlicht, diese Einsatzart tritt aber nur bei Vokalen im Anlaut von Stamm- oder Vorsilben [10, 23] auf. Diese Forderung erscheint irreführend, denn die Regel widerspricht sowohl dem Gebrauch des Glottisschlageinsatzes innerhalb des erwähnten Wörterbuches, als auch seiner Realisierung in der Sprechwirklichkeit, wo der Glottisschlageinsatz auch im Silbenanlaut registriert wird, z. B. *The*[ʔa:]*ter*, *Ru*[ʔi:]*ne*, *nukle*[ʔa:]*r*, *Ge*[ʔɔ:]*rgia*.

Es muss aber darauf hingewiesen werden, dass innerhalb der kodifizierten Norm eine große Diskrepanz in Bezug auf den Gebrauch des Glottisschlageinsatzes beobachtet wird und zwar sogar eines und desselben Aussprachewörterbuches, wovon viele Beispiele zeugen, die den im Wörterbuch (GWdA) formulierten Regeln widersprechen: *rit*[u'a:]*l*, *id*[e'a:]*l*, aber *virt*[u'ʔa:]*l*, *r*[e'ʔa:]*l*.

Um kommunikationsfähig zu sein, sollte eine Orientierung an der lebendigen Sprechrealität erfolgen, denn die deutsche Standardaussprache wird heutzutage nicht als Siebs'sche Ideallautung, sondern als realer Teil der Sprechwirklichkeit betrachtet [9, 4; 8, 232]. Die deutsche Standardaussprache ist überregional und wird in unterschiedlichen Sozialgruppen genutzt bzw. akzeptiert und deshalb umfasst sie verschiedene Aussprachevarianten. Der reale Sprechgebrauch wird unter vielfältigen Bedingungen und damit in unterschiedlichen Anwendungsgebieten eingeschlossen, so in öffentlichen oder privaten Bereichen, in formellen und weniger formellen Situationen, beim reproduzierenden (Vorlesen) oder freien Sprechen.

Die kodifizierte Standardaussprache weist einen unterschiedlichen Grad an Verbindlichkeit auf. Sie stellt keine strenge, in jedem Fall verpflichtende Vorschrift dar. Soll sie allerdings ihre Funktionen als Empfehlung, Korrektiv oder auch als Präskription erfüllen, dann ist sie in hohem Maße darauf angewiesen, von den potentiellen Nutzern akzeptiert zu werden, d.h. ihre Befolgung muss als kommunikations- und prestigefördernd erkannt worden sein [2, 7].

Die Kodifikation der Standardaussprache berücksichtigt den erwarteten und den realen Sprachgebrauch, der ständiger Überprüfung bedarf. Trotzdem werden bei ihrem Vergleich mit der Sprechwirklichkeit oft Abweichungen von

den normativen Präskriptionen beobachtet. Die Standardaussprache wird in den verschiedenen Anwendungsbereichen nicht vollkommen gleich realisiert. Sie weist vielmehr jeweils charakteristische Varianten auf, die als phonostilistische Differenzierungen bezeichnet werden und verschiedene Register charakterisieren. Sie tragen zusammen mit standardsprachlichen Varianten in Lexik und Syntax zur stilistischen Differenzierung von gesprochenen Texten bei.

Da die deutsche Standardaussprache kein homogenes, sondern ein geschichtetes, in sich variables Phänomen ist, gilt für eine größere Anzahl von Lautkomplexen das Vorhandensein mehrerer phonetischer Formen, und zwar steht neben der vollen, expliziten Form oft eine ganze Serie reduzierter oder schwacher Formen. In Abhängigkeit von der Situation treten nach neueren Untersuchungen in der Standardaussprache stilistische Varianten auf, die phonetisch als Lautschwächungen und assimilatorische Reduktionen erscheinen. G. Meinhold unterscheidet zwei phonostilistische Ebenen: 1) gehobene phonostilistische Ebene (hohe und gemäßigte Formstufen) und 2) phonostilistische Ebene des Gesprächs (gehobene Formstufe und Formstufe des lässigen Gesprächs) [9, 7].

Die gehobene phonostilistische Ebene gilt für den reproduzierenden Text oder auch bei freien Redeäußerungen in Situationen mit erhöhter Offizialität und ist arm an reduzierten oder assimilierten Formen. Sie ist aber selten zu hören und wird von einem kleinen Teil der Muttersprachler realisiert. Anders ist die „darunter“ liegende phonostilistische Ebene des Gesprächs, die so gen. „Gesprächsstufe“, wie sie in der Situation des unmittelbaren auditiven Kontaktes zwischen zwei oder mehreren Partnern mit der Notwendigkeit sofort aufeinanderfolgender Rede und Gegenrede bei höherem Spontaneitätsgrad benutzt wird.

Die Standardaussprache gilt als überregionale, nicht landschaftlich beeinflusste Lautung, die die Ausspracheform mit dem höchsten Sozialprestige ist und in allen Kommunikationssituationen gleichermaßen verwendbar ist. Sie stellt eine Gebrauchsnorm dar, die realisierbar und natürlich ist und sich an den Erfordernissen und Gegebenheiten der Sprechrealität orientiert. Laut dem Duden-Aussprachewörterbuch (2005) wird der Begriff „Standard“ als die der Sprechwirklichkeit nahe kommende überregionale Gebrauchsnorm verstanden [3].

Die drei Massenmedien (Fernsehen, Rundfunk und Film), denen die gesprochene deutsche Sprache als Kommunikationsmittel dient, üben durch die Verwendung der Standardaussprache eine wichtige Vorbildwirkung aus. Man kann mit Recht erwarten, dass in Sendungen und Filmen richtig gesprochen wird. Die Vielfalt in Inhalt, Anliegen und Form sowie die Möglichkeiten der elektroakustischen Übertragung gestatten und erfordern in Film, Funk und Fernsehen die beispielhafte Anwendung der Standardaussprache in den unterschiedlichen Sprechsituationen.

Die Standardaussprache wird in den elektronischen Massenmedien situationsbedingt unterschiedlich realisiert und erfordert kommunikationsfördernde Varianten in der Artikulation, d.h. Fernsehsprecher und Programmansager müssen in der Lage sein, je nach Stoff, Anlass und

Personenkreis den Sprechausdruck zu variieren. Dabei nutzt man bewusst den vorhandenen Spielraum in der Regelung für die Standardaussprache und vermeidet ein Abgleiten in die Umgangssprache [5, 122].

Als Vorbild der gesprochenen Gegenwartssprache treten die mit den Normen der Standardaussprache vertrauten Rundfunk- und Fernsehsprecher auf, die sprecherzieherisch ausgebildet werden. Die in den Sendungen auftretenden Sprecher und Moderatoren sind in der Regel sprecherzieherisch aus- und weitergebildet. Dank der modernen Technik muss die Artikulation des Sprechers nicht übertrieben realisiert werden, was zu einer ganz normalen und natürlichen Sprechsituation beiträgt. Für Berufssprecher gilt die kodifizierte Standardaussprache in hohem Maße als verbindlich. Das betrifft Sprecher in den elektronischen Massenmedien in Sendungen mit überregionaler Orientierung, deshalb können Aufnahmen von Nachrichtensendungen, Berichterstattungen und Programmansagen des deutschen öffentlich-rechtlichen Fernsehens (DW-TV, ARD, ZDF) als Untersuchungsmaterial vom realen Standardaussprachegebrauch dienen.

Die Abweichungen von der normativen Präskriptionen beziehen sich in hohem Maße auf die Glottisschlageinsatzrealisationen zwischen zwei Vokalen (in biphonemischen Vokalverbindungen). Der Glottisschlageinsatz ist ein typisches Merkmal der deutschen Artikulationsbasis, das seine eigenen artikulatorisch-akustischen Besonderheiten hat, deren gründliche Untersuchung noch bis heute fehlt. Die durchgeführte phonetische Analyse der Realisation von coup de glotte in deutschen biphonemischen Vokalverbindungen lässt vom hohen Grad seiner Variabilität in der realen Norm sprechen. Die Untersuchung der Sprechwirklichkeit zeugt davon, dass der Glottisschlageinsatz vom Standpunkt seiner Lokalisation im Wort variiert und in der Sprechwirklichkeit meistens in der Wortmitte (78,7%) auftritt: *kor[e|'a:]nisch*, *Gabr[il|'e:]je*, *Sch[il|i:]jten*, *virt[u|'ε]ll*; im absoluten Wortende fehlt der coup de glotte: *'Lin[ilə]*, *'Stat[ûa]*, *Me'd[ea]*; am Wortanfang wird der Glottisschlageinsatz im 64,3 % der Fälle realisiert: *[o|'a:]se*, *[a|'ɔ]rta* [11].

Mit Hilfe der perceptiven und instrumentellen Analyse wurde der Abhängigkeitsgrad der Glottisschlageinsatzrealisation von der Vokalqualität untersucht. Er tritt in der Fuge von Vokalen mit verschiedenen tembralen Merkmalen auf. Die höchste Frequenz des coup de glotte wird bei Vokalen der vorderen Reihe der mittleren und hohen Zungenhebung (besonders vor [i:]) registriert, was der Meinung vieler Phonetiker nicht entspricht (E.-M. Krech, K. Machelett, H.H. Tillmann): (*'Kok[a|i:]n*, *paran[o|i:]d*, *evak[u|i:]ren*) – 84,4%; *Venez[u|e:]la*, *'Isr[a|e:]lis*, *'Mich[a|e:]l* – 68,7%; *D[u|'ε]ll*, *virt[u|'ε]ll* – 60,1%; *'G[e|ɔ]rg*, *'Ch[a|ɔ]s* – 54,5% [1, 11].

Viele Phonetiker behaupten, dass der Glottisschlageinsatz meistens vor betonten Vokalen auftritt (W. Vietor, O. Bremer, S. Smith, U. Stötzer, K.-L. Harth). Von uns wurde festgestellt, dass der coup de glotte nicht von der Akzentuierung abhängt (*akt[u|'ε]ll* - *'akt[u|'ε]ll*, *Venez[u|'e:]la* - *'Venez[u|e:]la*).

Die Untersuchung der kodifizierten Norm bestätigt, dass der coup de glotte in meisten Fällen am Anfang betonter Silben auftritt und vor unbetonten Silben fehlt: *Th[e|'a:]ter*, aber *th[ea|'tr]alisch*; *D[u|'ε]ll*, aber *d[us|'l]lieren*; *ch[a|'o:]tisch*, aber *'Ch[ao|s]*; *G[e|'ɔ]rgien*, aber *'G[eo|rg]*. Es gibt aber Fälle, wo der coup de

glotte in betonter Position nicht realisiert wird: *Bed[u'i:]ne*, *D[i'a:]na*, *Gen[u'e:]ser* (GWdA).

Innerhalb der kodifizierten Norm wird eine große Diskrepanz in Bezug auf den Gebrauch des Glottisschlageinsatzes beobachtet und zwar innerhalb ein- und desselben Aussprachewörterbuches. Nach dem Großen Wörterbuch der deutschen Aussprache (GWdA) sollen die Vokale im Wort- oder Silbenanlaut neu eingesetzt werden [5: 23]. Von uns wurde aber festgestellt, dass manche im Aussprachewörterbuch präsentierte Beispiele dieser Regel widersprechen: *habit[u]´εll*, *manu[l]´εll*, *eventu[l]´εll*, але *spiritu[´εll]*; *virtu[l]´a:l]*, *re[l]´a:l]*, *ide[l]´a:l]*, але *du[´a:l]*, *ritu[´a:l]*, *ide[´a:l]*; *virtu[l]´o:s]*, але *spiritu[´o:s]*.

Eine noch größere Variabilität der Glottisschlagrealisation zwischen zwei Vokalen wird beim Vergleich der kodifizierten und der realen Norm beobachtet, dabei widerspricht seine Realisation oft den normativen Präskriptionen. Laut den Aussprachewörterbüchern werden die unbetonten Vokale ohne coup de glotte realisiert (*Ukr[a'i:]ne*, *Kr[o'a:]tien*), in der Sprechrealität tritt der Glottisschlageinsatz aber vor unbetonten Vokalen (*Ukr[a]´i:]ne*, *Kr[o]´a:]tien*) auf.

Die von uns festgestellte Variabilität der Realisierung des Glottisschlageinsatzes in biphonemischen Vokalverbindungen zeugt von einer uneindeutigen Situation innerhalb der kodifizierten Norm, was mit ständigen Veränderungen des deutschen Vokalsystems zusammenhängt. Das Problem des Funktionierens des coup de glotte kann als Beitrag zur Kenntniserweiterung im Bereich der deutschen Standardaussprache gelten.

LITERATUR

1. Гришина Т.В. Функціонування глотального приступу в німецьких біфонемних сполученнях голосних (інструментально-фонетичне дослідження): Дис...канд. філол. наук. – Одеса: Фенікс, 2010. – 222 с.
2. Deutsches Aussprachewörterbuch / Krech E.-M., Stock E., Hirschfeld U., Anders L.Ch. – Berlin/ New York: Walter de Gruyter & Co, 2010. – 1076 S.
3. Duden. Das Aussprachewörterbuch / Duden. – Mannheim/ Leipzig/ Wien/ Zürich: Dudenverlag, 2005. – Bd. 6. – 860 S.
4. Grischina T.V. Einsatzarten der anlautenden Vokale in der deutschen Standardaussprache // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика»: Збірник наукових праць. – Херсон: Видавництво ХДУ, 2008. – Випуск 6. – С. 282-287.
5. Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache / Krech E.M. u.a. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. – 600 S.
6. Krech E.-M. Sprechwissenschaftlich-phonetische Untersuchungen zum Gebrauch des Glottisschlageinsatzes in der allgemeinen deutschen Hochlautung / E.-M. Krech. – Basel: Verlag S. Karger AG, 1968. – 126 S.
7. Müller U. Einige Bemerkungen zum Fachunterricht Phonetik innerhalb der Fremdsprachenausbildung // Deutsch als Fremdsprache, Heft 1. – Herder-Institut Leipzig, 1983. – S. 47-51.
8. Rues B. Varietäten und Variation in der deutschen Aussprache // DaF, № 4, 2005. – 324 S.
9. Verbitskaja T.D., Vasylenko E.G. Koartikulatorische Lautmodifikationen in der deutschen Standard- und Umgangslautung: Метод. розробка до практ. та теор. курсів фонетики німецької мови для студ. фак.-ту РГФ. / Вербицька Т.Д., Васильченко О.Г. // Одеський нац. унів. ім. І.І. Мечникова. – Одеса: Фенікс, 2007. – 20 с.
10. Wörterbuch der deutschen Aussprache, VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 1964. – 456 S.

НАШІ АВТОРИ

Азарова Інеса Ігорівна	викладач, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Бігунова Наталія Олександрівна	кандидат філологічних наук, доцент, докторант, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Васильченко Олена Германівна	кандидат філологічних наук, доцент, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Голубенко Лідія Миколаївна	кандидат філологічних наук, професор, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Гришина Тетяна Валеріївна	кандидат філологічних наук, старший викладач, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Джуматій Ольга Олегівна	аспірант, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Діденко Максим Олександрович	кандидат філологічних наук, доцент, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Дімова Лариса Степанівна	кандидат педагогічних наук, доцент, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Домброван Тетяна Іванівна	кандидат філологічних наук, доцент, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Коваль Наталія Олександрівна	кандидат філологічних наук, доцент, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Котюжан Катерина Сергіївна	аспірант, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Красницька Катерина Вікторівна	аспірант, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Крижановська Вікторія Павлівна	викладач, Миколаївський національний університет імені В.О. Сухомлинського
Кухаренко Валерія Андріївна	доктор філологічних наук, професор, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Лимаренко Олена Анатоліївна	кандидат філологічних наук, доцент, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Макеєва Катерина Сергіївна	аспірант, Національний технічний університет України "Київський політехнічний інститут"
Матузкова Олена Прокопіївна	кандидат філологічних наук, доцент, докторант, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Олейнікова Галина Олександрівна	кандидат філологічних наук, доцент, Ізмаїльський державний гуманітарний університет
Пеліван Оксана Костянтинівна	кандидат філологічних наук, викладач, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Реконвальд Наталія Валеріївна	кандидат філологічних наук, доцент, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Свєточева Світлана Миколаївна	викладач, Миколаївський національний університет імені В.О. Сухомлинського
Федотова Марія Анатоліївна	кандидат філологічних наук, викладач, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Цобенко Ольга Василівна	старший викладач, Одеська національна морська академія
Янко Нелія Андріївна	кандидат філологічних наук, доцент, Національний технічний університет України "Київський політехнічний інститут"

ВИМОГИ ДО РУКОПИСІВ

Шановні колеги! Просимо взяти до уваги наступне: редакційна колегія приймає до публікації у збірнику статті, що містять теоретично вагомі й достовірні результати наукових досліджень, які виконані на високому професійному рівні із залученням останніх досягнень вітчизняної та зарубіжної філології.

1. Приймаються статті, що написані українською, російською або будь-якою з робочих мов факультету РГФ ОНУ ім. І.І. Мечникова (англійською, німецькою, французькою, іспанською).

2. Згідно з вимогами ВАК України публікації у фахових виданнях повинні супроводжуватися УДК та анотацією (3-5 рядків) і переліком ключових слів (3-5) українською, російською та англійською мовами. Анотація і ключові слова наводяться **перед** текстом статті, кегль 12, міжрядковий інтервал 1, курсив, ключові слова напівжирним (див. зразок анотації)

3. Статті повинні мати такі необхідні елементи: (1) постановка проблеми у загальному вигляді та її зв'язок із важливими науковими чи практичними завданнями; (2) аналіз останніх досліджень і публікацій, в яких започатковано розв'язання даної проблеми і на які спирається автор, зазначення невирішених частин загальної проблеми, котрим присвячується стаття; (3) формулювання цілей і завдань статті; (4) виклад основного дослідження з обґрунтуванням отриманих наукових результатів; (5) висновки з даного дослідження і перспективи подальших наукових розвідок (Постанова Президії ВАК України від 15.01.2003 р. № 7-05/1).

4. Посилання на теоретичні джерела подаються в тексті згідно переліку літератури у квадратних дужках наступним чином: [№ джерела, цитована сторінка; № наступного джерела, цитована сторінка] або [№ джерела; № джерела], якщо не наведені сторінки джерела. Наприклад: [4, 154; 6, 768] або [4; 6], де 4; 6 - номери джерел, 154; 768 - номери сторінок. Посилання на матеріал, що досліджується, наводяться у круглих дужках.

5. Ілюстрації (схеми, графіки, діаграми тощо) нумеруються у межах статті і супроводжуються підмалюнковими підписами, наприклад: Рис.1. Графік залежності показника *a* від показника *b*. Цифровий матеріал може оформлюватись у таблиці, які теж нумеруються в межах статті і супроводжуються назвою над таблицею по центру.

6. Окремі слова латиницею, що включені в кириличний текст, а також ілюстративні приклади виділяються курсивом, наприклад: Д. Артідж свого часу запропонував термінопоняття "*culturally and ideologically situated reader*". Приклади, що складаються більше, ніж з одного речення, виокремлюються в абзац та друкуються із відступом 10-15 мм від лівого берегу, наприклад:

Tune in Web radio stations from across town or round the globe. Download music from the Internet, search for and complete information about tunes and artists, and do even more (14, 653).

У разі наявності перекладу ілюстративної цитати він друкується з таким саме відступом.

7. Перелік цитованих джерел під назвою "Література" друкується 12 кеглем, міжрядковий інтервал 1 одразу після тексту статті: спочатку подаються теоретичні роботи, написані кирилицею, потім ті, що написані латиницею, в алфавітному порядку згідно вимог державних бібліографічних стандартів, потім подаються словники та довідкова література, потім матеріал дослідження. Нумерація наскрізна.

8. Обсяг статті (разом із ілюстраціями і переліком літератури) має складати 10-12 сторінок. Рукопис має бути представлений до редакції у роздрукованому вигляді (1 примірник) та надісланий за електронною адресою **lesiaastrochenko@gmail.com** у форматі *.doc (MS Word), або *.rtf : гарнітура Times New Roman, кегель 14, міжрядковий інтервал 1,5, сторінки мають бути нумеровані.

9. На окремому аркуші надаються дані про автора:

- 1) прізвище, ім'я, по-батькові (українською мовою згідно паспорту),
- 2) науковий ступінь,
- 3) вчене звання,
- 4) статус аспіранта, докторанта, пошукача (в разі наявності такого),
- 5) місце роботи і посада,
- 6) номер телефону, адреса, e-mail.

10. Статті обов'язково підлягають редакційному рецензуванню і редагуванню. У разі невідповідності заявленим стандартам стаття не публікується і може бути повернена автору для доопрацювання. Статті, що виконані аспірантами або пошукачами, мають супроводжуватися рекомендацією до друку, підписаною науковим керівником.

ЗРАЗОК АНОТАЦІЇ

УДК

Колесник О.С.

ЛІНГВОКУЛЬТУРНІ ОСОБЛИВОСТІ МІФОЛОГІЧНИХ СЦЕНАРІЇВ

У статті розглянуто системні і структурні особливості міфологічних сценаріїв, механізм їх творення. Номінації їх елементів у германських мовах архаїчного періоду аналізуються у лінгвокультурному ракурсі.

Ключові слова: міфологічний сценарій, концепт-міфологема, система, фрейм, скрипт.

Колесник А.С. Лингвокультурные особенности мифологических сценариев. В статье рассмотрены системные и структурные особенности мифологических сценариев, механизмы их образования. Номинации их элементов в германских языках архаичного периода анализируются в лингвокультурном ракурсе.

Ключевые слова: мифологический сценарий, концепт-мифологема, система, фрейм, скрипт.

Kolesnyk O.S. Linguo-cultural peculiarities of mythic scenarios. The article addresses systemic and structural peculiarities of mythic scenarios as well as the mechanisms of their emergence. Designation units denoting their components in old Germanic languages are analyzed in linguo-cultural perspective.

Key words: mythic scenario, mythic concept, system, frame, script.

КООРДИНАТИ ГОЛОВНОГО РЕДАКТОРА:

проф. Колегаєва Ірина Михайлівна

– телефон: (048) 776 21 89, 777 98 52

– адреса: 65058 м. Одеса, Французький бульвар, 24/26

Одеський національний університет, факультет РГФ, кімн. 109

КООРДИНАТИ ВІДПОВІДАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ:

доц. Строченко Леся Василівна

– телефон: (0482) 42 51 01, +38 067 749 29 27

– E-mail: lesiastrochenko@gmail.com

Звертаємо Вашу увагу, що збірник розміщується на наступному сайті електронних видань бібліотеки імені Вернадського:

http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/zrgf/index.html

Редакційна колегія

ЗМІСТ

Бигунова Н.А. СТРУКТУРНЫЕ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО АКТА ОДОБРЕНИЯ.....	3
Васильченко Е.Г. ОСОБЕННОСТИ СПОНТАННОЙ РЕЧИ КАК ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ.....	12
Джуматий О.О. АНГЛОЯЗЫЧНОЕ ЛСП "FACE": ЛИЦО КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ И ЧУВСТВ (на материале толковых словарей).....	18
Димова Л.С. КОММУНИКАТИВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ В СВЕТЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ СОВЕТА ЕВРОПЫ ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	27
Домброван Т.И. ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПАРАМЕТРОВ УПРАВЛЕНИЯ.....	35
Коваль Н.А. РОЛЬ ТЕМПА РЕЧИ В ОПТИМИЗАЦИИ ИМИДЖА ПОЛИТИКА.....	43
Котюжан Е.С. WINTER, SPRING, SUMMER, AUTUMN (FALL) КАК КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА-РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА "ВРЕМЕНА ГОДА" В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	49
Красницька К.В. ОБРАЗ МЕШКАНЦІВ ЗАХОДУ/СХОДУ ЯК ЕЛЕМЕНТ КОНЦЕПТУ СТОРОНИ СВІТУ.....	55
Крижановська В.П. ТИПИ ВИСУНЕННЯ ЯК СТИЛІСТИЧНІ ПРИЙОМИ (на матеріалі німецькомовної новели).....	60
Кухаренко В.А. ЛАУРЕАТ БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ 2011 ГОДА ДЖУЛИАН БАРНС: THE SENSE OF AN ENDING.....	67
Лимаренко О.А. ГРАДАЦІЯ КАУЗАЛЬНИХ ВІДНОШЕНЬ У ФУНКЦІОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧНОМУ ПОЛІ КОНТРАДИКТОРНОСТІ.....	74
Макеєва К.С. ФРАНЦУЗЬКИЙ ЕЛЕМЕНТ У СУЧАСНИХ ОЙКОНІМАХ ПІВДЕННИХ ГРАФСТВ АНГЛІЇ.....	81

Матузкова Е.П. ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ: ПРОБЛЕМАТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	90
Олейникова Г.А. ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ЖАНРЕ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ.....	98
Пеливан О.К. ПРОСОДИЯ ВЕЖЛИВОСТИ И НЕВЕЖЛИВОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ФОРМАЛЬНОМ И НЕФОРМАЛЬНОМ КОНФЛИКТНОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ДИНАМИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТР.....	109
Реконвальд Н.В. ВРЕМЯ В ЧАТ-ДИСКУРСЕ.....	117
Светочева С.Н. НАИМЕНОВАНИЕ И СЕМАНТИКА БОГА THOR 'ТОР' И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ (на материале "Старших Эдд" и английских текстов).....	125
Федотова М.А. ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ, ОБУСЛОВЛЕННЫХ ВОЙНОЙ.....	133
Цобенко О.В. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНЕ ПОЛЕ "ЮВЕЛІРНІ ПРИКРАСИ" В АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ.....	139
Янко Н.А. ПРАГМАТИЧНА АДАПТАЦІЯ АНГЛОМОВНОГО ПЕРЕКЛАДУ ПОВІСТІ БРАТІВ ВАЙНЕРІВ "ГОРОД ПРИНЯЛ!...".....	145
Asarowa I.I. PHONETISCHE INTEGRATION VON ANGLIZISMEN IN GESPROCHENEM DEUTSCH.....	153
Golubenko L.N., Didenko M.A. POLITISCHER RAP ALS SUBGENRE DER DEUTSCHEN HIP-HOP-SZENE (sprachliche und soziokulturelle Aspekte).....	159
Grischina T.V. VOKALEINSATZREALISIERUNGEN IN DER DEUTSCHEN STANDARD AUSSPRACHE.....	166
НАШІ АВТОРИ.....	173
ВИМОГИ ДО РУКОПИСІВ.....	175

Наукове видання

ЗАПИСКИ З РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ ФІЛОЛОГІЇ

Випуск 28

Записки з романо-германської філології / [ред. І.М. Колегаєва] // Одеський національний університет імені І.І. Мечникова: ф-т романо-германської філології. – Вип. 28. – Одеса: КП ОГТ, 2012. – 180 с.

Коректор
Макет

*Єрьоменко С.В.
Бондаренко Н.Г.*

Підписано до друку 20.03.2012 р.
Формат 70х108/16. Гарнітура Arial.
Папір офсет. Друк офсет. Обл.-вид. арк. 12,09. Ум. друк. арк. 15,75.
Зам. 2984. Тираж 300 прим.

Видавництво КП ОМД (свід. ДК № 774 від 17.01.2002 р.)
Надруковано в КП «Одеська міська друкарня»
65012, Одеса, вул. Пантелеймонівська, 17